

ТОМ 7, №5, 2024

eISSN 2658-7165

РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Инновационная наука: Психология. Педагогика. Дефектология

Общая психология / Психология личности / Психофизиология / Педагогическая психология / Социальная психология / Возрастная психология / Коррекционная психология / Дефектология / Общая педагогика

Ψ

www.inov-ppd.ru
DOI 10.23947/2658-7165

Инновационная наука: Психология. Педагогика. Дефектология

Рецензируемый научный журнал (издается с 2017 года)

eISSN 2658-7165

DOI: 10.23947/2658-7165

Том 7, № 5, 2024

Целью журнала является содействие распространению нового и актуального научного знания в области психологии, педагогики, дефектологии путем публикации научных работ, выполненных и подготовленных к публикации в соответствии с международными издательскими стандартами.

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, в котором должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (Перечень ВАК) по следующим научным специальностям:

- 5.3.1 – Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)
- 5.3.2 – Психофизиология (психологические науки)
- 5.3.2 – Психофизиология (биологические науки)
- 5.3.4 – Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки)
- 5.3.5 – Социальная психология, политическая и экономическая психология (психологические науки)
- 5.3.7 – Возрастная психология (психологические науки)
- 5.3.8 – Коррекционная психология и дефектология (психологические науки)
- 5.8.1 – Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки)

<i>Индексация</i>	РИНЦ, CyberLeninka
<i>Наименование органа, зарегистрировавшего издание</i>	Свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ № ФС 77 – 71604 от 13 ноября 2017 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
<i>Учредитель и издатель</i>	Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донской государственный технический университет» (ДГТУ)
<i>Периодичность</i>	6 выпусков в год
<i>Адрес учредителя и издателя</i>	344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1
<i>E-mail</i>	inovppd@gmail.com
<i>Телефон</i>	+ 7(908)-506-1906
<i>Сайт</i>	https://inov-ppd.ru
<i>Дата выхода в свет</i>	30.10.2024

Innovative science: psychology, pedagogy, defectology

Peer-reviewed scientific journal (published since 2017)

eISSN 2658-7165

DOI: 10.23947/2658-7165

Vol. 7, no. 5, 2024

The purpose of the journal lies in the contribution to improving the quality of scientific research in the fields of psychology, psycholinguistics, pedagogy, and defectology. Our impact is made by publishing scientific works, written and prepared in accordance with international standards.

The journal is included in the List of the leading peer-reviewed scientific publications (Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation), where basic scientific results of dissertations for the degrees of Doctor and Candidate of Science in scientific specialties and their respective branches of science should be published.

The journal publishes articles in the following fields of science:

- General psychology, personality psychology, history of psychology (psychological sciences)
- Psychophysiology (psychological sciences)
- Psychophysiology (biological sciences)
- Pedagogical psychology, psychodiagnostics of digital educational environments (psychological sciences)
- Social psychology, political and economic psychology (psychological sciences)
- Age psychology (psychological sciences)
- Correctional Psychology and Defectology (psychological sciences)
- General pedagogy, history of pedagogy and education (pedagogical sciences)

<i>Indexing</i>	RSCI, CyberLeninka
<i>Name of the body that registered the publication</i>	Mass media registration certificate ЭЛ № ФС 77 – 71604 dated 13 November, 2017 issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media
<i>Founder and publisher</i>	Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Don State Technical University (DSTU)
<i>Periodicity</i>	6 issues per year
<i>Address of the founder and publisher</i>	1, Gagarin sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation
<i>E-mail</i>	inovppd@gmail.com
<i>Telephone</i>	+ 7(908)-506-1906
<i>Website</i>	https://inov-ppd.ru
<i>Date of publication</i>	30.10.2024

Главный редактор, Ирина Владимировна Абакумова, доктор психологических наук, профессор, академик РАО, Донской государственной технической университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Заместитель главного редактора, Павел Николаевич Ермаков, доктор биологических наук, профессор, академик РАО, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Редакционный совет

Алла Константиновна Белоусова, доктор психологических наук, профессор, Донской государственной технической университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Валерий Павлович Белянин, доктор филологических наук, профессор, Университет Торонто (Торонто, Канада);

Ася Суреновна Берберян, доктор психологических наук, профессор, Российско-армянский (славянский) университет (Ереван, Армения);

Марина Блувштейн, доктор философских наук, профессор, Центр адлерианской практики и исследований в Университете Адлера (Чикаго, США);

Евгений Федорович Бороховский, доктор психологических наук, доцент, университет Конкордия (Конкордия, Канада);

Владимир Пантелеймонович Борисенков, доктор педагогических наук, профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация);

Ольга Владимировна Гукаленко, доктор педагогических наук, профессор, Институт стратегии развития образования РАО (Москва, Российская Федерация);

Юрий Петрович Зинченко, доктор психологических наук, профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация);

Лазарь Стошич, доктор технических наук, профессор, университет UNION Nikola Tesla (Белград, Сербия).

Редакционная коллегия

Валентина Владимировна Абраухова, доктор педагогических наук, профессор Донской государственной технической университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Виталий Вадимович Бабенко, доктор биологических наук, профессор, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Зинаида Игоревна Березина, доктор психологических наук, доцент, Ростовский государственный медицинский университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Вера Александровна Лабунская, доктор психологических наук, профессор, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Елена Викторовна Воробьева, доктор психологических наук, профессор, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Татьяна Ивановна Власова, доктор педагогических наук, профессор, Донской государственной технической университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Максим Николаевич Дмитриев, кандидат медицинских наук, доцент, Ростовский государственный медицинский университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Александр Викторович Дятлов, доктор социологических наук, профессор, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Надежда Федоровна Ефремова, доктор педагогических наук, профессор, Донской государственной технической университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Лаура Цраевна Кагермазова, доктор психологических наук, профессор, Чеченский государственный педагогический университет (Грозный, Российская Федерация);

Анатолий Викторович Карпов, доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова (Ярославль, Российская Федерация);

Ирина Александровна Кибальченко, доктор психологических наук, профессор, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Лариса Михайловна Кобринна, доктор педагогических наук, профессор, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина (Санкт-Петербург, Российская Федерация);

Анжелика Ильинична Лучинкина, доктор психологических наук, профессор, Крымский инженерно-педагогический университет (Симферополь, Российская Федерация);

Татьяна Викторовна Лисовская, доктор педагогических наук, профессор, Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка (Минск, Белоруссия);

Наталья Александровна Лызь, доктор педагогических наук, профессор, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Евгений Ефимович Несмеянов, доктор философских наук, профессор, Донской государственной технической университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Ольга Савельевна Мавропуло, кандидат педагогических наук, доцент, Донской государственной технической университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Елена Александровна Макарова, доктор психологических наук, профессор, Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Елена Валерьевна Муругова, доктор филологических наук, профессор, Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Влада Игоревна Пищик, доктор психологических наук, профессор, Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Марина Леонидовна Скуратовская, доктор педагогических наук, доцент, Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Ольга Дмитриевна Федотова, доктор педагогических наук, профессор, Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Лариса Александровна Цветкова, доктор психологических наук, доцент, Высшая школа экономики (Санкт-Петербург, Российская Федерация);

Любовь Яковлевна Хоронько, доктор педагогических наук, профессор, Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Татьяна Николаевна Щербакова, доктор психологических наук, профессор, Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация).

Выпускающий редактор, Евгений Александрович Проненко, кандидат психологических наук, доцент, Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Ответственный секретарь, Диана Валерьевна Запорожец, Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Переводчик, Влада Романовна Старыгина;

Литературный редактор, Маргарита Евгеньевна Беликова, Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация).

Editor-in-Chief, Irina V. Abakumova, Dr.Sci. (Psychology), Professor, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Deputy Editor-in-Chief, Pavel N. Ermakov, Dr.Sci. (Biology), Professor, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Editorial Board

Alla K. Belousova, Dr.Sci. (Psychology), Professor, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Valery P. Belyanin, Dr.Sci. (Philology), Professor, University of Toronto (Toronto, Canada);

Asya S. Berberyan, Dr.Sci. (Psychology), Professor, Russian Federation-Armenian University (Yerevan, Armenia);

Marina Bluvstein, Dr.Sci. (Philosophy), Professor, Center for Adlerian Practice and Research at Adler University (Chicago, USA);

Evgeny F. Borokhovskiy, Dr.Sci. (Psychology), Associate Professor, Concordia University (Concordia, Canada);

Vladimir P. Borisenkov, Dr.Sci. (Pedagogy), Professor, Moscow State University named after M.V. Lomonosov (Moscow, Russian Federation);

Olga V. Gukalenko, Dr.Sci. (Pedagogy), Professor, Institute for Education Development Strategy of the Russian Federation Academy of Education (Moscow, Russian Federation);

Yuri P. Zinchenko, Dr.Sci. (Psychology), Professor, Moscow State University named after M.V. Lomonosov (Moscow, Russian Federation);

Lazar Stosic, Dr.Sci., Professor, Faculty of Management, Sremski Karlovci, University UNION Nikola Tesla, (Belgrade, Serbia).

Editorial Board

Valentina V. Abraukhova, Dr.Sci. (Pedagogy), Professor, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Vitaly V. Babenko, Dr.Sci. (Biology), Professor, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Zinaida I. Berezina, Dr.Sci. (Psychology), Associate Professor, Rostov State Medical University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Vera A. Labunskaya, Dr.Sci. (Psychology), Professor, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Elena V. Vorobyeva, Dr.Sci. (Psychology), Professor, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Tatiana I. Vlasova, Dr.Sci. (Pedagogy), Professor, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Maxim N. Dmitriev, Cand.Sci. (Medicine), Associate Professor, Rostov State Medical University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Alexander V. Dyatlov, Dr.Sci. (Sociology), Professor, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Nadezhda F. Efremova, Dr.Sci. (Pedagogy), Professor, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Laura T. Kagermazova, Dr.Sci. (Psychology), Professor, Chechen State Pedagogical University (Grozny, Russian Federation);

Anatoly V. Karpov, Dr.Sci. (Psychology), Professor, P.G. Demidov Yaroslavl State University (Yaroslavl, Russian Federation);

Irina A. Kibalchenko, Dr.Sci. (Psychology), Professor, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Larisa M. Kobrina, Dr.Sci. (Pedagogy), Professor, Pushkin Leningrad State University (Saint Petersburg, Russian Federation);

Angelika I. Luchinkina, Dr.Sci. (Psychology), Professor, Crimean Engineering and Pedagogical University the name of Fevzi Yakubov (Simferopol, Russian Federation);

Tatiana V. Lisovskaya, Dr.Sci. (Pedagogy), Professor, Belarusian state pedagogical university named after Maxim Tank (Minsk, Belarus);

Natalia A. Lyz, Dr.Sci. (Pedagogy), Professor, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Evgeny Ye. Nesmeyanov, Dr.Sci. (Philosophy), Professor, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Olga S. Mavropulo, Cand.Sci. (Pedagogy), Associate Professor, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Elena A. Makarova, Dr.Sci. (Psychology), Professor, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Elena V. Murugova, Dr.Sci. (Philology), Professor, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Vlada I. Pischik, Dr.Sci. (Psychology), Professor, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Marina L. Skuratovskaya, Dr.Sci. (Pedagogy), Associate Professor, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Olga D. Fedotova, Dr.Sci. (Pedagogy), Professor, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Larisa A. Tsvetkova, Dr.Sci. (Psychology), Associate Professor, Herzen State Pedagogical University of Russian Federation (Saint Petersburg, Russian Federation);

Lyubov Ya. Khoronko, Dr.Sci. (Pedagogy), Professor, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Tatiana N. Shcherbakova, Dr.Sci. (Psychology), Professor, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation).

Executive Editor, Evgeny A. Pronenko, Cand.Sci. (Psychology), Associate Professor, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Responsible secretaries, Diana V. Zaporozhets, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Translator, Vlada R. Starygina;

Literary editor, Margarita E. Belikova, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation).

Содержание

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

- Деформация ценностно-смысловой сферы у студентов, проживающих в условиях военного конфликта 9**
Марина С. Романова, Евгения Н. Рядинская
- Психологические аспекты отказа от деторождения в современном обществе 20**
Дмитрий В. Деулин, Александр М. Пеньков
- Психологические аспекты отказа от деторождения в современном обществе 35**
Юлия А. Мочалова
- Построение карьеры женщинами, работающими в найме и ведущими собственный бизнес: психологический аспект 44**
Анастасия В. Гришина, Евгения В. Шаповалова, Елена В. Дьякова
- Готовность к риску как личностное свойство саморегуляции: кросскультурный подход 54**
Юлия В. Селезнева, Анастасия Ю. Тарасова

КОРРЕЦИОННАЯ ПСИХОЛОГИЯ

- Особенности родительского отношения в семьях детей с синдромом дефицита внимания и гиперактивностью 65**
Ирина А. Бакаева, Евгения С. Кобыляцкая

ОБЩАЯ ПЕДАГОГИКА

- Проблемы и перспективы управления высшим образованием в Ираке 75**
Елена А. Макарова, Елена Л. Макарова Духа Таха Исмаил Аль-Машдани

Contents

GENERAL PSYCHOLOGY, PERSONALITY PSYCHOLOGY, HISTORY OF PSYCHOLOGY

- Deformation of the Meaning Sphere Among Students Living in Conditions of Military Conflict** 9
Marina S. Romanova, Evgenia N. Ryadinskaya
- Psychological Aspects of Childbearing Refusal in Modern Society** 20
Dmitry V. Deulin, Alexander M. Penkov
- Adolescent Boys' Trust in Their Mothers and The Order in The Structure of Its Predictors** 35
Julia A. Mochalova
- The Psychological Aspect of Building a Career for Female Recruiters and Women Who Have Their Own Businesses** 44
Anastasia V. Grishina, Evgenia V. Shapovalova, Elena V. Dyakova
- Risk-Taking as a Personality Trait of Self-Regulation: a Cross-Cultural Approach** 54
Julia V. Selezneva, Anastasia Yu. Tarasova

CORRECTIONAL PSYCHOLOGY

- Features of Parental Attitudes in Families of Children with Attention Deficit Hyperactivity Disorder** 65
Irina A. Bakaeva, Evgeniya S. Kobylatskaya

GENERAL PADOGOGY

- Problems and Prospects of Higher Education Management in Iraq** 75
Elena A. Makarova, Elena L. Makarova, Duha Taha Ismail Al-Mashhdani

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

GENERAL PSYCHOLOGY, PERSONALITY PSYCHOLOGY, HISTORY OF PSYCHOLOGY

УДК 159.9

Оригинальное эмпирическое исследование

<https://doi.org/10.23947/2658-7165-2024-7-5-9-19>

DXTWLY

Деформация ценностно-смысловой сферы у студентов, проживающих в условиях военного конфликта

Марина С. Романова¹ , Евгения Н. Рядинская²

¹ Управление 103 мотострелкового полка 150 мотострелковой дивизии 8 общевойсковой армии Южного военного округа, штаб Южного военного округа, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

² Донбасская аграрная академия, г. Макеевка, Российская Федерация

 marinavromanova@yandex.ru

Аннотация

Введение. Работа посвящена исследованию деформации ценностно-смысловой сферы личности студентов, проживающих в зоне военных действий. Актуальность исследования объясняется рутинизацией военных конфликтов в связи с осложнением геополитической ситуации. Проживание вблизи зоны боевых действий приводит к глобальным изменениям в структуре личности молодых людей, в особенности к изменениям ценностно-смысловой сферы. Полученные данные могут быть использованы для разработки программ, направленных на коррекцию ценностных ориентаций студентов и усвоение ими ценностей, присущих активному гражданину, осознающему свою роль в обществе и стремящемуся к процветанию своей страны.

Цель. Выявить и изучить особенности деформации ценностно-смысловой сферы личности студентов, проживающих в зоне военных действий.

Материалы и методы. В качестве эмпирического объекта исследования выступили в общей сложности 80 человек: 40 студентов, проживающих в Южном федеральном округе и 40 студентов, проживающих в Донецкой народной республике. Большая часть респондентов – девушки, студенты гуманитарных направлений. Для достижения цели исследования были использованы такие методики как тест смысложизненных ориентаций СЖО и тест исследования реальной структуры ценностных ориентаций личности. В качестве методов статистической обработки данных применялся количественный анализ и сравнительный анализ с применением U-критерия Манна-Уитни.

Результаты исследования. Установлены различия в ценностно-смысловой сфере у респондентов, проживающих в мирных районах и в районах вблизи зоны боевых действий. Студенты, которые живут вдали от мест проведения боевых действий, более глубоко осознают смысл своей жизни. Это проявляется в их большей сосредоточенности на достижении целей, в стремлении осмыслить прошлое и насладиться настоящим. При этом студенты, проживающие в мирных городах, также в большей степени видят ценность в наслаждении прекрасным, познании нового. Студенты, проживающие вблизи зоны военных действий, при этом большую ценность видят в материальных благах.

Обсуждение результатов. Полученные в результате исследования данные о деформации ценностно-смысловой сферы у студентов, проживающих в зоне военных действий соотносятся с представлениями других авторов. Так, выявленные различия в ценностных ориентациях могут быть объяснены тем фактом, что студенты, проживающие вблизи зоны боевых действий больше нацелены на удовлетворение базовых потребностей.

Ключевые слова: ценностно-смысловая сфера, смысложизненные ориентации, стресс, травматический опыт, совладающее поведение

Для цитирования: Романова, М. С., Рядинская, Е. Н. (2024). Деформация ценностно-смысловой сферы у студентов, проживающих в условиях военного конфликта. *Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология*, 7(5), 9–19. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2024-7-5-9-19>

Deformation of the Meaning Sphere Among Students Living in Conditions of Military Conflict

Marina S. Romanova¹ , Evgenia N. Ryadinskaya²

¹ Directorate of 103 motorised rifle regiment, 150 motorised rifle division, 8 combined arms army of the southern military district, headquarters of the Southern Military District, 43 Budennovsky Av., Rostov-on-Don, Russian Federation

² Donbass Agrarian Academy, Makeevka, Russian Federation

 marinavromanova@yandex.ru

Abstract

Introduction. The work is devoted to the study of the deformation of the value-semantic sphere of the personality of students living in a war zone. The relevance of the study is explained by the routine nature of military conflicts in connection with the complication of the geopolitical situation. Living near a combat zone leads to significant changes in the personality structure of young people, especially in their meaning sphere. The data obtained can be used to develop programs aimed at correcting students' value orientations and assimilating the values inherent in an active citizen who is aware of their role in society and strives for the prosperity of their country.

Objective. Identify and study the features of the deformation of the meaning sphere of the personality of students living in a war zone.

Materials and Methods. A total of 80 individuals served as the empirical object of research: 40 students living in the Southern Federal District and 40 students living in the Donetsk People's Republic. Most of the respondents are female students studying humanities. To achieve the purpose of the study, methods such as the Purpose-in-Life Test, PIL (adaptation of D.A. Leontiev, 1988) and a test to study the real structure of individual value orientations were employed. Quantitative analysis and comparative analysis using the Mann-Whitney U test were utilized for statistical data processing.

Results. Differences in the value-semantic sphere were found among respondents living in peaceful areas compared to those in areas near the combat zone. Students who live far from combat sites are more aware of the meaning of their lives. This is manifested in their greater focus on achieving goals, their effort to comprehend the past, and their enjoyment of the present. At the same time, students living in peaceful cities also place more value on enjoying beauty and learning new things. Conversely, students living near the war zone tend to see greater value in material benefits.

Discussion. The data obtained from the study on the deformation of the meaning sphere among students living in a war zone correlate with the views of other authors. Thus, the revealed differences in value orientations can be explained by the fact that students living near combat zones are more focused on meeting basic needs.

Keywords: value-semantic sphere, meaning-of-life orientations, stress, traumatic experience, coping behavior

For Citation. Romanova, M. S., Ryadinskaya, E. N. (2024). Deformation of the Meaning Sphere Among Students Living in Conditions of Military Conflict. *Innovative Science: psychology, pedagogy, defectology*, 7(5), 9–19. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2024-7-5-9-19>

Введение

В современных реалиях одной из актуальных задач становится развитие психологической готовности личности проявлять конструктивные способы совладающего поведения в экстремальных ситуациях. Данный навык становится критерием адаптивности личности в условиях повышенного риска. Этим фактом объясняется растущая необходимость в изучении личностных изменений, происходящих на фоне пребывания людей в зоне военного конфликта. Мы исходим из того, что условия войны и гражданского, мирного общества радикально отличаются друг от друга и психологически противоречат друг другу. Процесс адаптации к протекающим вблизи места жительства боевым действиям может потребовать радикальных изменений как в отдельной личности, так и в различных социальных системах. Таким образом, одна из центральных проблем для человека, который переживает эти изменения – это адаптация «расколотого» Я после погружения в противоречивые социальные системы (Laufer, 1988).

В качестве наиболее значимых изменений в такой ситуации мы рассматриваем изменения в ценностно-смысловой сфере личности, как определяющей характер и направление внутренней и внешней активности человека. Значимость изучения содержания деформации смысложизненных ориентаций лиц, пребывающих в зоне военного конфликта, определяется также необходимостью построения эффективной системы психологической реабилитации людей, находящихся в условиях длительного мультифакторного стресса. Именно уровнем развития ценностно-смысловой сферы, способностью личности к формированию жизненных перспектив определяется возможность сохранения личностного благополучия в ситуации обострения военных конфликтов и возросшего уровня риска.

Современные психологические исследования, посвященные изменениям личности в условиях длительного стресса, показывают, что способность успешно преодолевать трудности зависит не только от умения конструктивно действовать в кризисные моменты, но и от способности человека к смысловой регуляции. Это умение

подразумевает навык трансформации травматического опыта в основу для дальнейшего личностного роста. Использование личностью собственных ресурсов позволяет в определенной мере трансформировать негативное воздействие трудной социальной ситуации неблагополучия, неопределённости и нестабильности за счет расширения социальной активности, усиления мотивации поиска новых возможностей преодоления, разнопланового межличностного взаимодействия (Кудряшова, 2018). Осознание собственной способности противостоять неблагоприятным внешним воздействиям в контекстных условиях военного конфликта приводит к повышению и стабильности уровня самооценки, способствует росту доверия к себе и уверенности в своих силах. В наше время, когда риск возникновения новых военных конфликтов становится всё более очевидными, проблема формирования устойчивости и жизнестойкости личности, развития её способности открывать новые смыслы активности и воплощать просоциальные ценности в жизнь становится всё более актуальной.

Однако существует противоречие между необходимостью формировать ценности и смысложизненные ориентации, которые позволяют личности сохранять продуктивность и благополучие в трудных ситуациях, и недостаточной разработанностью вопроса возможной деформации ценностно-смысловой сферы, а также методов её профилактики и коррекции.

Особо важным направлением в изучении изменений ценностно-смысловой сферы в условиях военных действий мы считаем исследование данных изменений у группы студенческой молодежи. Период студенчества и в ситуации нормы связан с изменением смысловых ориентаций, поскольку молодые люди начинают выстраивать образ себя как специалиста, будущего профессионала. Вопросы, касающиеся реализации жизненных ценностей, становятся особенно актуальными именно в студенческие годы. Это время активного поиска своего места в обществе, выбора профессионального пути и освоения социальных норм и взаимоотношений. Кроме того, это этап, когда молодые люди сталкиваются с внутренними кризисами и формируют свои ценностные ориентиры, что значительно влияет на развитие их характера и личности (Комиссарова, 2020). Воздействие сильных стрессовых факторов на молодых людей в этот период чревато деформацией ценностно-смысловой сферы, которая в будущем будет влиять на активность личности. Важно понимать, что сегодняшние студенты через пару лет начнут свой профессиональный путь и станут специалистами в выбранной отрасли, они будут создавать семьи, постепенно становясь наиболее активными членами общества, гражданами своей страны. В определенный момент времени именно от них будет зависеть траектория развития страны, в связи с чем нам представляется важным иметь представление об изменениях смысловых ориентаций у студентов в период военного конфликта.

Таким образом, актуальность выбранной темы обусловлена не только недостаточной изученностью проблемы, но и необходимостью создания программ психологической помощи для студентов, находящихся в зоне военного конфликта. При этом эти программы должны быть разработаны таким образом, чтобы студенты могли получать психологическую помощь непосредственно в процессе своего обучения.

В связи с вышесказанным **цель данного исследования** – изучить особенности деформации ценностно-смысловой сферы студентов, проживающих в зоне военного конфликта.

Прежде чем перейти к анализу результатов настоящего исследования остановимся на некоторых теоретических положениях, на которые мы ориентировались в процессе его проведения.

Ценностно-смысловая сфера личности представляет собой результат процесса социализации, в ходе которого происходит сопоставление индивидуальных потребностей, мотивов, интересов и убеждений с общественными нормами и идеалами (Леонтьев, 2014; Абакумова & Крутелева, 2016). Эта система может развиваться и трансформироваться на протяжении всей жизни человека под воздействием различных обстоятельств (Леонтьев, 2007). В основе ценностно-смысловой сферы человека находятся сложно организованная система ценностей, которая определяет действия человека, и система личностных смыслов, в которой выражаются значения объектов и событий действительности для личности (Самыкина & Войцеховская, 2017; Кудряшова, 2018).

Schwartz (2010) выделил две подгруппы ценностей:

- ценности, основанные на тревоге;
- ценности, не связанные с тревогой (Shah & Higgins, 2001).

Первые основываются на мотивации, вызванной угрозой и сопряженной с ней попыткой справиться с неопределенностью, в то время как вторая подгруппа ценностей, не связанная с тревогой, способствует личностному росту (Daniel et al., 2013).

В настоящее время эмпирически доказана взаимосвязь между спецификой переживания кризисного состояния и индивидуальными особенностями смысловой сферы личности (Лунин, 2016). Изменение ценностей может быть инициировано внешними факторами, требующими адаптации к ситуации (Bardi & Goodwin, 2011). Так, значимые общественные события, в особенности те, которые приводят к травматизации населения, могут стать причиной глобальных изменений ценностей в целом обществе (Janoff-Bulman, 1989). На индивидуальном уровне эти изменения проявляются следующим образом: обычно в экстремальных ситуациях люди будут стремиться к ценностям, значимость которых подкрепляется внешней ситуацией, а значимость труднодостижимых ценностей в данных условиях снизится (Schwartz & Bardi, 1997). Исследователи подчеркивают, что в травматических

ситуациях активируются психологические механизмы защиты, позволяющие временно дистанцироваться от болезненных переживаний и опыта, угрожающих системе личных ценностей. Психологи также отмечают, что формирование ценностного отношения к травматичному опыту невозможно без его должного осмысления личностью – в таком случае у человека затушено восприятие временной перспективы, происходит «фиксация» на экстремальной ситуации.

В прикладной психологии акцентируется внимание на том, что важно не только осмысление травмирующего события как опыта и формирование новых смыслов, но и его погружение в более широкий смысловой контекст ценностных отношений личности, так как ценностно-смысловая сфера является важнейшим компонентом структуры личности (Лунин, 2016).

Было обнаружено, что ценности и способы их достижения связаны с широким спектром социальных установок и моделей поведения (Rokeach, 1973; Rokeach, 1979) и играют значительную роль в процессах преодоления стресса (Lazarus & Folkman, 1984). С точки зрения Б. В. Зейгарник, факторами, которые могут предотвратить разрушительное воздействие психической травмы на личность, являются глубина, устойчивость и позитивность ценностных ориентаций субъекта (Золотова, 2007). Также в работах М. Ш. Магомед-Эминова показано, что травматическая ситуация трансформирует смысловую сферу человека. Автор объясняет, что воздействие негативного опыта приводит к биполярным изменениям данной сферы личности, поскольку одни личностные смыслы сосредотачиваются вокруг идеи жизни, а другие вокруг идеи смерти (Магомед-Эминов, 2015; Магомед-Эминов, Квасова & Савина, 2015). Ассимилируясь на уровне индивидуального сознания, ценности и смыслы функционируют как детерминанты, лежащие в основе выбора жизненного пути, определяющие поведение человека в сложной жизненной ситуации (Борисов, 2019).

В целом, согласно данным многих авторов, нахождение вблизи боевого конфликта негативно сказывается в большей степени на психологическом нежели на физическом состоянии личности (Богатов, 2015). Так, люди, находящиеся вблизи зоны боевых действий, отмечают следующие проблемы: сложности эмоционально-волевой регуляции, формирование жестких установок, переживание тревожности и подавленности (Гребенюк, 2023). Таким образом, переживаемые психологические сложности выражаются в ощущении дискомфорта, который, с одной стороны, значительно ухудшает качество жизни личности, а с другой может стимулировать личностный рост, благодаря формированию системы ценностных приоритетов более высокого уровня (Соловьева, 2016). Препятствовать адекватному проживанию травматического опыта при этом может отсутствие цели, отражающей жизненную перспективу (Леонтьев, 2020; Овчинников, 2023; Соловьева, 2016). Происходит это из-за возникновения сложностей в процессе реализации прежней системы ценностей и смыслов в новых условиях. В ситуации полной утраты прежних смыслов личность пытается найти новые с целью сохранения ощущения жизненной перспективы (Бойко, 2019). Таким образом, мы видим, что ценностно-смысловая система влияет на особенности переживания травматического опыта, при этом значимо трансформируется под его воздействием.

Материалы и методы

В качестве эмпирического объекта исследования выступили студенты в количестве 80 человек, проживающие в Донецкой народной республике ($n = 40$; средний возраст = 21,4), а также студенты, проживающие в Южном федеральном округе ($n = 40$; средний возраст = 20,6). При этом большая часть респондентов как из ДНР, так и из ЮФО женского пола – 81 % и 93 % соответственно. В исследовании приняли участие студенты различных направлений обучения:

- на гуманитарных факультетах обучается 90 % респондентов из ДНР и 82 % респондентов из ЮФО;
- на социально-экономическом факультете – 5 % студентов ДНР и 4 % – ЮФО;
- на естественно-научном – 11 %;
- на медицинском 2 % – студентов ЮФО.

В качестве методического инструментария нами были использованы:

1. Тест смысложизненных ориентаций. СЖО (Дж. Крамбо, Л. Махолик в адаптации Д. А. Леонтьева). Позволяет получить данные относительно степени осмысленности жизни личности, а также относительно выраженности таких смысложизненных ориентаций как:

- «цели в жизни» (цели) – характеризует целеустремленность;
- «процесс жизни или интерес и эмоциональная насыщенность жизни» (процесс) – определяет удовлетворённость своей жизнью в настоящем;
- «результативность жизни или удовлетворенность самореализацией» (результат) – измеряет удовлетворённость прожитой частью жизни;
- «локус контроля – Я (Я – хозяин жизни)» – характеризует представление о себе как о сильной личности, обладающей достаточной свободой выбора;
- «локус контроля – жизнь или управляемость жизни» (лж – Ж) – отражает убеждённость в том, что человеку дано контролировать свою жизнь, свободно принимать решения и воплощать их в жизнь.

2. Тест исследования реальной структуры ценностных ориентаций личности (С. С. Бубнова). Методика направлена на изучение структуры ценностных ориентаций, проявленных в условиях жизнедеятельности. В структуру методики входит 11 полиструктурных ценностных ориентации личности:

- приятное времяпрепровождение, отдых;
- высокое материальное благосостояние;
- поиск и наслаждение прекрасным;
- помощь и милосердие к другим людям;
- любовь;
- познание нового в мире, природе, человеке;
- высокий социальный статус и управление людьми;
- признание, уважение людей, влияние на окружающих;
- соц. активность для позитивного изменение общества;
- общение;
- здоровье.

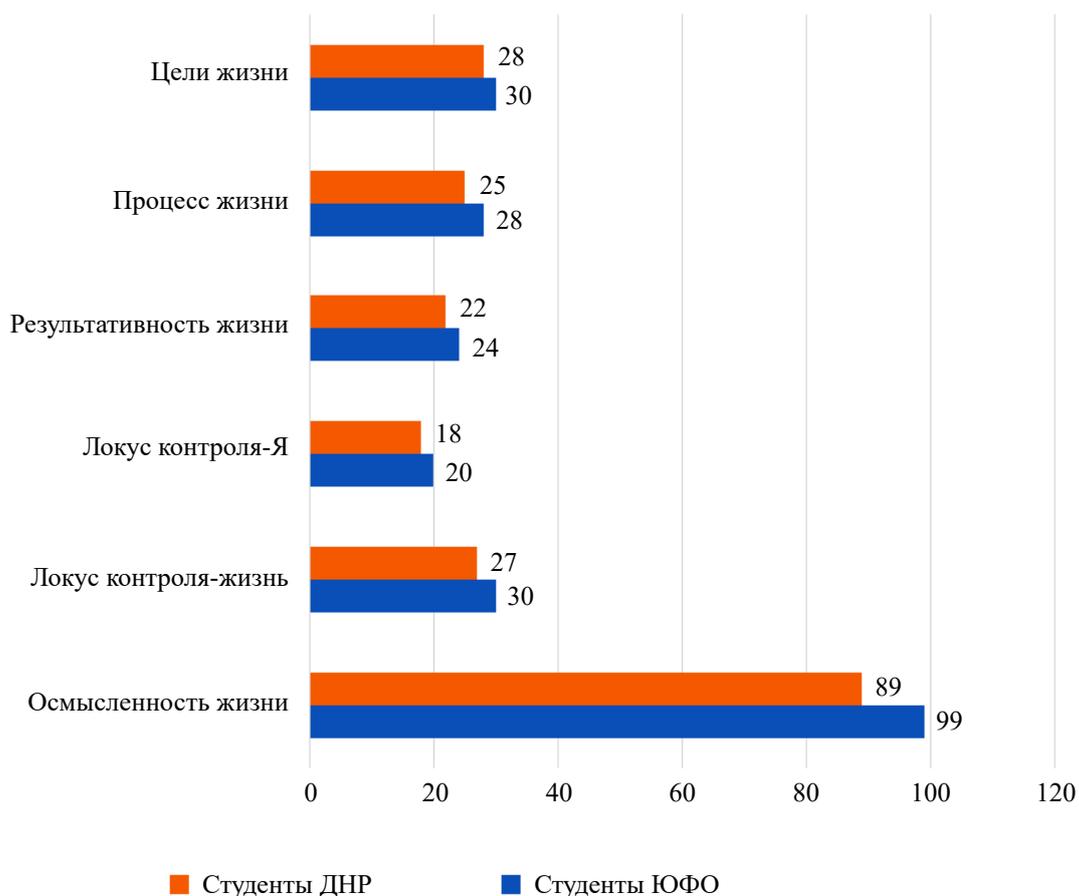
Математическая обработка данных включала стандартные методы математической статистики: подсчет среднего арифметического, сравнение данных по U-критерию Манна-Уитни.

Результаты исследования

На первом этапе эмпирического исследования были изучены смысложизненные ориентации студентов, проживающих в регионах с разным уровнем геополитических рисков. Средние значения, полученные при обработке результатов теста смысложизненных ориентаций, представлены на рисунке 1.

Рисунок 1

Выраженность смысложизненных ориентаций у двух групп студентов из ДНР и ЮФО

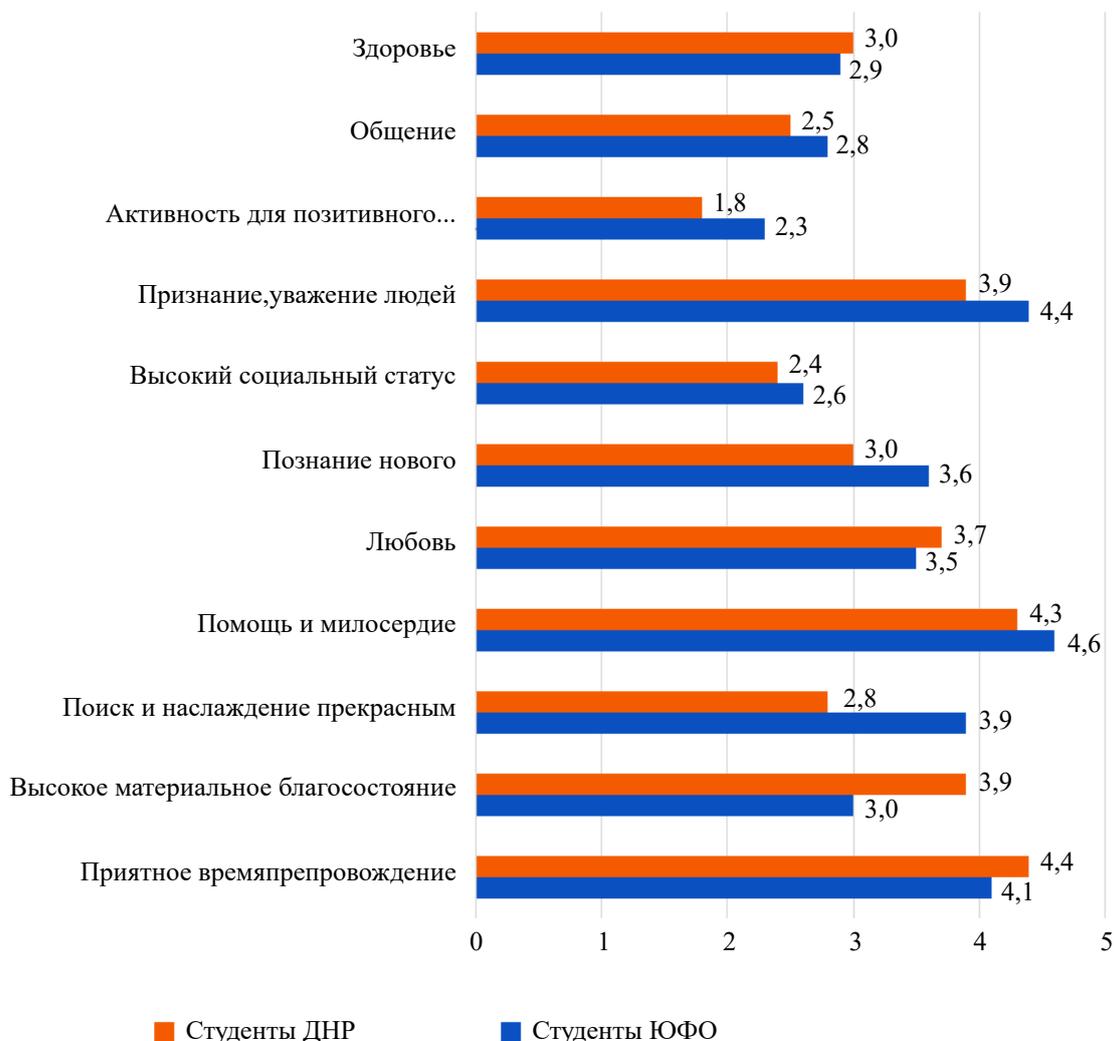
Исходя из полученных результатов, мы видим, что смысложизненные ориентации у студентов обеих групп имеют среднюю степень выраженности, однако нами все же обнаружены некоторые различия. Так, мы видим, что студенты, проживающие в Южном федеральном округе, обладают большей осмысленностью жизни, чем студенты, проживающие в непосредственной близости к местам боевых действий, что выражается в большей целеустремленности, склонности к осмыслению прошлого и наслаждению настоящим студентов, проживающих в ЮФО.

Респонденты обеих групп способны контролировать себя и свою жизнь, однако студенты из зоны военного конфликта не всегда проявляют уверенность в ситуациях жизненного выбора, испытывают большие затруднения в управлении своей жизнью, при этом наиболее выраженной смысловой ориентацией у них становится наличие цели в жизни.

Анализ результатов по методике «Тест исследования реальной структуры ценностных ориентаций личности» (С. С. Бубнова) также показал наличие различий в выраженности ценностных ориентаций респондентов двух групп.

Рисунок 2

Иерархия ценностных ориентаций у студентов, проживающих в ДНР и ЮФО

Исходя из данных, представленных на рисунке 2, мы можем сделать вывод о том, что для студентов, находящихся в зоне военного конфликта более важны такие ценности как здоровье, любовь, высокое материальное благосостояние и приятное времяпрепровождение. Для студентов, проживающих в более безопасных районах, в большей степени важны ценности, связанные с социальным взаимодействием (общение, позитивные изменения в обществе, социальный статус, уважение людей, помощь и милосердие), а также ценности, связанные с познанием мира, как с эстетической, так и с научной точки зрения.

Что касается иерархии ценностей, у обеих групп она примерно одинаковая. Так, для всех студентов наиболее важными ценностями являются гедонистические и альтруистические, признание и уважение других людей. При этом в пятерку значимых ценностей у студентов ЮФО входят также познавательные и гедонистические ориентации, а у студентов из ДНР – «любовь» и «здоровье».

Для студентов из зоны военного конфликта, как и для студентов ЮФО, наименее значимыми ценностями являются – «социальная активность для достижения позитивных изменений в обществе», «высокий социальный статус и управление людьми» и «общение».

Чтобы определить, есть ли статистически значимые различия между уровнем выраженности ценностных ориентаций у разных групп студентов, нами был проведён статистический анализ с использованием U-критерия Манна-Уитни. Результаты сравнительного анализа представлены в таблице 1.

Таблица 1

Результаты сравнительного анализа степени выраженности ценностных ориентаций у студентов, проживающих на мирных территориях и вблизи боевых действий

Шкалы	1 группа (ДНР) (ср.)	2 группа (ЮФО) (ср.)	U эмпирическое	Уровень значимости (p-level)
Высокое материальное благосостояние	3,9	3,0	303,0	0,01
Поиск и наслаждение прекрасным	2,8	3,9	293,5	0,01
Познание нового в мире, природе, человеке	3,0	3,6	346,0	0,04

Так, мы обнаруживаем наличие нескольких статистически значимых различий в ценностных ориентациях у студентов, проживающих в ЮФО и ДНР. Студенты, находящиеся в зоне военного конфликта, видят большую ценность в высоком материальном состоянии, при этом для них меньшую ценность представляет получение новых знаний и эстетическое наслаждение, чем для студентов, проживающих в безопасном регионе.

Таким образом, можно подытожить полученные результаты. У студентов обеих групп преобладающими ценностями являются гедонистические и альтруистические. Студенты из ЮФО больше ориентированы на познание, приобщения к культурным ценностям, в то время как для студентов из ДНР наиболее важными ценностями является высокий материальный достаток, возможность зарабатывать деньги и чувствовать себя материально обеспеченным человеком. Наименее важными в иерархии ценностей для обеих групп являются социально-ориентированные ценности – социальная активность, высокий социальный статус и общение.

Обсуждение результатов

Выявленные нами различия в структуре жизненных ценностей студентов, проживающих в зоне военного конфликта и в более безопасном регионе, кажутся нам вполне объяснимыми. По данным исследователей длительное пребывание на территории, близкой к зоне боевых действий, приводит к нарастанию ощущения страха и неопределенности, из-за чего происходит переструктуризация жизненных ценностей и смыслов (Гуляихин & Тельнова, 2010; Нестик, 2023). Изменения в ценностно-смысловой сфере происходят в связи со стремлением к определению ценностных и компетентностных приоритетов, способствующих адаптации в проблемной и небезопасной ситуации (Овчинников, Хавров & Матиевский, 2023).

Большая ориентация у студентов из зон военного конфликта на материальные ценности возможно связана с тем, что в условиях военного конфликта как правило страдает инфраструктура, жилище, предметы быта и снижается качество жизни. Так, по данным Alexander, Boothby & Wessells (2010), помимо последствий для физического и психического здоровья, вооружённые конфликты влекут за собой высокие общие издержки, поскольку ухудшается качество базовых социальных услуг, усиливаются существующие межобщинные разногласия, рушится местная экономика, нарушается работа школ и сокращаются возможности получения образования. Желание зарабатывать деньги и тратить их на себя и близких является актуальной потребностью студентов из ДНР. В таком случае более высокий материальный достаток является основанием для обеспечения себе и близким базовой безопасности. Это объясняется и результатами ряда других исследований, посвященных трансформации стратегий смысложизненных ориентаций у людей, проживающих в зоне военного конфликта. Так, исследователями были выявлены ключевые ценности, значимые для жителей зоны боевых конфликтов, к которым относится «безопасность», «жизнь», «добро» и «мир» (Лунин, 2016). Выделение данных ценностей также связано со стремлением данной категории граждан удовлетворить потребность в базовой безопасности.

По данным Daniel et al., (2013) война усиливает важность ценностей, основанных на тревоге, поскольку люди, встретившиеся с угрозой своей жизни, с большей вероятностью будут ставить в приоритет те ценности, реализация которых будет компенсировать снижение потери чувства безопасности и личного контроля (Verkasalo, Goodwin & Bezmenova, 2006).

По мнению Удаловой (2018), в условиях боевых действий оказывается невозможным формирование целостной, непротиворечивой и позитивной идентичности. В такой ситуации человек неизбежно теряет способность выстраивать иерархическую и устойчивую систему ценностно-смысловых установок, социокультурных предпочтений и поведенческих паттернов. Потеря локальной идентичности приводит к поиску глобальной идентичности, которая, в свою очередь, порождает псевдоценности, ориентированные исключительно на экономические ценности, материальные потребности. Это приводит к разрушению устоявшихся традиционных систем ценностей и социальных стереотипов.

По данным Суходольской (2012) люди, проживающие вблизи боевых действий, довольно остро переживают потенциальную возможность лишиться семьи, друзей и материальных благ, что приводит к пересмотру ценностных ориентаций, что также может объяснять приоритет материальных ценностей у студентов, проживающих в ДНР.

При этом полученные нами данные сходятся не со всеми результатами исследований по схожей тематике. Так, существует достаточно большой пласт работ, в которых подчеркивается, что для людей, которых тем или иным образом коснулась война, материальные ценности теряют свою значимость. Например, Барышева (2016) в своей работе отмечает, что беженцы, ранее проживавшие в районе боевых столкновений, отдают приоритет ценности жизни, свободы. Для них также особо важны человеческие отношения, семья, любовь, дружба. По нашему мнению, такое расхождение в результатах исследований может объясняться тем, что студенты, попавшие в нашу выборку, проживают в зоне боевых действий значительную часть своей жизни. Можно предположить, что для них такие переживания и изменения ценностно-смысловой сферы, которые характерны для беженцев, были актуальны в начальный период боевых столкновений. Сейчас же экзистенциальные потребности и связанные с ними ценности хотя и остаются значимыми, но становятся для них менее приоритетными в сравнении с ценностями материальными и гедонистическими.

Ученые, занимающиеся этими вопросами, также отмечают некоторое субъективное снижение значимости социальных ценностей и рост приоритета ценности и сохранности жизни (Лунин, 2016). Данный факт объясняет, почему для студентов, проживающих в ДНР в значительно меньшей степени, чем для студентов ЮФО, актуальны следующие категории ценностей: поиск и наслаждение прекрасным, познание нового. По данным Daniel et al., (2013) ценности, не вызывающие беспокойства (саморегуляция, универсализм и доброжелательность) теряют свою значимость, поскольку во время войны люди сосредотачиваются на выживании и личных интересах, а не на личностном росте и интересах других людей. Более того, это снижение будет стимулировать рост ценностей, основанных на тревоге, поскольку конфликтующие ценности изменяются в противоположных направлениях (Bardi et al., 2009).

Война создает угрозу разрушения социальных норм, что потенциально повышает необходимость укрепления этих норм путем поддержки ценностей соответствия. С другой стороны, война может усилить чувство недоверия в обществе, в связи с чем может проявляться снижение значимости ценностей активного социального взаимодействия (Daniel et al., 2013).

Заключение. Таким образом, мы приходим к выводу о том, что длительное пребывание в зоне боевых действий может приводить к изменениям в ценностно-смысловой сфере у студентов. Подобные изменения влияют на сферы активности студентов, что может оказывать влияние на их учебную деятельность и гражданскую позицию. Учет полученных данных в ходе реализации образовательных программ представляется нам необходимым. С точки зрения психологов, ситуативное стремление субъекта к поиску нового смысла в кризисной ситуации подразумевает особое отношение к ней. При этом исследователи отмечают, что человек, который может открыть новый смысл в кризисной ситуации, способен реалистично осмысливать происходящее, искать нетривиальные способы преодоления трудностей, адекватно понимать события и извлекать полезный опыт, принимая на себя ответственность за моделирование будущей жизни. Сегодня важным результатом психологического сопровождения лиц, переживающих экстремальную ситуацию военного конфликта, является формирование отношения к ней как к специфическому опыту, позволяющему найти точки опоры для дальнейшего развития, совершенствования навыков жизнестойкости и самообладания. Полученные данные могут быть полезны при создании поддерживающих программ для студентов в период обучения в вузе с целью переориентации ценностей студентов с материальных на ценности, характерные для активного, ориентированного на общество и процветание своей страны гражданина.

Список литературы

Абакумова, И. В., & Крутелева, Л. Ю. (2016). Влияние средств массовой коммуникации на ценностно-смысловые установки различных групп населения. В *Сборник материалов по проблемам организации и оказания психологической помощи на различных этапах чрезвычайных ситуаций, в том числе радиационного характера* (pp. 4–17). Москва: ФКУ ЦЭПП МЧС России.

Барышева, Е. И. (2016). Психологические особенности эмоциональных переживаний беженцев из зоны боевых действий. *Пензенский психологический вестник*, (1), 59–77.

Богатов, В. В. (2015). Социально-психологические последствия жертв военных конфликтов. *Российский социально-гуманитарный журнал*, (2), 14, 1–8.

Бойко, О. В., Новикова Н. В. (2019). Индивидуально-психологические особенности переживания личностью ситуации военного конфликта. *Вестник Вятского государственного университета*, (4), 94–105.

Борисов, Р. Б. (2019). Взаимосвязь ценностей и смыслжизненных ориентаций личности. В *Психологические проблемы смысла жизни и акме. Электронный сборник материалов XXIV Международного симпозиума. Посвящается 95-летию со дня рождения В.Э. Чудновского* (с. 37–41). Москва: ФГБНУ «Психологический институт Российской Академии образования»

Гребенюк, И. Ю. (2023). Поддержка социального и эмоционального благополучия студентов-беженцев. *Инновационная наука*, (2–2), 94–98.

- Гуляихин, В. Н., Тельнова Н. А. (2010). Страх и его социальные функции. *Философия социальных коммуникаций. Научно-теоретический журнал*, 1(10), 49–56.
- Золотова, Н. В. (2007). *Психологические воззрения Б.В. Зейгарник*. PhD Thesis. Ярославль.
- Комиссарова, О. А. (2020). Личностная тревожность студентов как показатель изменения в ценностно-смысловой сфере. *Вестник Омского университета. Серия «Психология»*, 1, 42–45.
- Кудряшова, С. К. (2018). Ценностно-смысловые установки: анализ понятия. *Современные исследования социальных проблем*, 9(5–2), 90–94.
- Леонтьев, Д. А. (2007). *Психология смысла. Природа, строение и динамика смысловой реальности: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению и специальностям психологии*. Москва: Смысл.
- Леонтьев, Д. А. (2014). Смыслообразование и его контексты: жизнь, структура, культура, опыт. *Мир психологии*, 1(77), 104–117.
- Леонтьев, Д. А. (2020). Счастье и субъективное благополучие: к конструированию понятийного поля. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 1(155), 14–37.
- Лунин, С. Л. (2016). *Особенности личностных трансформаций юношей и девушек мигрантов и вынужденных переселенцев из территорий локальных военных конфликтов*. PhD Thesis. Ростов-на-Дону.
- Магомед-Эминов, М. Ш. (2015). Культурно-деятельностный подход к посттравматическому стрессу. В *От истоков к современности. 130 лет организации психологического общества при Московском университете: сборник материалов юбилейной конференции в 5 томах* (с. 190–191). Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Когито-Центр».
- Магомед-Эминов, М. Ш., Квасова, О. Г., & Савина, О. О. (2015). Посттравматический рост как модель реагирования на геополитический кризис. *Современные исследования социальных проблем*, 1(21), 5–25.
- Нестик, Т. А. (2023). Влияние военных конфликтов на психологическое состояние общества: перспективные направления исследований. *Социальная психология и общество*, 14(4), 5–22.
- Овчинников, Н. В., Хавров, М. С., & Матиевский, В. С. (2023). Влияние военных конфликтов на психику и жизнь человека. *Матрица научного познания*, 11–1, 554–560.
- Самыкина, Н. Ю. Войцеховская, А. С. (2017). Отражение жизненных сценариев в жизненных смыслах человека. В *Безопасная образовательная среда в изменяющихся условиях современного общества : Сборник материалов II Международной научно-практической конференции* (с. 58–62). Москва: Индивидуальный предприниматель Афанасьев Вячеслав Сергеевич.
- Соловьева, М. А. (2016). Исследование субъективного благополучия у лиц, пребывающих в зоне военного конфликта. *Журнал психиатрии и медицинской психологии*, 1(35), 48–54.
- Суходольская, А. В. (2012). Жизненные ценности сквозь призму концепта «война» в бытовом дискурсе диалектоносителей старшего поколения. В *Традиции и инновации в филологии XXI века: взгляд молодых ученых. Материалы Всероссийской молодежной конференции* (с. 500–502). Томск: издательство томского университета.
- Удалова, Л. В. (2018). *Проблемы влияния современного терроризма на саморазвитие личности (Социально-философский анализ)*. Doctoral Dissertation. Мытищи.
- Bardi, A., & Goodwin, R. (2011). The dual route to value change: individual processes and cultural moderators. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 42, 271–287
- Bardi, A., Lee, J. A., Hofmann-Towfigh, N., & Soutar, G. (2009). The structure of intraindividual value change. *Journal of Personality and Social Psychology*, 97, 913–929
- Janoff-Bulman, R. (1989). Assumptive worlds and the stress of traumatic events: applications of the schema construct. *Social Cognition*, 7, 113–136.
- Laufer, R. S. (1988). The serial self: War trauma, identity, and adult development. In *Human adaptation to extreme stress: From the Holocaust to Vietnam* (pp. 33–53). Boston, MA: Springer US.
- Lazarus, R. S., & Folkman, S. (1984). *Stress, appraisal, and coping*. New York: Springer.
- Rokeach, M. (1973). *The nature of human values*. New York: The Free Press.
- Rokeach, M. (1979). *Understanding human values*. New York: The Free Press.
- Schwartz, S. H. (2010). Basic values: how they motivate and inhibit prosocial behavior. In M. Mikulincer, & P. R. Shaver (Eds.), *Prosocial motives, emotions, and behavior: The better angels of our nature* (pp. 221–241). Washington, DC: American Psychological Association.
- Schwartz, S. H., & Bardi, A. (1997). Influences of adaptation to communist rule on value-priorities in Eastern Europe. *Political Psychology*, 18, 385–410.
- Verkasalo, M., Goodwin, R., & Bezmenova, I. (2006). Values following a major terrorist incident: Finnish adolescent and student values before and after September 11, 2001. *Journal of Applied Social Psychology*, 36, 144–160.

References

- Abakumova, I. V., & Kruteleva, L. Yu. (2016). The influence of mass media on the value-semantic attitudes of various groups of the population. In the *Collection of materials on the problems of organization and provision of psychological assistance at various stages of emergencies, including radiation emergencies* (pp. 4–17). Moscow: FKU CEPP EMERCOM of Russia. (In Russ.)
- Bardi, A., & Goodwin, R. (2011). The dual route to value change: individual processes and cultural moderators. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 42*, 271–287
- Bardi, A., Lee, J. A., Hofmann-Towfigh, N., & Soutar, G. (2009). The structure of intraindividual value change. *Journal of Personality and Social Psychology, 97*, 913–929
- Barysheva, E. I. (2016). Psychological features of the emotional experiences of refugees from the combat zone. *Penza Psychological Bulletin, (1)*, 59–77. (In Russ.)
- Bogatov, V. V. (2015). Socio-psychological consequences of victims of military conflicts. *Russian Social and Humanitarian Journal, (2)*, 14, 1–8. (In Russ.)
- Borisov, R. B. (2019). The relationship between values and meaning-life orientations of the individual. In *Psychological problems of the meaning of life and acme. Electronic collection of materials of the XXIV International Symposium. Dedicated to the 95th anniversary of the birth of V.E. Chudnovsky* (pp. 37–41). Moscow: FSBSI “Psychological Institute of the Russian Academy of Education” (In Russ.)
- Boyko, O. V., Novikova N. V. (2019). Individual psychological features of the individual’s experience of a situation of military conflict. *Bulletin of Vyatka State University, (4)*, 94–105. (In Russ.)
- Grebenyuk, I. Yu. (2023). Supporting the social and emotional well-being of refugee students. *Innovative Science, (2–2)*, 94–98. (In Russ.)
- Gulyaikhin, V. N., Telnova, N. A. (2010). Fear and its social functions. Philosophy of social communications. *Scientific and Theoretical Journal, 1(10)*, 49–56. (In Russ.)
- Janoff-Bulman, R. (1989). Assumptive worlds and the stress of traumatic events: applications of the schema construct. *Social Cognition, 7*, 113–136.
- Komissarova, O. A. (2020). Personal anxiety of students as an indicator of changes in the value-semantic sphere. *Bulletin of Omsk University. Series “Psychology”, 1*, 42–45. (In Russ.)
- Kudryashova, S. K. (2018). Value-semantic attitudes: analysis of the concept. *Modern studies of social problems, 9 (5–2)*, 90–94. (In Russ.)
- Laufer, R. S. (1988). The serial self: War trauma, identity, and adult development. In *Human adaptation to extreme stress: From the Holocaust to Vietnam* (pp. 33–53). Boston, MA: Springer US.
- Lazarus, R. S., & Folkman, S. (1984). *Stress, appraisal, and coping*. New York: Springer.
- Leontiev, D. A. (2007). *Psychology of meaning. Nature, structure and dynamics of semantic reality: a textbook for students of higher educational institutions studying in the field and specialties of psychology*. Moscow: Meaning. (In Russ.)
- Leontiev, D. A. (2014). Meaning formation and its contexts: life, structure, culture, experience. *World of Psychology, 1(77)*, 104–117. (In Russ.)
- Leontiev, D. A. (2020). Happiness and subjective well-being: towards the construction of the conceptual field. *Public Opinion Monitoring: Economic and Social Changes, 1(155)*, 14–37. (In Russ.)
- Lunin, S. L. (2016). *Features of personal transformations of young men and women migrants and internally displaced persons from the territories of local military conflicts*. PhD Thesis. Rostov-on-Don. (In Russ.)
- Magomed-Eminov, M. Sh. (2015). Cultural and activity approach to post-traumatic stress. In *From the origins to the present. 130 years of the organization of the psychological society at Moscow University: a collection of materials of the anniversary conference in 5 volumes* (pp. 190–191). Limited Liability Company (In Russ.)
- Magomed-Eminov, M. Sh., Kvasova, O. G., & Savina, O. O. (2015). Post-traumatic growth as a model of response to the geopolitical crisis. *Modern studies of social problems, 1(21)*, 5–25. (In Russ.)
- Nestik, T. A. (2023). The impact of military conflicts on the psychological state of society: promising areas of research. *Social Psychology and Societies, 14(4)*, 5–22. (In Russ.)
- Ovchinnikov, N. V., Khavrov, M. S., & Matievsky, V. S. (2023). The impact of military conflicts on the psyche and human life. *Matrix of scientific knowledge, 11–1*, 554–560. (In Russ.)
- Rokeach, M. (1973). *The nature of human values*. New York: The Free Press.
- Rokeach, M. (1979). *Understanding human values*. New York: The Free Press.
- Samykina, N. Yu. Voitsekhovskaya, A. S. (2017). Reflection of life scenarios in human life meanings. *Safe educational environment in the changing conditions of modern society: Collection of materials of the II International Scientific and Practical Conference* (pp. 58–62). Moscow: Individual entrepreneur Afanasyev Vyacheslav Sergeevich. (In Russ.)
- Schwartz, S. H. (2010). Basic values: how they motivate and inhibit prosocial behavior. In *M. Mikulincer, & P. R. Shaver (Eds.), Prosocial motives, emotions, and behavior: The better angels of our nature* (pp. 221–241). Washington, DC: American Psychological Association.

Schwartz, S. H., & Bardi, A. (1997). Influences of adaptation to communist rule on value-priorities in Eastern Europe. *Political Psychology*, 18, 385–410.

Solovieva, M. A. (2016). Study of subjective well-being of persons staying in the zone of military conflict. *Journal of Psychiatry and Medical Psychology*, 1(35), 48–54. (In Russ.)

Sukhodolskaya, A. V. (2012). Life values through the prism of the concept of “war” in the everyday discourse of the older generation dialect carriers. In *Traditions and Innovations in Philology of the 21st Century: A View of Young Scientists. Materials of the All-Russian Youth Conference* (pp. 500–502). Tomsk: Tomsk State University Press, 2015. 156 p. (In Russ.)

Udalova, L. V. (2018). *Problems of the influence of modern terrorism on personal self-development (Social and philosophical analysis)*. Doctoral dissertation: Mytishchi (In Russ.)

Verkasalo, M., Goodwin, R., & Bezmenova, I. (2006). Values following a major terrorist incident: Finnish adolescent and student values before and after September 11, 2001. *Journal of Applied Social Psychology*, 36, 144–160.

Zolotova, N. V. (2007). *Psychological views of B.V. Zeigarnik*. PhD Thesis. Yaroslavl. (In Russ.)

Об авторах:

Марина Сергеевна Романова, санитарный инструктор роты управления 103 мотострелкового полка 150 мотострелковой дивизии 8 общевойсковой армии Южного военного округа, штаб Южного военного округа (344002, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пр. Буденновский, 43), [ORCID](#), marinavromanova@yandex.ru

Евгения Николаевна Рядинская, доктор психологических наук, доцент, заведующая кафедрой психологии, Донбасская аграрная академия (Российская Федерация, 286157, г. Макеевка, ул. Ленина, 87), [ORCID](#), [ResearcherID](#), [SPIN-код](#), muchalola@mail.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

About the Authors:

Marina Sergeevna Romanova, sanitary instructor of the control company of the 103rd motorised rifle regiment, 150 motorised rifle division, 8 combined arms army, southern military district, headquarters, Southern Military District, (43, Budennyovskiy Av., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation), [ORCID](#), marinavromanova@yandex.ru

Evgeniya Nikolaevna Ryadinskaya, Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Chief Scientific Associate, Donbass Agrarian Academy (87, Lenina St., Makeevka, 286157, Russian Federation), [ORCID](#), [ResearcherID](#), [SPIN-code](#), muchalola@mail.ru

Conflict of interest: the authors do not have any conflict of interest.

The authors have read and approved the final manuscript.

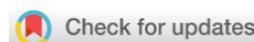
Поступила в редакцию / Received 03.08.2024

Поступила после рецензирования / Revised 23.08.2024

Принята к публикации / Accepted 24.08.2024

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

GENERAL PSYCHOLOGY, PERSONALITY PSYCHOLOGY, HISTORY OF PSYCHOLOGY

УДК 159.9.072

Оригинальное эмпирическое исследование

<https://doi.org/10.23947/2658-7165-2024-7-5-20-34>

RXEEHO

Психологические аспекты отказа от деторождения в современном обществе

Дмитрий В. Деулин¹ , Александр М. Пеньков²

¹ Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ),
г. Москва, Российская Федерация

² Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана, г. Москва, Российская Федерация
 alexander.penkov99@gmail.com

Аннотация

Введение. В данной работе на ограниченной выборке респондентов изучается система ценностных установок, биографических данных, психического состояния лиц, сознательно отказывающихся от практик репродуктивного поведения, рассматривается индивидуально-психологический профиль лиц, склонных к сознательной бездетности. На данный момент наблюдается дефицит российских исследований, связанных с психологическими аспектами проблемы «чайлдфри».

Цель. Выявление индивидуально-психологических особенностей лиц, сознательно занимающих позицию отказа от рождения детей.

Материалы и методы. В исследовании были применены следующие методики: Морфологический тест жизненных ценностей В. Ф. Сопова и Л. В. Карпушина (диагностика жизненных ценностей личности, МТЖЦ); Ценностный опросник Шварца; Опросник САН; авторская анкета, содержащая вопросы о социально-демографических данных и позиции по поводу чайлдфри. Статистическая обработка данных проводилась с применением критерия Краскела-Уоллиса.

Результаты исследования. Основные выводы данного исследования получены относительно различий в активности, настроении, самочувствии, высокой степени толерантного отношения к представителям «чайлдфри» в изучаемой выборке, распространенности субкультуры среди «бездетных» студентов и лиц, не имеющих постоянного дохода и искусственной инерции «чайлдфри». У сторонников данного движения преобладает собственное мнение, взгляды и убеждения, отличные от тех, которыми руководствуются люди, воспитывающие ребенка и не являющиеся сторонниками «чайлдфри». Ориентация на конструктивные отношения, реализация социальных ролей и экспансия межличностных связей являются основными потребностями испытуемых, воспитывающих ребенка.

Обсуждение результатов. Анализ результатов эмпирического исследования позволяет говорить о степени готовности к созданию семьи в российском обществе, отношении к проблеме сознательного выбора социально-психологического статуса, связанного с бездетностью, размере дохода обсуждаемых категорий граждан, а также степени их вовлеченности в трудовую и учебную сферы деятельности. Было выявлено, что лица, имеющие детей, в большей степени проявляют активность, также у них выше индексы самочувствия и настроения. Лица, являющиеся приверженцами движения «чайлдфри», имеют выраженные шкалы «гедонизм» и «эгоизм». Появились данные, позволяющие утверждать, что данное репродуктивное течение имеет искусственный характер распространения. Результаты изучения социально-психологического феномена «бездетность» способствуют дальнейшей разработке рассматриваемой проблемы, в том числе, позволяют сформулировать механизм государственного регулирования в этой сфере.

Ключевые слова: бездетность, психологическая безопасность, феномен «чайлдфри», деторождение, репродуктивное поведение, демография, инклюзивный капитализм, технологический уклад

Для цитирования. Деулин, Д. В., и Пеньков, А. М. (2024). Психологические аспекты отказа от деторождения в современном обществе. *Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология*, 7(5), 20–34. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2024-7-5-20-34>

Psychological Aspects of Childbearing Refusal in Modern Society

Dmitry V. Deulin¹ , Alexander M. Penkov²

¹ Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russian Federation

² Bauman Moscow State Technical University. N.E. Bauman Moscow State Technical University, Moscow, Russian Federation

 alexander.penkov99@gmail.com

Abstract

Introduction. This paper studies the system of value attitudes, biographical data, and mental state of persons who consciously refuse to practice reproductive behavior on a limited sample of respondents. The individual-psychological profile of persons inclined to conscious childlessness is also considered. The authors analyze domestic and foreign studies related to the problem of “childfree”.

Objective. To identify individual-psychological characteristics of individuals who consciously take a position of refusing to give birth to children.

Materials and Methods. The following methods were used in the study: Morphological test of life values by V. F. Sopov and L. V. Karpushin (diagnosis of personal life values, DPLV); Schwartz value questionnaire; SAN (health, activity, mood) questionnaire (in Russ.); author’s questionnaire containing questions about socio-demographic data and position on childfree. Statistical processing of the data was carried out using the Kraskell-Wallis criterion.

Results. The main conclusions of this study were obtained regarding differences in activity, mood, well-being, a high degree of tolerance towards representatives of “childfree” in the study sample, the prevalence of the subculture among “childless” students and people without a regular income and artificial inertia of “childfree”. The supporters of this movement have their own opinions, views and beliefs that differ from those of people raising a child who are not supporters of “childfree”. Orientation to constructive relationships, realization of social roles and expansion of interpersonal ties are the main needs of child-rearing subjects.

Discussion. The analysis of the results of the empirical study allows us to talk about the degree of readiness to create a family in Russian society, the attitude to the problem of consciously choosing a socio-psychological status related to childlessness, the amount of income of the discussed categories of citizens, as well as the degree of their involvement in labor and educational spheres of activity. It was revealed that those who have children are more active, they also have higher indices of well-being and mood. Those who are adherents of the “Childfree” movement have pronounced scales of “hedonism” and “egoism”. There appeared the data allowing to assert that this reproductive current has an artificial character of spreading. The results of the study of the socio-psychological phenomenon of “childlessness” contribute to the further development of the problem under consideration, including the ability to formulate a mechanism of state regulation in this area.

Keywords: childlessness, psychological safety, “Childfree” phenomenon, childbearing, reproductive behavior, demography, inclusive capitalism, technological mode

For Citation. Deulin, D. V., & Penkov, A. M. (2024). Psychological aspects of childbearing refusal in modern society. *Innovative science: psychology, pedagogy, defectology*, 7(5), 20–34. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2024-7-5-20-34>

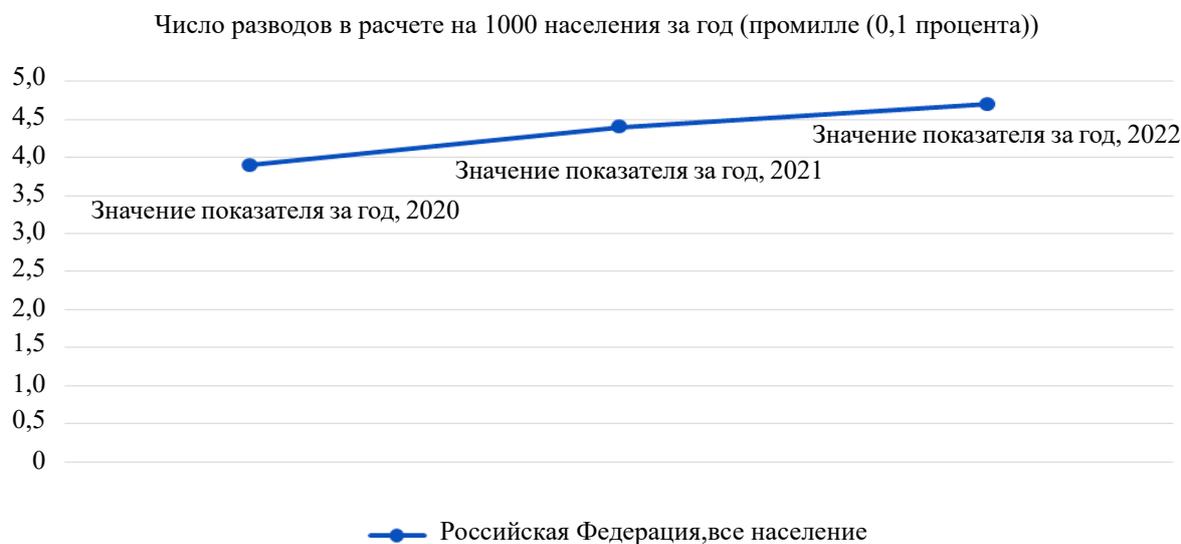
Введение

Согласно Указу Президента России, 2024 год объявлен годом семьи (Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»). <http://www.consultant.ru>). Основной целью данного документа является популяризация политики в сфере защиты семьи и сохранения традиционных семейных ценностей. Вместе с тем наша страна за 2023 год вошла в тройку стран по количеству разводов. Показатель составил 3,9 на 1000 человек (рисунок 1). Можно наблюдать, что, несмотря на улучшения социально-экономических показателей, демографическая ситуация по инерции продолжает ухудшаться, увеличивается количество разводов и неполных семей. Если опираться на международную статистику по данным Всемирного банка, глобальный коэффициент рождаемости составил 2,4 на женщину. Этот показатель примерно вдвое меньше, чем был в 1950 году (4,7). Таким образом, коэффициент рождаемости во всем мире заметно снижается.

Во многих зарубежных исследованиях показаны негативные последствия распада семьи, влияние неполных семей на психофизиологическое развитие ребенка. Американские исследования показывают, что дети в неполных семьях сталкиваются с уникальными проблемами из-за отсутствия двойной поддержки со стороны родителей, что влияет на их академические достижения, межличностные отношения и общую удовлетворенность жизнью. Приемные семьи, характеризующиеся сложной динамикой, представляют собой дополнительные сложности, влияющие на благополучие детей (Meiqiao, 2023).

Рисунок 1

Динамика разводов с 2020 по 2022 год (государственная статистика, конструктор диаграмм, <https://www.fedstat.ru/indicator/31268>)

В других зарубежных исследованиях отмечается роль совместной деятельности родителей и детей. Чем больше времени родители проводят с детьми, тем выше будет благополучие последних (коэффициент 0,1020, $p < 0,01$). Жизнь и досуг родителей, проводимые с детьми, способствовали их благополучию (коэффициент 0,1020, $p < 0,01$). Время жизни и досуга матери, проведенное с детьми (коэффициент 0,1030, $p < 0,05$), время жизни и досуга (коэффициент 0,1790, $p < 0,05$) и время учебного взаимодействия отца с детьми (коэффициент 0,3630, $p < 0,10$) положительно сказались на благополучии детей (Dongxu & Xi, 2023). Результаты данного исследования демонстрируют важность эмоционально-доверительных отношений между детьми и родителями в условиях семейно-брачных отношений.

На основе статистических данных (Федеральная служба государственной статистики, 2023) можно заключить, что убыль населения в России за 2023 год составляет 296635 человек. Это является неблагоприятным фактором, влияющим на национальную безопасность. В нашем исследовании огромное значение представляют теоретические послышки для ухудшения демографической ситуации. В эволюционном плане создание семьи и рождение детей, казалось бы, является абсолютным законом развития общества, производственных отношений, следствием которого является преумножение культуры, продолжением истории и тому подобное. Вместе с тем мы наблюдаем антиисторическую тенденцию, противоестественное явление, которое выражается массовым отказом от деторождения. В России уже начали создавать механизмы правового сдерживания рассматриваемой проблемы, в частности, разрабатывается законопроект, запрещающий пропаганду идеологии «чайлдфри».

В соответствии с основами российского законодательства крепкая семья относится к «традиционным ценностям», защищаемым государственной политикой. Согласно диспозиции закона разрушение семьи с помощью пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений, распространение циничного и пренебрежительного отношения к крепкой семье, процессу продолжения рода, а также многодетности является результатом идеологического и психологического воздействия. К сожалению, мы обнаружили крайний дефицит современных научных исследований, касающихся понимания социально-психологической природы «сознательной бездетности», основных причин выбора модели репродуктивного поведения. В настоящее время возникает необходимость в изучении феномена отказа от деторождения, поскольку такое явление сопряжено с угрозами и рисками не только психологической безопасности личности, но и национальной безопасности государства.

Теоретическая разработанность проблемы. В России укрепляется и распространяется движение «чайлдфри» (childfree (англ.) – свободные от детей). В нашем исследовании мы изучили различные отечественные и зарубежные подходы к проблеме «сознательной бездетности». Согласно отечественным представлениям, социально-психологический феномен «чайлдфри» является субкультурой, которая пропагандирует совершенно отличный от традиционного идеальный образ современной семьи, в которой основными ценностями становятся двухсторонние отношения между супругами, личностный рост, финансовое благополучие и успешное продвижение по карьерной лестнице (Бичарова и Морозова, 2016). Важным здесь является и особенности транскрипции англоязычного термина «чайлдфри». Его окончание «фри» (от англ. свободный) при звучании не несет собой смысла отрицания, запрета чего-либо, а напротив «свободы». Происходит смещение смыслов: «я не без, я свободный». Такая формулировка действует психологически мягко, ведь она «ничего не запрещает», а наоборот «освобождает, делает свободным», что и является дополнительным притягательным рычагом воздействия, незаметно оказывая

влияние на сознание молодежи, которой всегда хочется быть свободной. В этой связи, интересны результаты исследований группы азиатских ученых, которые установили, что «ярлыки», созданные и применяемые учеными в одном контексте (имея в виду «чайлдфри») и на одном языке, не могут быть универсально применимы. В то же время в этих же исследованиях отмечается, что агрессивная политика в области деторождения не может приводить к положительным результатам, а наоборот – приводит к повышению уровня стигматизации по отношению к людям без детей, что негативно влияет на их благополучие (Gietel-Basten, 2023).

Согласно представлениям Р. Р. Халфиной, основу детерминации отказа от рождения детей у представителей «чайлдфри» составляют следующие факторы: отсутствие уверенности в размере своего дохода; психологическая травматизация в раннем детстве (жестокое обращение родителей, социального окружения, инцест, делегирование обязанностей по уходу за младшими братьями и сестрами); рационализация (вариация психологической защиты), связанная с невозможностью зачатия ребенка (бесплодие); эгоизм и гедонизм (повышенные требования к личному комфорту); приоритет жизненным ценностям в других сферах (трудоголизм); чувство неприязни к детям; наличие страха перед физическими аспектами воспроизводства детей. (Халфина и др., 2018). Т. В. Большунова утверждает, что причинами искажения ценностей родительства и формирования дисфункциональных семей являются нарушения морально-нравственной сферы личности, распространение сексуальных девиаций, децентрация личности, а также утрата гендерной идентичности (Большунова, 2018). В этом плане поступательная биологизация человека, связанная с концепциями постмодерна, «инклюзивного капитализма», трансгуманизма, постепенно вытесняет традиционные модели поведения. Последовательно и незаметно снижается ценность родителей для молодого поколения, а значит, снижается и ценность детства. Внешние обстоятельства, ускоряющийся ритм жизни, и многозадачность оставляют мало времени для внимания к чему-либо кроме собственных проблем, часто индивидуализированных, экзистенциальных, находящихся вне коллективного поля.

Еще известный советский психолог Л. Ф. Обухова, описывая биологизаторские концепции американцев, в особенности бихевиористов, показывала место, которое в этих теориях отводилось ребенку: «ребенок входит в общество, как «крыса в лабиринт», а взрослый должен провести его по этому лабиринту, чтобы в результате он стал похож на взрослого. «Ребенок рассматривается как существо, чуждое обществу», отмечает автор (Обухова, 1996, с. 247). В этом ключе можно предположить, что неприязнь и пренебрежительное отношение к детям обуславливается социально-экономической глобализацией. Но такая позиция в отношении детей является принципиально неправильной, продолжает Л. Ф. Обухова. «Ребенок является частью общества, причем самой главной; человеческое общество без детей – умирающее общество» (Обухова, 1996, с. 247–248). Советский психолог понимала, что такая диалектика может приводить к вымиранию, к демографическому сдвигу, о котором теперь в положительном ключе рассуждают некоторые зарубежные авторы. Сеем предположить, что именно в биологизаторских чертогах американской «науки» рождалось пренебрежение к детству как социально-психологическому феномену, а само «бихевиоральное» давление на демографию может диктоваться экономическим заказом. Так, в 1995 году в США проходила Четвертая Всемирная конференция по положению женщин, на которой рассматривались вопросы контроля над рождаемостью. Это научное мероприятие оказало значительное влияние на декларацию о правах человека, в которых утверждались права женщин контролировать свое тело (Фатхалла, 1996).

Идеология бездетности напрямую ведет к умирающему обществу. Возможно, подобный нарратив закладывается как перспективная «дорожная карта» к запуску целой индустрии «выбора, выращивания и покупки ребенка на заказ». Более того, четвертая промышленная революция высвобождает огромное количество специалистов, заменяя их «технологиями искусственного интеллекта». И это является серьезной социально-экономической проблемой, проблемой появления «лишних людей». Такая экономическая ситуация не может не сказаться на демографической ситуации, фактически принуждая к сокращению темпов рождаемости во всем мире. Вот как проблему демографии характеризует К. Шwab в условиях перехода к шестому технологическому укладу: «В странах с формирующимся рынком и развивающихся странах (особенно в странах с «молодежным бугром») технологии рискуют превратить «демографический дивиденд» в «демографический кошмар», потому что автоматизация значительно затруднит поднятие на эскалатор экономического роста» (Schwab & Malleret, 2020, p. 115). Автор убеждает читателя в том, что высокая рождаемость населения может приводить к стагнационным процессам в экономике. Он определяет в качестве основной цели развития общества лишь получение экономической выгоды. Вместе с тем еще Л. Морган предостерегал современников от чрезмерности в употреблении богатств: «одна лишь погоня за богатством не есть конечное назначение человечества...» и далее «завершение исторического поприща, единственной конечной целью которого является богатство, угрожает нам гибелью общества, ибо такое поприще содержит элементы своего собственного уничтожения» (Морган, 1934, с. 78).

Иранские психологи в своих исследованиях проблемы бездетности установили, что желание семей иметь детей больше зависит от культурных факторов, чем от экономических переменных. Также, по их мнению, средства массовой информации являются рупором агитации идеи одного ребенка и индивидуальности. В результате, как полагают авторы, финансовая и социальная поддержка государства, просвещение родителей, а также комплексные усилия по изменению отношения пар к деторождению со стороны политиков в области здоровья семьи, со-

циологов и правительства могут поддерживать и укреплять здоровье семьи, достигая цели поощрения политики по увеличению населения и помощи в предотвращении незаконных абортов (Tori & Sharif-Nia, 2023). Проводя теоретический анализ зарубежных исследований, мы убедились в том, что ни одна нация, ни одна культура, ни одна конфессиональная общность не защищена в полной мере от угрозы вымирания.

На наш взгляд, рост сторонников рассматриваемого движения может также объясняться возрождением последователей теории Мальтуса, который полагал, что неконтролируемый рост населения ведет к голоду и другим социальным потрясениям. В классическом психоанализе отказ женщины от своей феминной сущности, ее стремление к карьере, феминизму и соревнованию с мужчинами кроется в «комплексе маскулинности», как следствии «комплекса кастрации». Отдельные авторы объясняют стремительное распространение движения «отказа от деторождения» дискриминацией и демонизацией многодетных семей с использованием телекоммуникационных сетей. Также обесценивание таких явлений как любовь, альтруизм, милосердие и таких моральных качеств, как нравственность, долг, честь и др. приводят в совокупности к снижению мотивов рождения и воспитания детей (Большунова, 2018). Можно утверждать, что неприятие факта рождения ребенка может в какой-то мере указывать на бессознательную неприязнь или недоверие к человеческому виду, человеческому поведению или человеческой природе в целом.

Татьяна Нам в своем исследовании показывает, как идеология «чайлдфри» продвигается через социальные сети. Основными инструментами популяризации этих идей, которыми пользуются в основном женщины в возрасте от 20 до 40 лет, являются, например, хэштеги к фотографиям, связанным с беззаботным времяпрепровождением «#childfreetime» (Nam, 2020). Это можно субъективно воспринимать как создание определенной установки, что дети могут стать преградой для развлечений и полноценной жизни. Молодежь видит на страницах популярных социальных сетей яркие картинки отдыха, яхты, машины, дома, но не видит в кадре ребенка. Такой пост сопровождается множеством комплиментарных комментариев, «лайков», поддержки. Культивируется устойчивый образ желания жить в удовольствие, все остальное – обуза, препятствие на пути «к счастливой жизни».

В наших предыдущих исследованиях мы рассматривали феномен «чайлдфри» как вариацию «психологической стерилизации» населения через различные информационные технологии (Деулин и др., 2023). В некоторых зарубежных исследованиях явление «чайлдфри» осмысливается через призму демографической безопасности общества, осуществляются поиски решения проблемы преодоления бездетности и предлагается реализация справедливой семейной политики в отношении суррогатного материнства и усыновления, появлением соответствующих пособий (Leroux et al., 2022).

Целью настоящего исследования является изучение на ограниченной выборке респондентов ценностных установок, биографических данных, психического состояния лиц, сознательно отказывающихся от практик репродуктивного поведения.

Материалы и методы

Основными методами исследования выступили исторический, социологический, статистический, метод анализа, сравнения, дедукции, абстрагирования, тестирования. Методиками исследования стали:

- Морфологический тест жизненных ценностей В. Ф. Сопова и Л. В. Карпушина (диагностика жизненных ценностей личности, МТЖЦ) (Сопов и Карпушина, 2001);
- Ценностный опросник Шварца (Шварц и др., 2012);
- Опросник САН (Доскин и др., 1973);
- Авторская анкета (пол, возраст, профессия, уровень дохода, наличие детей, уровень образования, позиция к чайлдфри).

Статистическая обработка данных проводилась с применением критерия Краскела-Уоллиса.

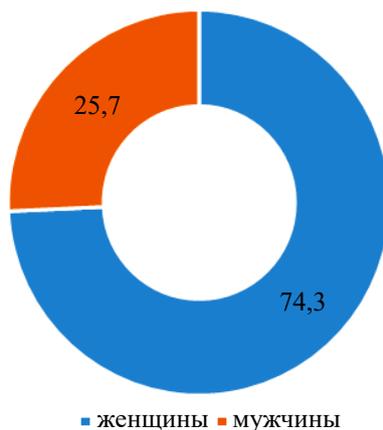
Результаты исследования

Выборку составили мужчины и женщины в возрасте от 18 до 40 лет (средний возраст 29 ± 1 лет, 35 обследуемых). Немногочисленная выборка исследования обусловлена тем обстоятельством, что проблема, которая заявлена в нашем исследовании, относится к интимно-личностной сфере, которую не каждый респондент готов раскрыть. К тому же государственные институты направляют усилия на борьбу с движением чайлдфри на законодательном уровне. Все это в совокупности снижает «словоохотливость» и мотивацию к участию в исследовании.

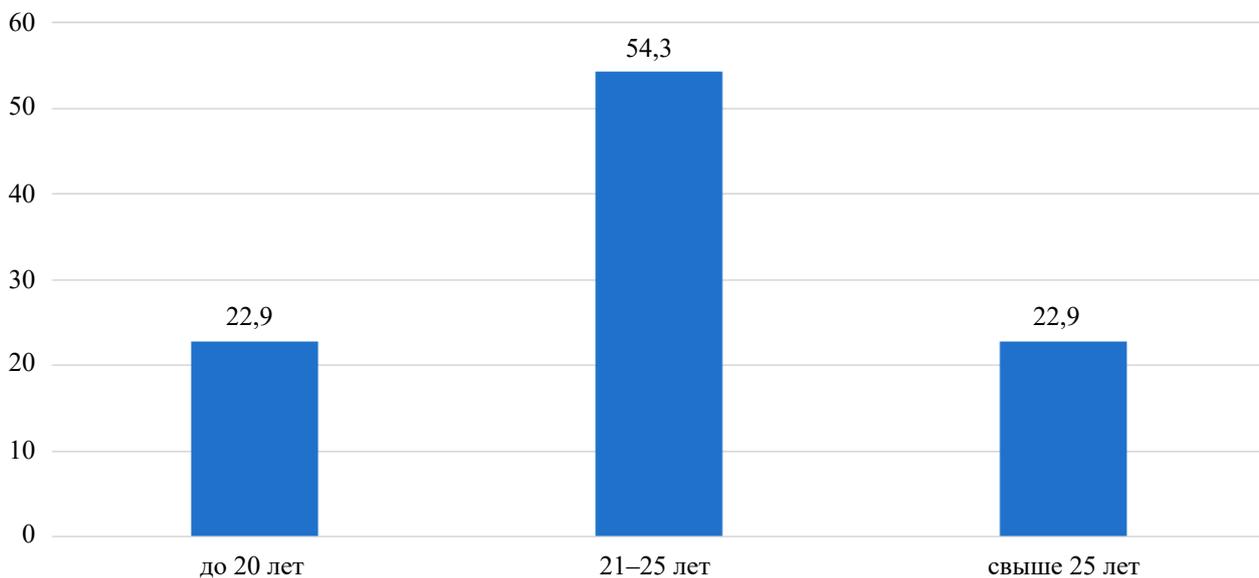
В нашем исследовании среди участников преобладали женщины, поскольку именно они, как показывают предыдущие исследования, в первую очередь составляют ядро рассматриваемого движения, создают группы с феминистическими установками. Количество женщин составило 74,3 %, тогда как мужчин в исследовании было 25,7 % (рисунок 2).

Касательно возрастных особенностей выборки важно отметить, что около половины респондентов (54,3 %) относилось к группе 21–25 лет. Этот возраст характеризуется максимальной готовностью к созданию семьи и рождению ребенка. В этом возрасте, как правило, заканчивается период интенсивного обучения, учебная деятельность перестает быть ведущей, в психологическом плане, отмечается укоренение витальных планов, появление рефлексии, профессиональная идентификация, развитие индивидуальности, сепарация. Из числа обследуемых 22,9 % составили категорию до 20 лет и 22,9 % старше 25 лет (рисунок 3).

Рисунок 2
Гендерные особенности выборки (%)

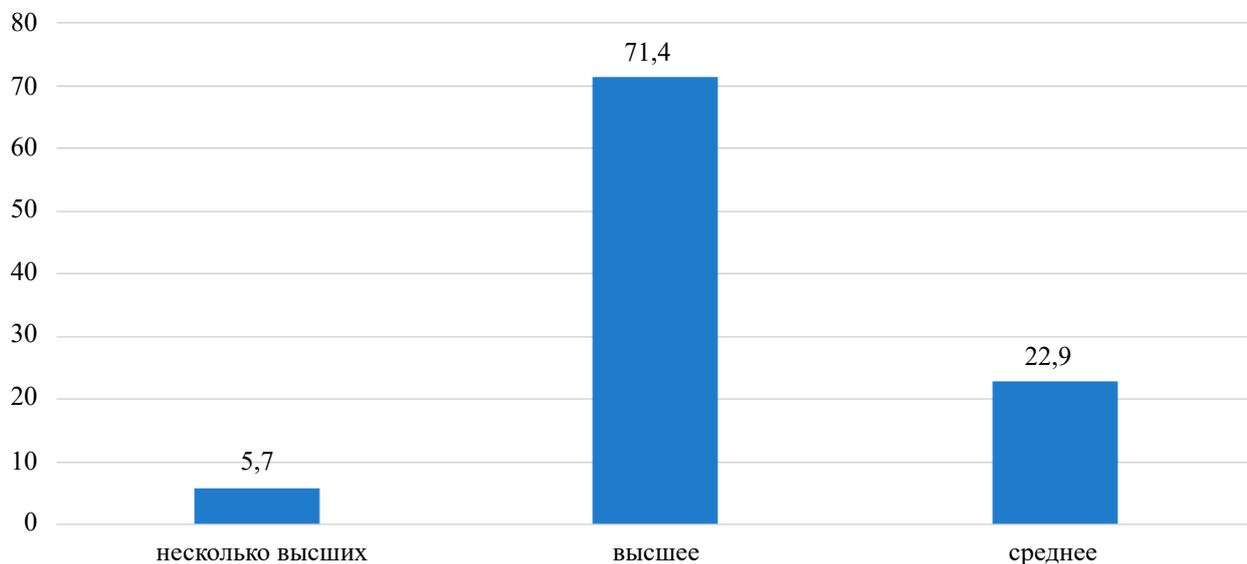

Рисунок 3
Возрастные особенности выборки (%)

Уровень образования характеризовался преимущественно наличием высшего образования (71,4%), средним (22,9%) и наличием нескольких высших или послевузовского образования (5,7%) (рисунок 4).

Рисунок 4
Уровень образования обследуемых (%)

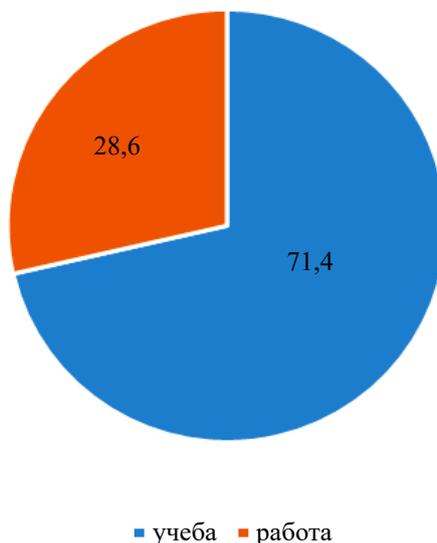

По сферам деятельности выборка характеризовалась следующим распределением: 28,6 % – трудовая деятельность, 71,4 % – учебная деятельность (рисунок 5).

По уровню благосостояния наша выборка была разделена на три группы: нет постоянного дохода (37,1 %), наличие постоянного дохода (37,1 %), и другое (временные доходы, 25,7 %) (рисунок 6).

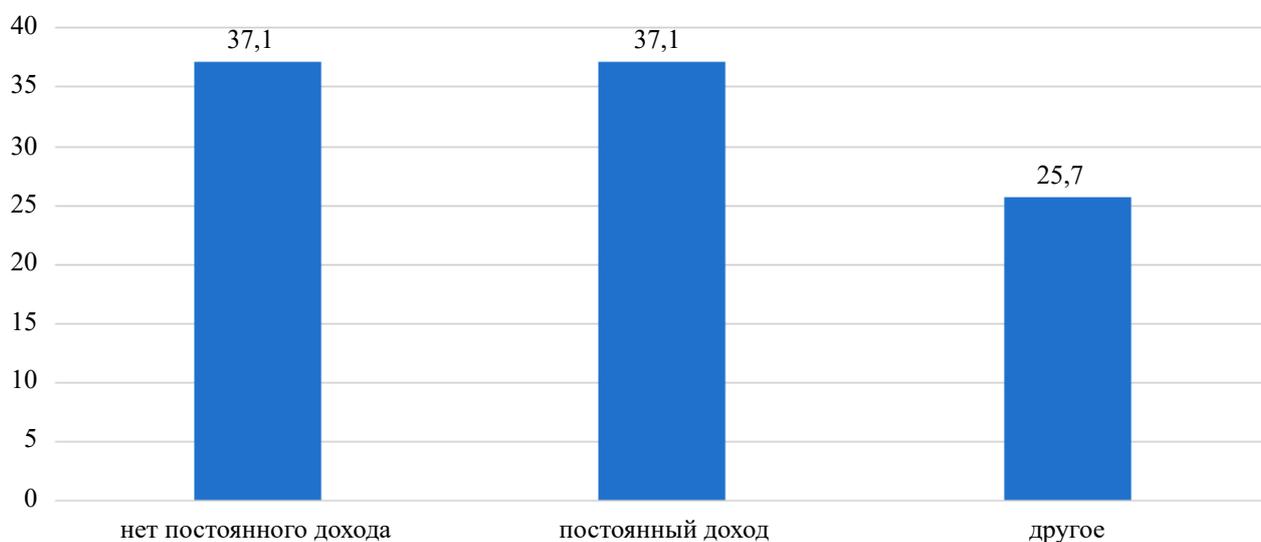
Рисунок 5

Направление занятости обследуемых

Рисунок 6

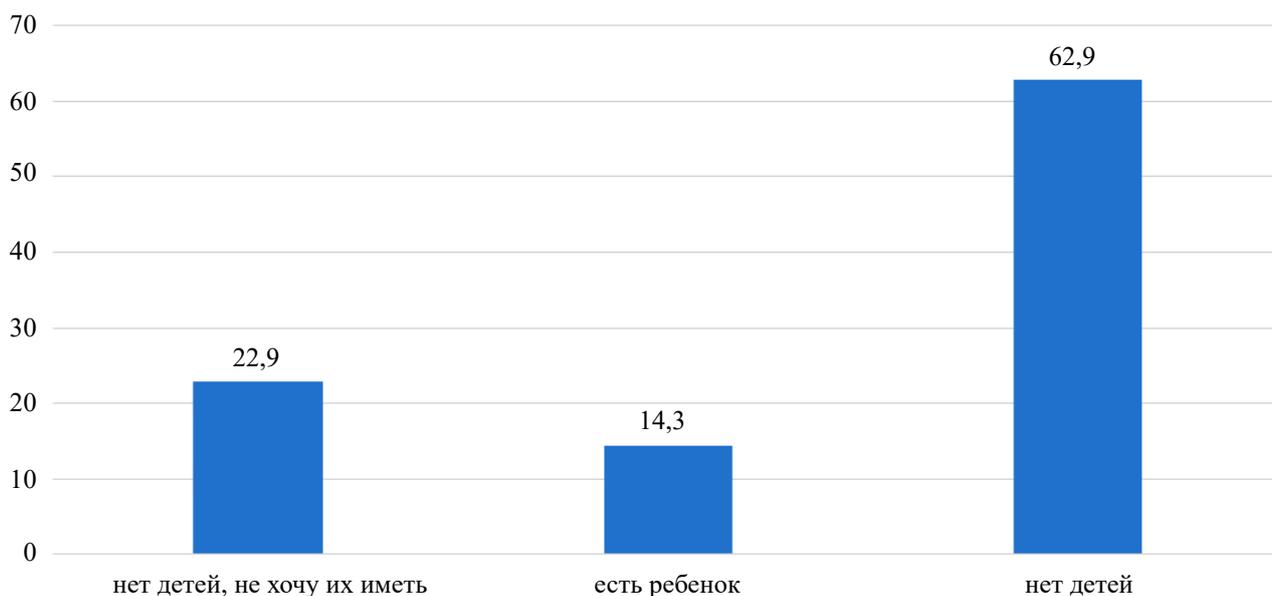
Финансовое состояние обследуемых (%)

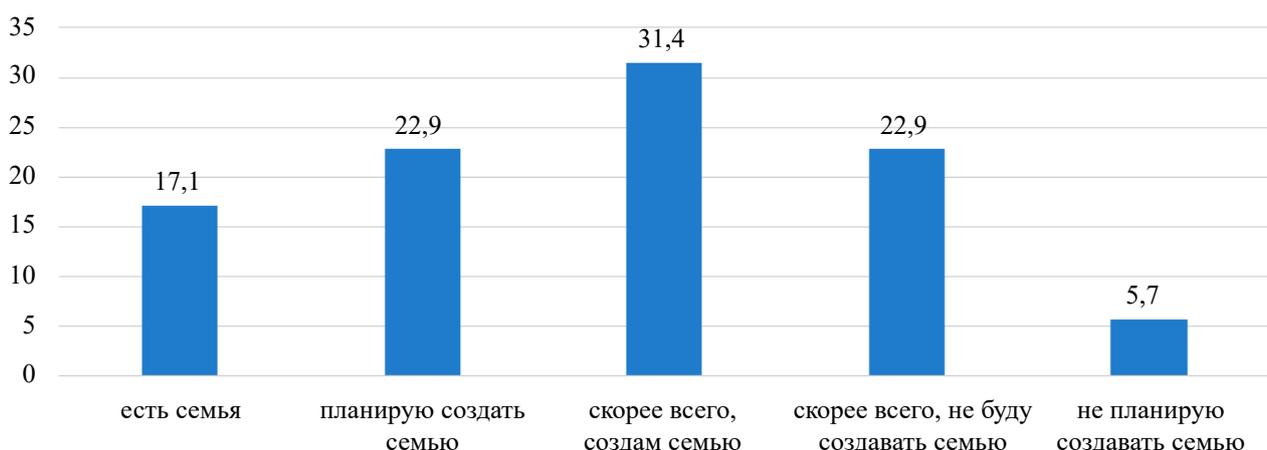
Согласно проведенному анкетированию 22,9 % респондентов отмечают отсутствие желания иметь детей при их фактическом отсутствии; 14,3 % отмечают наличие у себя ребенка (с возможностью иметь еще) и 62,9 % отмечают отсутствие детей, но с витальной перспективой их появления. Таким образом, все-таки значительная часть респондентов из нашей выборки в своей экзистенциальной стратегии не исключают появления детей, что выглядит оптимистично. Вместе с тем, почти 30,0 % от числа респондентов экзистенциально отказываются от деторождения (рисунок 7).

Дисперсия мнений по вопросу создания семьи имеет следующую структуру: 17,1 % респондентов отметили ее наличие; 22,9 % заявили о твердой позиции, что планируют создать семью; 31,4 % склоняются к созданию семьи; 22,9 % считают, создание семьи маловероятной перспективой; 5,7 % вообще не собираются создавать семью. Таким образом, в совокупности все-таки 28,6 % на данный момент респондентов сомневаются в целеполагании семьи (рисунок 8).

Рисунок 7
Отношение к рождению ребенка (%)

Рисунок 8
Планирование создания семьи (%)

Степень отношения к феномену чайлдфри респондентами определяется как нейтральное (77,1 %); отрицательное (11,4 %) и положительное (11,4 %). Мы можем констатировать, что в основной массе респонденты занимают позицию толерантного отношения к сознательной бездетности в нашем обществе (рисунок 9).

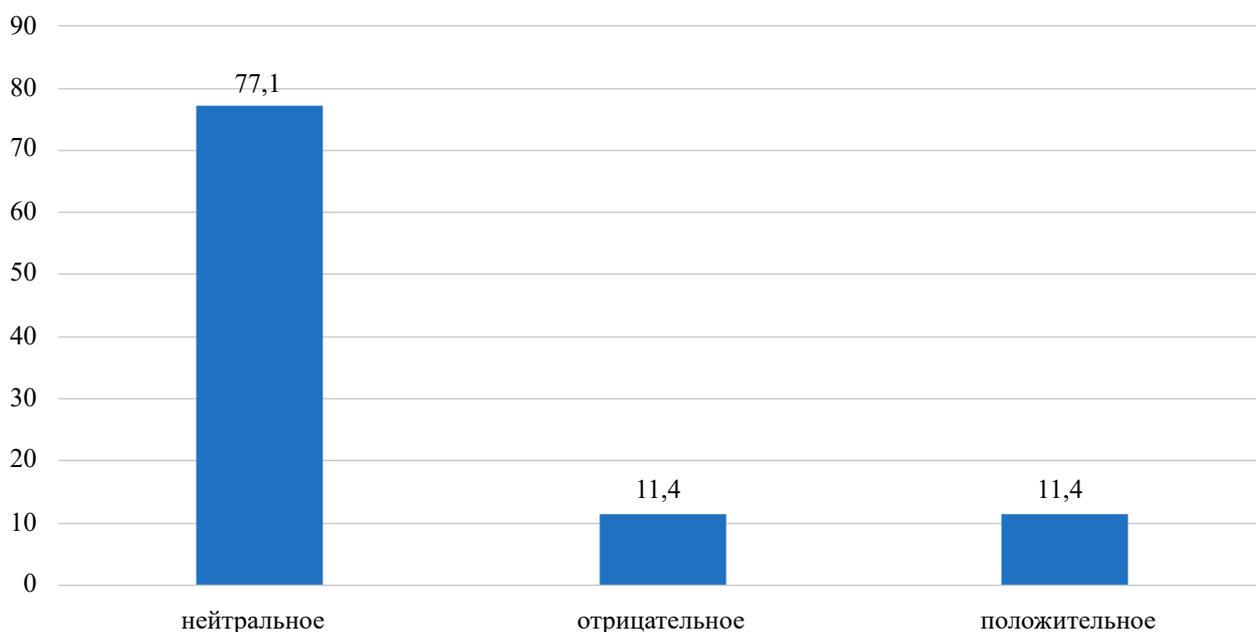
Сравнительный анализ трех групп

Группы сравнения:

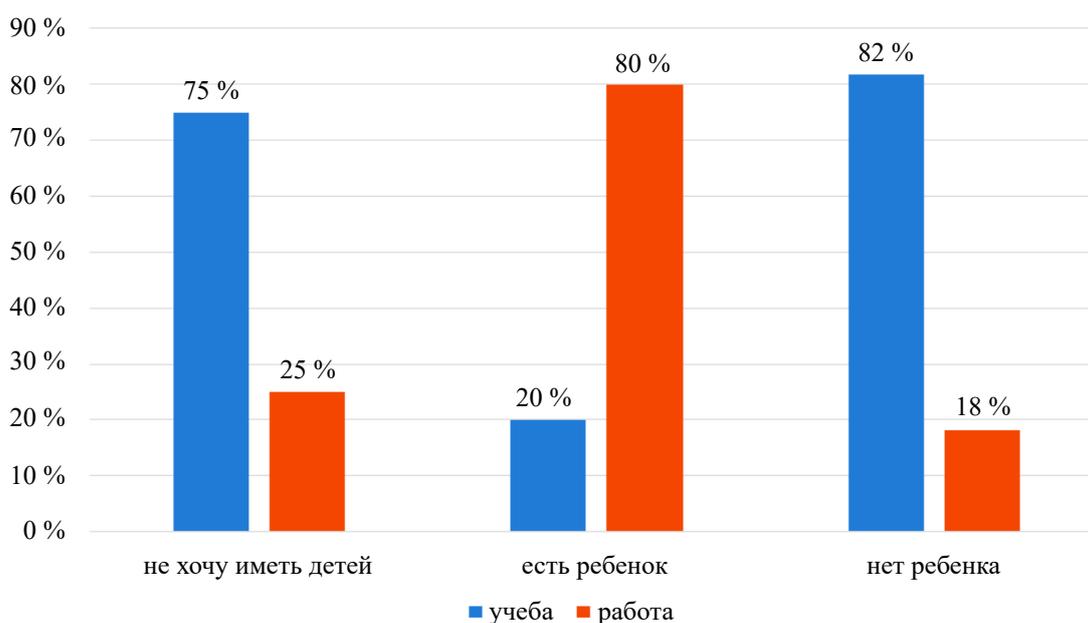
- 1) нет желания иметь детей – 8 человек;
- 2) воспитывают ребенка – 5 человек;
- 3) пока нет детей – 22 человека.

В результате сравнительного анализа групп респондентов, имеющих детей, временно не имеющих и тех, кто не желает иметь детей, мы получили следующие данные: те, кто не хочет иметь детей, в большей степени занимаются учебной деятельностью (студенты, 75 %) и только 25 % уже занимаются трудом. В группе респондентов, у которых уже есть ребенок (или несколько детей), трудовой деятельностью занимаются 80 % респондентов, тогда как в обучении только 20 %. И в группе респондентов, у которых нет ребенка, но есть желание деторождения, 82 % распределены в сфере обучения и 18 % в сфере труда. Это может говорить о том, что трудовая деятельность как ведущая в большей степени определяет желание и психологическую готовность к деторождению. Очевидно, что косвенно здесь выражены фактор возраста и наличие дохода (рисунок 10).

Рисунок 9
Отношение к «чайлдфри» (%)

Рисунок 10
Особенности занятости в группах сравнения

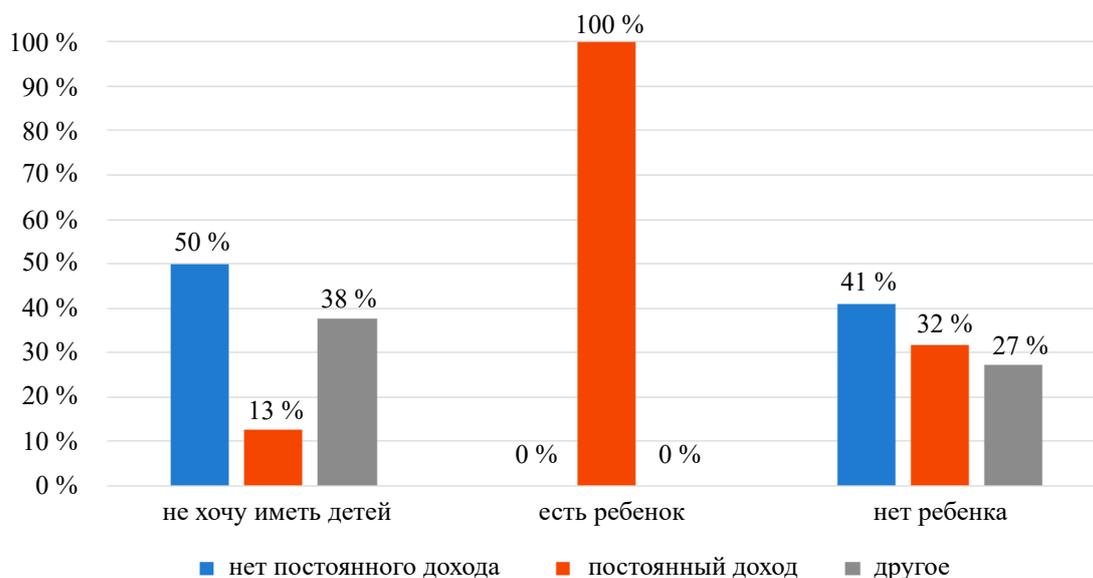

По уровню материального дохода в группе респондентов, не жалеющих иметь детей (чайлдфри) только 13 % имеют постоянный доход, что косвенно может говорить о финансовой антитезе деторождению. В группе респондентов, у которых есть ребенок, 100 % респондентов являются трудоустроенными с постоянным доходом, а в группе респондентов без детей, но с желанием деторождения только 32 % имеют постоянный доход. С осторожностью можно говорить о том, что появление постоянного дохода может быть предиктором появления финансовой уверенности и желания к деторождению (рисунок 11).

На рисунке 12 мы можем наблюдать тенденцию к тому, что в группе обследуемых, которые связывают свою жизнь с Россией, имеются дети. В группе респондентов без детей (но это не связано с сознательным отказом), только 9 % не связывают свою жизнь с Россией. В группе, где обследуемые сознательно отказываются от родительства, 50 % не связывают свою дальнейшую жизнь с Россией. Это может быть говорить о том, что феномен родительства связан также и с любовью к Родине, с чувством патриотизма, с некоторой степенью социально-психологической оседлости (рисунок 12).

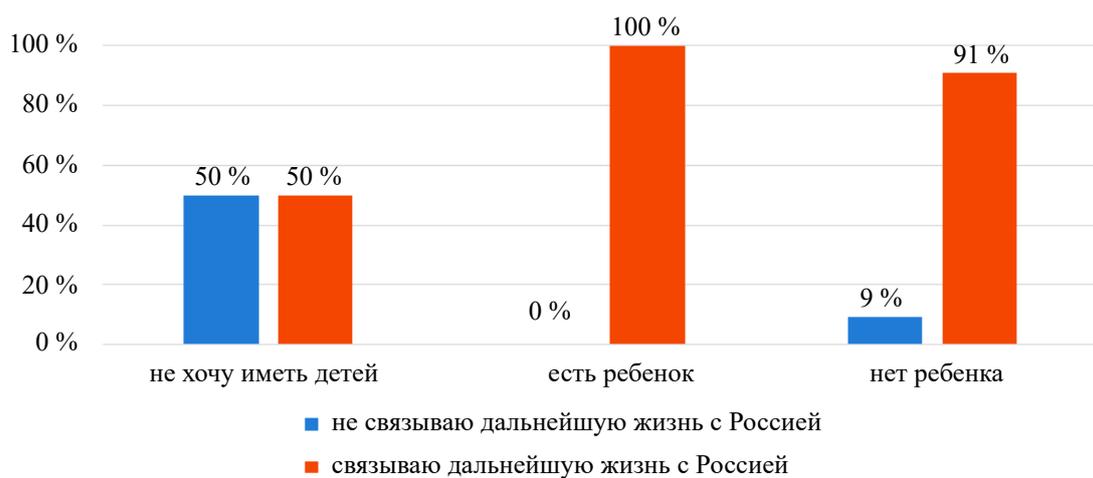
Рисунок 11

Особенности финансового состояния в группах сравнения

Рисунок 12

Особенности связи с Россией в группах сравнения

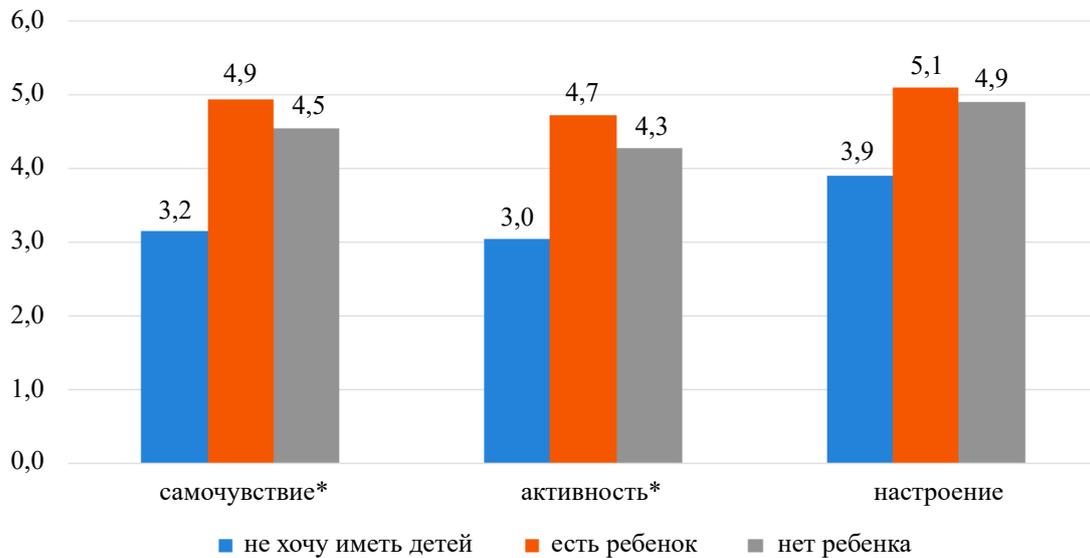

Как видно на рисунке 13, в группе обследуемых, которые воспитывают ребенка, значения самочувствия-активности-настроения выше, причем по первым двум показателям отличия между тремя группами имеют статистически достоверный характер (рисунок 13). Таким образом, индекс самочувствия обследуемых с детьми более положительный. Также они лучше поддерживают жизненно значимые связи с окружающей средой, у них более высокая активность в группе, степень проявления темперамента, которая определяется интенсивностью и объемом взаимодействия человека с социальной средой и выражается в активности, инициативности и стремительности по отношению к группе обследуемых сознательно отказавшихся от родительства, где более выражены инертность и пассивность. Также в первой группе чаще такие идентифицируемые состояния как увлечённость, радость, восторг.

Результаты исследования показали (рисунок 14), что у обследуемых, которые заняли позицию «чайлдфри», преобладают жизненные ценности, подчеркивающие важность собственных мнений, взглядов, убеждений над общепринятыми, характеризующие личность как независимую и неповторимую. Для обследуемых, которые воспитывают ребенка, наиболее существенными оказались потребности, связанные со становлением навыков социального взаимодействия и активной социализацией. Последняя группа сравнения (обследуемые без детей, но с перспективой их появления в личной жизни) выбрала для себя наиболее важными такие ценности, которые являются ориентирами нравственного поведения и раскрывают приоритет духовных потребностей над материальными.

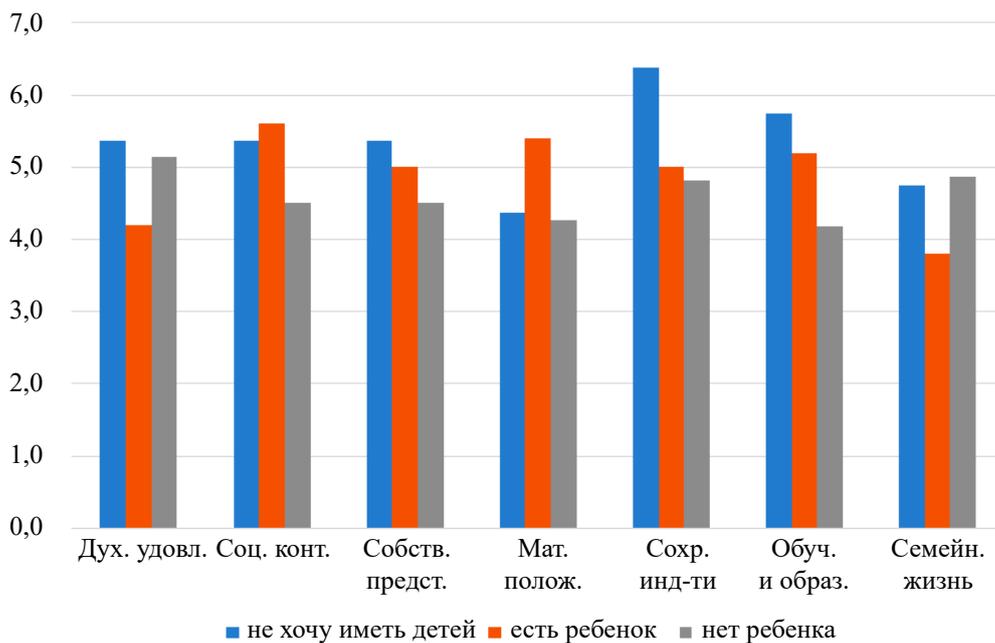
Рисунок 13

Результаты применения методики САН (ср. знач.) * $p < 0,05$ (H, Kruskal-Wallis test); ** $p < 0,01$ (H, Kruskal-Wallis test)

Рисунок 14

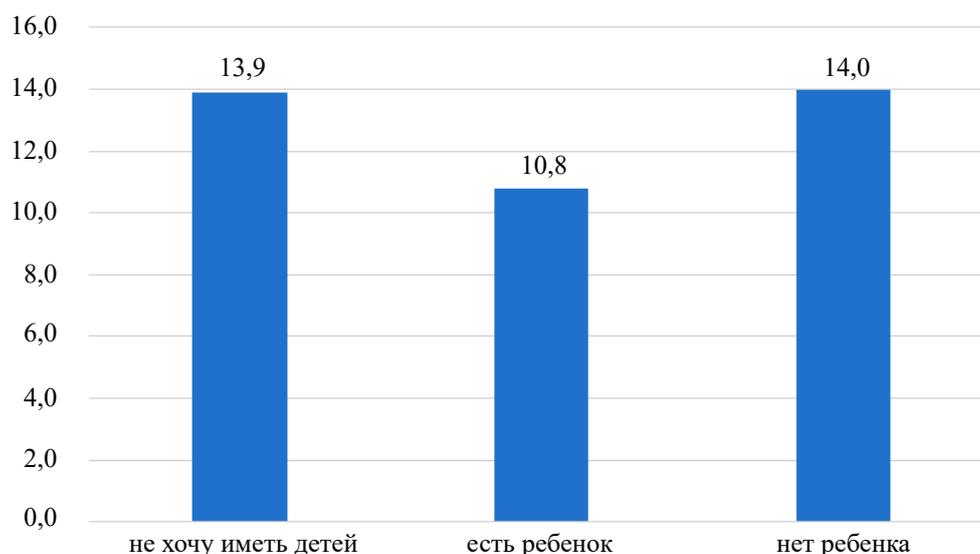
Результаты применения методики МТЖЦ (ср. знач.)

Данные исследования показали, что обследуемые, которые уже воспитывают детей, в меньшей степени обеспокоены вопросами личного удовольствия и наслаждения от жизни (рисунок 15). Это, на наш взгляд, связано в первую очередь с тем, что такие обследуемые менее эгоистичны, с менее выраженной нарциссической направленностью, их фокус внимания направлен на потребности детей, заботу о них.

Рисунок 15

Результаты исследования потребности в гедонизме (ср. знач.)

Обсуждение результатов

Анализ результатов исследования, которые отражают качественно-содержательный аспект проблемы, позволяют говорить об индивидуально-психологических различиях, обследуемых в контрастных группах. Практически третья часть наших респондентов имеют те или иные препятствия к созданию семьи и рождению ребенка. Такой достаточно высокий уровень интолерантного отношения к детям вскрывает не только социально-психологические, но и экономические проблемы нашего общества. В большей степени респонденты занимают нейтральное отношение к идеологии «бездетности». Вместе с тем мы выражаем опасения, что такая маргинальная позиция может быть результатом установки на «одобряемый ответ». Если учитывать это обстоятельство, то проблема имеет гораздо более выраженный характер. И «латентная» неприязнь к детям может манифестировать в более поздний срок на фоне негативных социально-экономических процессов. Мы выяснили, что большинство опрошенных, которые входят к контрастную группу «чайлдфри» не имеют постоянного дохода. Этот факт может усугублять их предвзятую позицию в отношении семьи и воспитания детей. Чрезмерная учебная нагрузка также не позволяет многим молодым людям сделать выбор в пользу семьи. Приоритетность обучения и дальнейшее строительство профессиональной карьеры обрушает планы, связанные с рождением детей.

Лица, не имеющие детей, достаточно независимы в выборе своего места жительства, придерживаются стратегии кочевого образа жизни. Такие лица в период кризиса проявляют склонность покидать привычные места проживания, они более свободны в вопросах эмиграции. У респондентов, которые отмечают, что воспитывают детей, выше проявляются уровни самочувствия и активности. С нашей точки зрения это может быть связано с тем, что ребенок является дополнительным психологическим ресурсом в преодолении неблагоприятных жизненных ситуаций. С другой стороны, ребенок является и «драйвером» активности, поскольку накладывает большую ответственность на родителей. Последние вынуждены обеспечивать не только себя, но и ребенка, в этой связи их занятость может быть намного выше.

Чрезмерная любовь к самому себе и слабость перед удовольствиями тоже являются характерными индивидуально-психологическими маркерами «бездетных» респондентов. На наш взгляд, это формирует определенный симптомокомплекс, ограничительный психологический механизм на пути к созданию семьи и рождению детей. Поскольку, как известно, психологическая готовность к рождению ребенка может быть связана с чувством ответственности и высокой «жертвенности», отказом от удовольствий, вынужденным объективным аскетизмом, наличием навыков решения бытовых проблем и способностью справляться с чрезмерными моральными и физическими нагрузками, то «гедонизм» и «эгоизм» блокируют эту социально-психологическую траекторию, делают невозможным реализацию родительской функции.

Полученные результаты и сделанные на их основании выводы согласуются с результатами других теоретических и эмпирических исследований в отношении понимания феномена «бездетности» и индивидуально-психологических особенностей и социальных различий респондентов: по уровню доходов (Деулин и др., 2023); агрессивными технологиями продвижения в социальных сетях и СМИ (Большунова, 2018); влиянием общего культурного пространства и современного периода «социального декадентства» на молодых людей (Бичарова и Морозова, 2016). Основной психологической причиной отказа от деторождения является формирование установок корысти, эго-

изма и гедонизма (Халфина и др., 2018). Таким образом, представленные нами результаты, нашедшие свое подтверждение в смежных исследованиях других отечественных и зарубежных авторов, свидетельствуют об актуальности критического анализа проблемы «бездетности», артикуляции степени риска, который может приводить к серьезным демографическим и национальным проблемам государства и общества.

Кроме того, наши эмпирические результаты в совокупности с теоретическим анализом отечественных и зарубежных публикаций демонстрируют, что такие категории как эгоистичность, нарциссизм, гедонизм, погоня за личными удовольствиями не появляются органическим способом. Они популяризируются, внедряются в сознание молодежи различными приемами, специальными техниками, действующими незаметно и формирующими замаскированное желание вести бездетную жизнь, подталкивающее к ней. При этом такая тенденция складывалась постепенно под влиянием социально-экономических и геополитических установок, интересов экономически господствующих классов, финансовых бенефициаров. Изолированные технологии воздействия позволяют культивировать необходимые аттитуды и убеждения. Можно сказать, что молодежь втягивают с помощью психотехнологий в «демографический флэшмоб», где главным паттерном является отказ от продолжения рода. Создается модный тренд на бездетность, констатируется якобы зарождение «нового общества с новой нормальностью», где ребенку нет места. В заключении хочется отметить, что с нашей точки зрения идеология бездетности предопределяется профилем личности, который формируется в большей степени социально: путем манипуляций, установок, агрессивной позиции и т. д.

Заключение. Полученные в ходе эмпирического исследования результаты позволяют сделать соответствующие обобщения и выводы:

1. Мы можем констатировать, что в основной массе респонденты занимают позицию толерантного отношения к сознательной бездетности в нашем обществе.

2. Лица, отказывающиеся от детей в большей мере вовлечены в учебную сферу. Среди тех, кто не хочет иметь детей, только малая часть имеет постоянный доход. Также среди них половина не связывает свою жизнь с Россией и мечтает об эмиграции.

3. Обследуемые, которые воспитывают ребенка, имеют значения самочувствия-активности-настроения выше, причем по первым двум показателям отличия между тремя группами имеют статистически достоверный характер.

4. Собственное мнение, взгляды и убеждения у сторонников «чайлдфри» в приоритете над общепринятыми по отношению к тем, кто воспитывает ребенка и не является сторонников «чайлдфри». Для обследуемых, которые воспитывают ребенка, важным аспектом в потребностно-эмоциональной сфере являются социальные интеракции с возможностью формирования своего социального статуса.

5. Основными ценностями адептов субкультуры «чайлдфри» в большей степени является ориентация на гедонизм и эгоизм.

6. Профиль личности «чайлдфри» представляется в некотором роде искусственно созданным и определяется социально-экономическим давлением, нарративами социальных сетей, технологическим переходом, пропагандой СМИ, политикой и другими факторами.

Проведение исследования осложнялось негативной установкой у некоторых испытуемых к содержанию вопросов, нежеланием отвечать на некоторые из них, что приводило к девальвации отдельных анкет. Наши выводы, безусловно, ограничены выборкой испытуемых и являются направлением дальнейшего изучения рассматриваемой проблемы.

Список литературы

- Большунова, Т. В. (2018). Феномен чайлдфри: макросоциологический анализ. *Вестник университета*, 4, 145–149. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2018-4-145-149>
- Бичарова, М. М., и Морозова, О. В. (2016). Идеология чайлдфри и ее влияние на современную систему семейных ценностей. *Глобальный научный потенциал*, 12(69), 7–10.
- Деулин, Д. В., Петров, В. Е., и Артюшенко, А. Б. (2023). Анализ правовых и социально-психологических аспектов феномена «чайлдфри». *Прикладная психология и педагогика*, 8(3), 31–44. <https://doi.org/10.12737/2500-0543-2023-8-3-31-44>
- Доскин, В. А., Лаврентьева, Н. А., Мирошников, М. П., и Шарай, В. Б. (1973). Тест дифференцированной самооценки функционального состояния. *Вопросы психологии*, 6.
- Кук, Р. Дж., и Фатхалла, М. Ф. (1996). Продвижение репродуктивных прав за пределы Каира и Пекина. *Международные перспективы планирования семьи*, 22(3), 115–121. <https://doi.org/10.2307/2950752>
- Морган, Л. Г. (1934). *Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации* (пер. с англ. под ред. М. О. Косвена). Издательство института народов севера при ЦИК СССР.
- Обухова, Л. Ф. (1996). *Детская (возрастная) психология*. Российское педагогическое агентство.
- Сопов, В. Ф., и Карпушина, Л. В. (2001). Морфологический тест жизненных ценностей. *Прикладная психология*, 4.

Халфина, Р. Р., Тимченко, Т. В., и Сафронова, Е. В. (2018). Психосоциальные причины развития чайлдфри в России. *Проблемы современного педагогического образования*, 60(4), 475–478.

Шварц, Ш., Бутенко, Т. П., Седова, Д. С., и Липатова, А. С. (2012). Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России. *Психология. Журнал ВШЭ*, 2.

Li, D., & Guo, X. (2023). The effect of the time parents spend with children on children's well-being. *Frontiers in Psychology*, 14, 1096128. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2023.1096128>

Leroux, M.-L., Pestieau, P., & Ponthière, G. (2022). Childlessness, childfreeness and compensation. *Social Choice and Welfare*, 59(2), 1–35. <https://doi.org/10.1007/s00355-021-01379-y>

Han, M. (2023). Influence of Family Structure on Children's Well-being – Challenges and Pathways to Promote Positive Development. *SHS Web of Conferences*, 180, 02008. <https://doi.org/10.1051/shsconf/202318002008>

Tori, N. A., Sharif-Nia, H., Ghaffari, F., Behmanesh, F., & Pourreza, A. (2023). Effective factors on voluntary childlessness and one-child tendency from couples' perspective: Compulsory childlessness or child-avoidance? *Caspian Journal of Internal Medicine*, 14(4), 656–667. <https://doi.org/10.22088/cjim.14.4.656>

Nam, T. (2020). Potential of students' project work using the example of childfree phenomenon analysis. *E3S Web of Conferences* 164, 12007. <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202016412007>

Gietel-Basten, S., & Yeung, A. S. W. (2023). Self-Definition and Evaluation of the Term “Childfree” Among Hong Kong Women. *Sage Open*, 13(4). <https://doi.org/10.1177/21582440231198994>

Schwab K., Malleret, T. (2020). *Covid-19: The Great Reset*. Forum Publishing.

References

Bolshunova, T. V. (2018). The phenomenon of Childfree: macrosociological analysis. *Vestnik Universiteta*, 4, 145–149. (In Russ.) <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2018-4-145-149>

Bicharova, M. M., & Morozova, O. V. (2016). Childfree ideology and its influence on modern family values. *Global Scientific Potential*, 12(69), 7–10. (In Russ.)

Cook, R. J., & Fathalla, M. F. (1996). Advancing Reproductive Rights Beyond Cairo and Beijing. *International Family Planning Perspectives*, 22(3), 115–121. (In Russ.) <https://doi.org/10.2307/2950752>

Deulin, D. V., Petrov, V. E., & Artyushenko, A. B. (2023). Analysis of legal and socio-psychological aspects of the “Childfree” phenomenon. *Applied Psychology and Pedagogy*, 8(3), 31–44. (In Russ.) <https://doi.org/10.12737/2500-0543-2023-8-3-31-44>

Doskin, V. A., Lavrentieva, N. A., Miroshnikov, M. P., & Sharay, V. B. (1973). Test of differentiated self-assessment of functional state. *Voprosy psichologii*, 6. (In Russ.)

Gietel-Basten, S., & Yeung, A. S. W. (2023). Self-Definition and Evaluation of the Term “Childfree” Among Hong Kong Women. *Sage Open*, 13(4). <https://doi.org/10.1177/21582440231198994>

Han, M. (2023). Influence of Family Structure on Children's Well-being - Challenges and Pathways to Promote Positive Development. *SHS Web of Conferences*, 180, 02008. <https://doi.org/10.1051/shsconf/202318002008>

Khalfina, R. R., Timchenko, T. V., & Safronova, E. V. (2018). Psychosocial reasons for the development of childfree in Russia. *Problems of modern pedagogical education*, 60(4), 475–478. (In Russ.)

Li, D., & Guo, X. (2023). The effect of the time parents spend with children on children's well-being. *Frontiers in Psychology*, 14, 1096128. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2023.1096128>

Leroux, M.-L., Pestieau, P., & Ponthière, G. (2022). Childlessness, childfreeness and compensation. *Social Choice and Welfare*, 59(2), 1–35. <https://doi.org/10.1007/s00355-021-01379-y>

Morgan, L. G. (1934). *Ancient Society or the Study of the Lines of Human Progress from Savagery through Barbarism to Civilization* (ed. by M. O. Kosven). Publishing house of the Institute of the Peoples of the North under the CEC of the USSR. (In Russ.)

Nam, T. (2020). Potential of students' project work using the example of childfree phenomenon analysis. *E3S Web of Conferences* 164, 12007. <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202016412007>

Obukhova, L. F. (1996). *Children's (age) psychology*. Russian Pedagogical Agency. (In Russ.)

Tori, N. A., Sharif-Nia, H., Ghaffari, F., Behmanesh, F., & Pourreza, A. (2023). Effective factors on voluntary childlessness and one-child tendency from couples' perspective: Compulsory childlessness or child-avoidance? *Caspian Journal of Internal Medicine*, 14(4), 656–667. <https://doi.org/10.22088/cjim.14.4.656>

Schwab K., Malleret, T. (2020). *Covid-19: The Great Reset*. Forum Publishing.

Sopov, V. F., & Karpushina, L. V. (2001). A morphological test of life values. *Applied Psychology*, 4. (In Russ.)

Schwartz, S., Butenko, T. P., Sedova, D. S., & Lipatova, A. S. (2012). Refined theory of basic individual values: application to Russia. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 2. (In Russ.)

Об авторах:

Дмитрий Владимирович Деулин, кандидат психологических наук, доцент, декан факультета экстремальной психологии, доцент кафедры научных основ экстремальной психологии факультета экстремальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (Российская Федерация, 127051, г. Москва, ул. Сретенка, 29), [ORCID](#), ddeulin@yandex.ru

Александр Михайлович Пеньков, магистр, психолог Учебно-методического центра «Здоровьесберегающие технологии и профилактика наркомании в молодежной среде», Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана (105005, г. Москва, ул. 2-я Бауманская, 5, с. 1), [ORCID](#), alexander.penkov99@gmail.com

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

About the Authors:

Dmitry Vladimirovich Deulin, Cand. Sci. (Psychology), Associate Professor, Dean of the Faculty of Extreme Psychology, Associate Professor, of Scientific Foundations of Extreme Psychology Department, Faculty of Extreme Psychology, Moscow State Psychological and Pedagogical University (29, Sretenka str., Moscow, 127051, Russian Federation), [ORCID](#), ddeulin@yandex.ru

Alexander Mikhailovich Penkov, Master's degree, psychologist, Training and Methodological Center "Health-Saving Technologies and Prevention of Drug Abuse in Youth Environment", Bauman Moscow State Technical University (5, 2nd Baumanskaya Street, p. 1, Moscow, 105005, Russian Federation), [ORCID](#), alexander.penkov99@gmail.com

Conflict of interest: the authors do not have any conflict of interest.

All authors have read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию / Received 20.06.2024

Поступила после рецензирования / Revised 12.07.2024

Принята к публикации / Accepted 15.07.2024

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

GENERAL PSYCHOLOGY, PERSONALITY PSYCHOLOGY, HISTORY OF PSYCHOLOGY

УДК 159.99

<https://doi.org/10.23947/2658-7165-2024-7-5-35-43>

Оригинальное эмпирическое исследование

UNSMEJ

Доверие мальчиков-подростков к матери и порядок в структуре его предикторов

Юлия А. Мочалова

Донской государственный технический университет, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1

✉ guliya@mail.ru

Аннотация

Введение. Проведена проверка научно-психологической валидности априорной установки психологов-практиков и родителей, гласящей, что доверительное отношение подростков к родителям существует только в виде оппозиции доверия или недоверия, при решении проблемы подросткового недоверия. Осуществление проверки основано на ранее разработанной модели изучения амбивалентного доверия.

Цель. Изучить особенности классифицированных соотношений доверия/недоверия к матери у подростков-мальчиков 15 лет и роль порядка в структуре предикторов доверия к матери в этих соотношениях.

Материалы и методы. В исследовании применены следующие методы: контент-анализ на основе экспертных оценок; субъективное шкалирование по заданным параметрам; статистическая технология разработки конструкта; классификация соотношения доверия/недоверия; аппроксимация гиперболическим ранговым параметрическим распределением; непараметрическая статистика.

Результаты исследования. Выборку исследования составили мальчики-подростки 15 лет ($n = 177$) МАОУ г. Ростова-на-Дону. В результате проведенного исследования получены данные, демонстрирующие «абсолютное доверие» и «абсолютное недоверие» только у 19 % испытуемых, остальные имеют разные варианты амбивалентного доверия ($p \leq 0,01$). Значимыми предикторами доверия к матери у мальчиков-подростков 15 лет являются «мне-доверие», честность, надежность, справедливость, обязательность в исполнении обещаний, безоценочное отношение. Средние значения коэффициента β выше при «позитивном» варианте амбивалентного доверия, когда у мальчиков-подростков 15 лет есть одновременно и доверие, и недоверие к матери при преобладании первого.

Обсуждение результатов. Установлено, что убежденность психологов-практиков и родителей в том, что доверительное отношение подростков к матери существует только в виде оппозиции доверия и недоверия не совсем верна и может привести к серьезным негативным последствиям при решении проблемы недоверия к матери. Особенности классифицированных соотношений доверия/недоверия к матери и упорядоченности структуры предикторов доверия к матери позволяют считать, что наблюдаемые поведенческие паттерны «доверия» к матери могут не отражать его истинности, а выступать «средством» решения своих осознаваемых и неосознаваемых задач через механизм защиты от неадекватных, с точки зрения подростка, попыток матери проникнуть в его внутренний мир, или как стремление к уходу от собственной ответственности через доверительность.

Ключевые слова: доверие, амбивалентность, предикторы доверия к матери, совокупный баланс между предикторами, структура, порядок

Для цитирования. Мочалова, Ю. А. (2024). Доверие мальчиков-подростков к матери и порядок в структуре его предикторов. *Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология*, 7(5), 35–43. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2024-7-5-35-43>

Adolescent Boys' Trust in Their Mothers and The Order in The Structure of Its Predictors

Julia A. Mochalova

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

✉ guliya@mail.ru

Abstract

Introduction. The scientific-psychological validity of the a priori attitude of practicing psychologists and parents, which states that adolescents' trusting attitude toward parents exists only in the form of an opposition of trust or mistrust, was tested when addressing the problem of adolescent mistrust. The implementation of the validation is based on the previously developed model for studying ambivalent trust.

Objective. To examine the features of categorized trust/mother distrust relationships in 15-year-old adolescent males and the role of order in the structure of predictors of maternal trust in these relationships.

Materials and Methods. The following methods were applied in the study: content analysis based on expert evaluations; subjective scaling according to the given parameters; statistical technology of construct development; classification of trust/distrust ratio; approximation by hyperbolic rank parametric distribution; nonparametric statistics.

Results. The study sample consisted of adolescent boys 15 years old ($n = 177$) of municipal educational institution the highschool of Rostov-on-Don. As a result of the study, the data demonstrating "absolute trust" and "absolute distrust" were obtained only in 19 % of subjects, the rest have different variants of ambivalent trust ($p \leq 0.01$). Significant predictors of trust to mother in adolescent boys of 15 years old are "me-trust", honesty, reliability, fairness, commitment to fulfill promises, non-evaluative attitude. The average values of β coefficient are higher in the "positive" variant of ambivalent trust, when adolescent boys of 15 years old have both trust and distrust in their mothers, with the former prevailing.

Discussion. It has been established that the conviction of practicing psychologists and parents that adolescents' trusting attitude to their mothers exists only in the form of the opposition of trust and distrust is not quite correct and can lead to serious negative consequences in solving the problem of maternal distrust. The peculiarities of the classified correlations of trust/distrust in mothers and the orderliness of the structure of predictors of trust in mothers allow us to consider that the observed behavioral patterns of "trust" in mothers may not reflect its truthfulness, but act as a "means" of solving their conscious and unconscious tasks through the mechanism of protection from inadequate, from the point of view of the adolescent, attempts of the mother to penetrate into his inner world, or as a desire to escape from their own responsibility through trust.

Keywords: trust, ambivalence, predictors of maternal trust, cumulative balance between predictors, structure, order

For Citation. Mochalova, Y. A. (2024). Adolescent boys' trust in their mothers and the order in the structure of its predictors. *Innovative science: psychology, pedagogy, defectology*, 7(5), 35–43. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2024-7-5-35-43>

Введение

Одна из самых актуальных проблем для современной семьи во всех психологических и социально-психологических ее контекстах – это проблема доверия детей к родителям. Если рассматривать возрастной аспект, то в подростковом возрасте, в силу возрастания самостоятельности детей и их независимости от родителей, эта проблема зачастую становится самой «болезненной» как с позиции родителей, так и с позиций подростка. Исследования доверительных отношений между родителями и подростками проводятся в разных направлениях. Так, например, А. М.-А. Акбаева в своих работах доказала, что самостоятельность подростков, во многом зависит от типа детско-родительских отношений, которые, в свою очередь, выступают фактором становления доверия (Акбаева и Койчуева, 2020). Clark-Lempers с коллегами (1991) пришли к выводу, что по мере взросления подростка и появления у него значимых других (друзья, кумиры и т. д.) уровень доверия к родителям снижается. Однако уровень доверительных отношений между родителями и подростками, в дальнейшем определяет социально психологическую адаптацию молодого поколения и влияет на выбор партнера в будущем (Thönnissen et al., 2010).

Если говорить об уровне доверия к матери и отцу, то Зыблева (2017) установила, что, как юноши, так и девушки больше доверяют матери, а недоверие связано с отсутствием родителя в жизни юноши, однако мальчики более доверчивы, чем девочки (Derks et al., 2014). Этот факт и необходимость новых научно-психологических исследований в этой предметной сфере побудила нас через пять лет с момента публикации статьи (Дорофеев и Мочалова, 2018), в которой мы представили теоретическое обоснование и пилотажную эмпирическую проверку наличия существования двух видов амбивалентности доверия, названные нами «позитивная» и «негативная», вновь обратиться к ней. В ходе анализа работ по проблеме амбивалентного доверия мы обнаружили, что амбивалентность является неотъемлемой составляющей для развития здоровой личности (Зелинская, 2013; Купрейченко, 2018), а доверие и недоверие сосуществуют и смягчаются амбивалентностью (Lewicki et al., 1998).

Новый анализ работ психологов-практиков, занимающихся этой проблемой, показал, что феномены доверия и недоверия рассматриваются только как взаимоисключающая оппозиция двух состояний «доверия–недоверия»,

а не как единый феномен, в котором имеют место не только сложные взаимосвязи и взаимопереходы между доверием и недоверием, но и различные способы переживания его субъектом доверия, в том числе не всегда позитивные. Родители, если и пытаются решить проблему недоверия со стороны подростка, стратегически «решают» ее всегда только в контексте «или он мне не доверяет, или он мне доверяет», без включения каких-либо «полутонов», хотя роль последних может быть весьма существенной. Кроме того, и психологи-практики, и родители часто отождествляют феномены доверия и доверительности, которые, конечно, связаны между собой, но далеко не тождественны (Скрипкина, 2000). В рамках вышеобозначенного актуальными становятся психологические исследования, в которых теоретические «новшества» и хорошо организованные эмпирические исследования позволили бы более валидно изучать психологическую суть феномена доверия подростков к родителям и которые дали бы реальный практический эффект при внедрении их результатов в практическую психологию. Именно решению данной задачи в рамках такого предметного поля, как доверие к матери и такого эмпирического объекта, как мальчики-подростки 15 лет (верхняя граница среднего подросткового возраста) посвящено данное исследование.

В изучении вышеназванной проблемы нужно исходить из теоретической установки, что доверие и недоверие могут существовать в виде взаимоисключающей оппозиции – или доверие или недоверие подростка. В работах по изучению доверия к родителям у подростков такой вариант и является теоретической основой представленных в них исследований. Мы не проводим анализ этих работ, только сделаем акцент на том факте, что вариант «или... или...» отражает отношения мультипликативности (суммы) между доверием и недоверием и линейности пространства их взаимодействия, при котором мгновенные инверсии от доверия к недоверию просто исключены, хотя, как показывает очевидный опыт, от доверия к недоверию к родителям у подростков иногда бывает только «один шаг». Можно полагать, что есть такие состояния, связанные с амбивалентностью доверия, которые и являются скрытой основой инверсий. В своей работе (Дорофеев и Мочалова, 2018), основанной на логике статистических обобщений по соотношению «доверие–недоверие» мы выделили девять зон амбивалентности доверия, классифицированных на уровне качественной шкалы, по-разному потенциально влияющих на вышеназванные инверсии. Мы не будем подробно характеризовать эту классификационную модель, потому что она подробно представлена в вышеназванной работе, только считаем важным для нашего нового исследования заметить, что два варианта имеют позитивный фон по отношению к «психологическому самочувствию» субъекта доверия (зона Г и зона Б на схеме) и семь вариантов имеют негативный фон – зоны I–VII на схеме (рисунок 1). Кроме этого, для нашей новой работы (основания представлены выше) выделим еще две зоны, определяемые двумя модусами доверия (первый «доверие» обозначим буквой «Д» – доверие максимально возможное, а недоверие нет; и второй – «недоверие» обозначим «Н» – доверия нет, а недоверие максимально возможное).

В соответствии с изложенным выше, проблему доверия к родителям у подростков можно изучать, во-первых, «глазами и переживаниями родителей», и, во-вторых, «глазами и переживаниями подростков». Эти позиции в подавляющем числе случаев не совпадают как на уровне «глаз», так и на уровне «переживаний». Конечно, при решении проблемы оптимальный вариант – это интегрировать родителей и подростков (как часто пишут в рекомендациях), но реальность такова, что решить эту проблему невозможно и единственное, что нужно признать – это то, что при ее решении важнее «находиться» на позиции подростка. В изучении рассматриваемой проблемы нужно исходить из того факта, что существует огромное количество предикторов (разные авторы используют разные термины для их обозначения – причины, императивы, условия, факторы, качества и т. д.), имеющих самый разный онтологический статус и что при изучении доверия к родителям очень важна их эмпирическая «обоснованность». Анализ работ в этой области показал, что в информационном портале «Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU» за последние 10 лет нет работ, в которых предикторы именно доверия к родителям выступали бы предметом отдельного исследования. Однако имеются работы, в которых такая задача ставится, но, например, О. А. Зыблева в тексте отождествляет феномены доверия и доверительности (Зыблева, 2017), которые, хотя и взаимосвязаны, но различны по психологической природе. В работе Ю. Ю. Даниловой предикторы доверия к родителям являются феноменологическим фоном изучения доверия к себе (Данилова, 2018). Что касается общедоступных интернет-источников, то их содержание носит скорее литературный статус, нежели имеет проработанную эмпирическую основу.

Мы исходим из того, что доверие к родителям появляется в результате действия нескольких предикторов. В силу наличия множества предикторов доверия подростка к родителям два условия, а именно единая психологическая организация подростка и наличие функциональной связи между предикторами, могут привести к тому, что они в своей совокупности образуют структуру, характеризующуюся определенным порядком, в котором целое не есть продукт свойств его отдельных частей (предикторов). Здесь стоит обратить особое внимание на то, что мы будем понимать под порядком в структуре предикторов доверия. Дело в том, что при «адаптации» основных положений теории систем в разных научных дисциплинах возникают проблемы и путаница с ключевыми дефинициями этой теории. Это касается и таких базовых понятий, как «структура», «порядок», «структурность». Применительно к психологии, очень редко кто из исследователей обращает внимание на относительную онтологическую автономии того содержания, которое они обозначают. Проведя анализ литературы, мы обнаружили, что только О. В. Краснова презентует свой критерий для использования понятий «структура» и «структурность» при системных исследованиях в психологии (Краснова, 2012). Мы не будем останавливаться на анализе ее взглядов,

а представим ту модель изучения структуры предикторов доверия, характеризующейся определенным порядком, которую использовал В. А. Дорофеев при изучении порядка в структуре детерминантов доверия руководителю (Дорофеев, 2019) и которую используем в своем исследовании и мы. Он считает, что основанием для изучения порядка в структуре детерминантов доверия руководителю может выступать изучение баланса между функциональной значимостью этих детерминант, количественным выражением которого являются параметры рангового по параметру гиперболического H -распределения. Вывод о порядке в структуре системы можно делать на основании интерпретации рангового коэффициента β , который характеризует степень крутизны гиперболы: чем выше значение β , тем структура более устойчива (Арапов и др., 1975). При повышении β , значения которого ограничены верхним пределом, в структуре становится выше порядок и устойчивость, но при этом снижаются адаптационные возможности в условиях изменений (Кудрин, 1993; Дорофеев и Мочалова, 2016). Авторская апробация данной методологии в психологическом исследовании применительно к психологическим переменным представлено в нашем предыдущем исследовании (Мочалова, 2023).

Для изучения порядка в структуре предикторов доверия подростков к родителям очень важно провести качественную классификацию этих предикторов. Это определяется тем, что классификация – это основание для построения структуры любого явления (Субботин, А. Л. (2001). Классификация. <https://gtmarket.ru/library/basis/3794/3799> (дата обращения: 25.08.2022)). В теории дискретных систем (классифицированная совокупность – это вариант дискретности элементов) одним из вариантов упорядочивания структуры выступает сокращение количества элементов, так как «чем на большее число частей разделяется система, тем более хаотичной и менее упорядоченной является ее структура» (Вяткин, 2009, с. 1).

Учитывая вышеизложенное, мы выдвинули следующие гипотезы:

Гипотеза 1. Абсолютные доверие или недоверие к матери у мальчиков-подростков 15 лет встречаются не чаще, чем различные варианты амбивалентного доверия к ней.

Гипотеза 2. Особенности соотношения между доверием и недоверием к матери у мальчиков-подростков 15 лет проявляется в особенностях порядка структуры предикторов доверия к матери.

Таким образом, **целью** нашего исследования является изучение особенностей классифицированных соотношений доверия/недоверия к матери у подростков-мальчиков 15 лет и роли порядка в структуре предикторов доверия к матери в этих соотношениях.

Материалы и методы

Были использованы разные группы методов:

- а) контент-анализ с использованием экспертных оценок;
- б) субъективное шкалирование по заданным количественным параметрам;
- в) технология разработки статистического конструктора качественной классификации соотношения доверия и недоверия;
- г) математико-статистическая аппроксимация эмпирических данных для нахождения параметров гиперболического рангового параметрического распределения.

а) Контент-анализ с использованием экспертных оценок был применен для выделения предикторов доверия к матери у мальчиков-подростков 15 лет. Испытуемым было предложено написать краткое нестандартизированное по форме сочинение на тему «Наличие чего у твоей мамы, как тебе кажется, стало бы основой для твоего доверия к ней». *Инструкция:* «Я буду доверять маме, если она ... (продолжайте). Вписывайте все ответы, которые приходят Вам в голову, поскольку в этом задании нет правильных или неправильных ответов. Отвечать можно односложно (одно, два, три слова) или развернуто». В качестве экспертов выступили два преподавателя психологии в вузе, один психолог-практик и один школьный психолог. При экспертном оценивании проверялась мера согласованности их мнений. В силу того, что применить какие-либо числовые оценки для решения этой задачи было невозможно, мы посчитали обоснованным считать валидными те варианты, которые встречаются у всех четырех экспертов.

б) Субъективное шкалирование по заданным количественным параметрам применялось в двух организационных вариантах с учетом тех задач, которые на них решались. *Первый вариант* применялся для изучения меры доверия и недоверия к матери у мальчиков-подростков 15 лет. Использовались две униполярные шкалы (доверие и недоверие). Выбор такого способа был обусловлен тем, что давал относительно «прямую» оценку изучаемых переменных, без «навязывания» респондентам оценочных критериев. Количество градаций на шкале варьировалось от 0 (минимум) до 10 (максимум). Левый полюс шкалы (0 баллов) характеризовался полным отсутствием доверия/недоверия, правый полюс шкалы (10 баллов) – абсолютным доверием/недоверием. Для повышения валидности эмпирических результатов замеры по шкале «доверия» и «недоверия» проводились анонимно (испытуемым присваивались номера) с интервалом в несколько дней (4 дня). *Второй вариант* применялся для изучения количественного соотношения между предикторами доверия к матери у мальчиков-подростков 15 лет. Использовался исследовательский прием, предложенный В. А. Дорофеевым (Дорофеев, 2019), только адаптированный к нашей исследовательской ситуации. Вследствие того, что априори взаимодействие предикторов считалось аддитивным (сумма), испытуемым предлагалось распределить между 6 предикторами, выделенными экспертами при проведении контент-анализа, только 24 балла ($6 \times 4 = 24$), в соответствии с мнением испытуемых о значимости предикторов их доверия к матери в совокупности всех шести.

в) Разработка статистического конструкта качественной классификации соотношения доверия и недоверия проводилась по следующей технологии:

1) Создание единого масштаба путем объединения в одну выборку результатов по доверию и недоверию с последующей совместной стандартизацией для того, чтобы статистически обосновано соотнести доверие и недоверие (определить принадлежность доверия/недоверия к одной или разным выборкам), распределенным по закону Гаусса;

2) Построение системы координат с ортогональными осями по доверию и недоверию и началом координат в пересечении средних (значение 0) и построение доверительных интервалов;

3) Определение по индивидуальным совместно нормированным значениям доверия и недоверия в их соотношении зоны, в которой находится испытуемый.

г) Математико-статистическая аппроксимация эмпирических данных для нахождения параметров гиперболического рангового параметрического распределения количественного соотношения между предикторами доверия к матери у мальчиков-подростков 15 лет проводилась методом, предложенным Гуриной (2009), который основан на «спрямлении» гиперболической зависимости в двойном логарифмическом масштабе ($\ln$) с последующей аппроксимацией линейной функции (функция «Линейная регрессия» в Microsoft Excel). Требования к валидности итоговых результатов нашего исследования, определяемые использованием модели регрессии в нахождении параметров гиперболических H -распределений значимости предикторов, предполагают проверку качества рассчитанных моделей с исключением результатов тех испытуемых, у которых оно не соответствует необходимым параметрам. Для решения этой задачи мы использовали среднюю ошибку аппроксимации (s), которая отражает меру расхождения эмпирических значений и значений, рассчитанных по уравнению регрессии. Так как варианта статистической оценки допустимости значения средней ошибки аппроксимации нет, а в разных статистических источниках по регрессионному анализу предлагаются разные варианты допустимой средней ошибки аппроксимации (от 8 % до 15 %), мы остановились на варианте в 15 %. Соответственно, те испытуемые, у которых $s > 15$ % из дальнейшего анализа исключались.

Методы статистического и математического анализа. Для статистической оценки значимости различий частоты встречаемости какого-либо эффекта с его отсутствием использовался непараметрический биноминальный критерий m . Для сравнения эмпирического частотного распределения с равномерным теоретическим использовался непараметрический χ^2 критерий. Для определения значимости различий в показателях коэффициента β , как параметра рангового по параметру гиперболического H -распределения у мальчиков-подростков 15 лет в 11-ти зонах соотношения доверия и недоверия к матери, использовался непараметрический критерий H -Крускала-Уоллеса.

Результаты исследования

Учитывая тот факт, что в доверии к матери могут проявляться этнокультурные особенности семьи подростка, мы провели замеры в 9 классах МАОУ г. Ростова-на-Дону с учетом относительной однородности испытуемых по этническому и религиозному критерию. Так как допустимая средняя ошибка аппроксимации была принята в 15 %, в основном исследовании с последующим анализом этих результатов приняли участие 177 подростков 15 лет.

Частотные распределения классификационных зон соотношения доверия и недоверия к матери у мальчиков-подростков 15 лет. В соответствии с классификационной схемой, представленной в нашем предыдущем исследовании (Дорофеев и Мочалова, 2018), и теоретическими положениями, полученными во введении и касающимися дополнений в классифицированные на уровне качественной шкалы зоны соотношения доверия и недоверия вся выборка была дифференцирована по 11 зонам. Для удобства сравнительного анализа были рассчитаны удельные веса (в %) частот встречаемости испытуемых в каждой зоне, которые мы для наглядности приводим на рисунке 1.

Данные, приведенные на рисунке 1 отражают следующее:

1) Два варианта проявления доверия к матери, от которых, как правило, «отталкиваются» в решении проблемы недоверия подростков и практикующие психологи, и родители (первый «абсолютное доверие» («Д») и второй «абсолютное недоверие» («Н»)), встречаются только у 32 (19 %) из 177 испытуемых, а остальные 145 (81 %) – это мальчики-подростки 15 лет, у которых имеет место амбивалентное доверие к матери. Проверка статистической достоверности различий частоты встречаемости подростков, имеющих вариант или «абсолютное доверие» («Д»), или «абсолютное недоверие» («Н») с частотой встречаемости подростков, имеющих амбивалентное доверие (входящих в одну из 9 зон) показала, что эти различия имеют место при $p \leq 0,01$.

2) Имеет место относительно высокий процент встречаемости в выборке мальчиков-подростков 15 лет (в сумме 37 %), у которых присутствует «позитивный» вариант амбивалентного доверия (зона «Г» и зона «Б»).

3) Самый «негативный» вариант амбивалентного доверия к матери (зона «II»), когда в соотношении доверия и недоверия имеет место высокое доверие и высокое недоверие у мальчиков-подростков 15 лет встречается относительно редко – только у 5 из 177 испытуемых, что составляет всего 3 %.

4) Наиболее часто встречающийся «негативный» вариант амбивалентного доверия к матери – это зона «IV», когда в соотношении доверия и недоверия имеет место абсолютное равенство у мальчиков-подростков 15 лет и встречается у 14 из 177 испытуемых, что составило 8 %.

5) Для сравнения эмпирического частотного распределения встречаемости испытуемых в разных зонах соотношения доверия и недоверия к матери с равномерным теоретическим использовался непараметрический χ^2 критерий, который показал, что значимых различий нет ($p \geq 0,05$).

Рисунок 1

Диаграмма удельных весов (в %) частот встречаемости мальчиков-подростков 15 лет в 11-и зонах соотношения доверия и недоверия к матери

Содержание предикторов доверия к матери у мальчиков-подростков 15 лет. Результаты контент-анализа сочинений мальчиков-подростков 15 лет на тему «Наличие чего у твоей мамы, как тебе кажется, стало бы основой для твоего доверия к ней» с использованием экспертных оценок и с учетом требований к согласованности их мнений позволили выделить 9 предикторов доверия к матери. Первый предиктор определялся наличием доверия со стороны матери к сыну (доверие, которое Т. П. Скрипкина назвала «Мне-доверие» (Скрипкина, 2000)) и который в сочинениях выражался в обобщенном виде, как «Я буду доверять маме, если она доверяет мне». Три предиктора, которые были выделены экспертами, связаны с личностью матери: честность, надежность, справедливость. Пять предикторов, выделенные экспертами, определялись поведенческими паттернами матери:

- 1) обязательность в исполнении обещаний;
- 2) отзывчивость к просьбам;
- 3) справедливость обвинений;
- 4) искренность в общении;
- 5) безоценочное отношение.

По частоте встречаемости в сочинениях «особняком» по значимости стоит предиктор «Мне-доверие матери», который встречается в той или иной форме в 63 % всех сочинений подростков. Далее такого очевидного отрыва по значимости какого-либо предиктора доверия к матери у мальчиков-подростков 15 лет не обнаружено (встречается в той или иной форме от 17 % до 24 %). Одна из причин, как нам представляется, связана с тем, что многие предикторы в обобщенном виде сильно коррелируют между собой. Например, предиктор, который связан с личностью матери, (надежность) коррелирует с предиктором, который связан с поведенческими паттернами матери (обязательность в исполнении обещаний). В таком контексте мы попросили экспертов «укрупнить» классификационную модель предикторов доверия к матери у мальчиков-подростков 15 лет. В результате они сократили модель до 6 предикторов: «Мне-доверие матери», честность, надежность, справедливость, обязательность в исполнении обещаний, безоценочное отношение. Эти предикторы были использованы в дальнейшем при проверке второй гипотезы нашего исследования, хотя, если давать комментарий, то модель предикторов отражает некую усредненную тенденцию, для которой характерны «слишком грубые мазки», что в индивидуальной работе с подростками требует дополнительной диагностики.

Порядок в структуре предикторов доверия к матери у мальчиков-подростков 15 лет. Для удобства анализа рассчитанные средние значения и среднеквадратическое отклонение коэффициента β для рангового распределения предикторов доверия к матери у мальчиков-подростков 15 лет в 11-ти зонах соотношения доверия и недоверия к ней мы свели в обобщенную таблицу (таблица 1).

Таблица 1

Средние значения (X_{cp}) и среднеквадратическое отклонение (σ) коэффициента β для рангового распределения предикторов доверия к матери у мальчиков-подростков 15 лет в 11-ти зонах соотношения доверия и недоверия к ней

Параметры	Классификационные зоны по соотношению доверия и недоверия										
	Д	Н	Г	Б	І	ІІ	ІІІ	ІV	V	VI	VII
X_{cp}	0,998	0,412	0,544	1,033	0,654	0,221	0,241	0,255	0,298	0,311	0,299
σ	0,265	0,385	0,355	0,213	0,411	0,135	0,145	0,185	0,142	0,199	0,201

Из таблицы можно сделать следующие выводы.

1) Среднее значения коэффициента β выше (при относительно невысоком среднеквадратическом отклонении), как это ни странно, не при абсолютном доверии матери (зона «Д»), а при «позитивном» варианте амбивалентного доверия, когда доверие к матери у мальчиков-подростков 15 лет статистически достоверно преобладает над недоверием к ней (зона «Б») – 1,033.

2) Определения значимости различий в показателях коэффициента β , как параметра рангового по параметру гиперболического Н-распределения у мальчиков-подростков 15 лет в 11-и зонах соотношения доверия и недоверия к матери с применением непараметрического критерия Н-Крускала-Уоллеса показал, что различия, представленные в Таблице, имеют характер статистической закономерности при $p \leq 0,05$.

Обсуждение результатов

Подтверждение Гипотезы 1 и относительно высокий процент встречаемости в выборке мальчиков-подростков 15 лет, у которых имеет место «позитивный» вариант амбивалентного доверия (зона «Г» и зона «Б») мы интерпретируем как то, что такие подростки чаще «не хотят абсолютно доверять или абсолютно не доверять матери, так как в ситуации неудачи придется им «что-то платить», но при недоверии человек теряет только часть, а при доверии он теряет все (Купрейченко, 2008). При этом нужно обратить внимание на тот факт, что, если рассматривать количество соотношения между доверием и недоверием, то вариативность соотношения весьма велика и психологический контекст работы с подростками при варианте соотношения «7 и 3» может требовать несколько иного подхода при варианте соотношения «9 и 1». Самый «негативный» вариант амбивалентного доверия к матери (зона «П»), когда в соотношении доверие/недоверие имеет место одновременное высокое доверие и высокое недоверие у мальчиков-подростков 15 лет, может быть следствием шизоидных черт личности подростка (в психиатрии признано, что для людей, больных шизофренией, амбивалентность вполне естественна (Блейер, 1993), хоть и встречается редко, но имеет место в рассматриваемой выборке. При этом нужно заметить, что с такими подростками психологическая работа в плане повышения их доверия к матери должна быть специально-организованной и проводиться в сотрудничестве со специалистами медицинского профиля. Тот факт, что наиболее часто встречающийся «негативный» вариант амбивалентного доверия к матери – это зона «IV», когда в соотношении доверие/недоверие имеется место абсолютное равенство у мальчиков-подростков 15 лет, как нам представляется, свидетельствует о том, что абсолютное равенство в соотношении доверия и недоверия к матери у таких подростков не есть истинное доверительное отношение к матери, а есть механизм защиты от неадекватных с точки зрения подростка попыток матери проникнуть в его внутренний мир. Более высокое среднее значение коэффициента β было обнаружено не при абсолютном доверии матери (зона «Д»), а при «позитивном» варианте амбивалентного доверия, когда доверие к матери у мальчиков-подростков 15 лет статистически достоверно преобладает над недоверием к ней (зона «Б»). В свою очередь повышение коэффициента β идентифицируется с повышением устойчивости структуры системы (Кудрин, 2013), что проявляется в снижении стихийности в образовании новых предикторов доверия к матери и исчезновению старых, а также в изменении баланса между предикторами, а значит и в повышении порядка в структуре. Мы можем интерпретировать этот факт как то, что при абсолютном доверии к матери (зона «Д») у мальчиков-подростков 15 лет мы действительно имеем дело не с доверием к матери, а с доверительностью к ней с элементом «перекаладывания на ее плечи ответственности за решение собственных проблем». Именно поэтому абсолютное доверие к матери у мальчиков-подростков 15 лет нельзя назвать явлением «положительным со всех сторон».

Так как на уровне статистической закономерности установлено, что у мальчиков-подростков 15 лет чаще встречаются различные виды амбивалентного доверия к матери по сравнению с вариантами или абсолютного доверия, или абсолютного недоверия, можно считать, что убежденность психологов-практиков и родителей в том, что доверительное отношение подростков к матери существует только в виде оппозиции доверия и недоверия, не совсем верна и может привести к серьезным негативным последствиям при решении проблемы недоверия к матери. Так, высокий процент встречаемости тех, у кого имеет место «позитивный» вариант амбивалентного доверия, свидетельствует о том, что достаточно много подростков «не хотят» абсолютно доверять или абсолютно не доверять матери, так как в ситуации неудачи приходится «что-то платить» и, при этом, при недоверии человек теряет только часть, а при доверии он теряет все. Следовательно, наблюдаемые поведенческие паттерны «доверия» к матери могут не отражать истинного доверия к матери, а выступать «средством» решения своих осознаваемых и неосознаваемых задач через механизм защиты от неадекватных, с точки зрения подростка, попыток матери проникнуть в его внутренний мир, или как стремление к уходу от собственной ответственности через доверительность.

Классификационная модель предикторов доверия к матери у мальчиков-подростков 15 лет, которая включает 6 предикторов, может быть использована в психологической работе с подростками, но следует всегда учитывать, что модель предикторов получена эмпирическим путем и отражает некую усредненную тенденцию, что в индивидуальной работе с подростками потребует дополнительной диагностики. Связь порядка в структуре предикторов доверия к матери с классифицированными зонами соотношения доверия/недоверия к ней у мальчиков-подростков 15 лет и установленная роль последних в доверительном отношении к матери свидетельствует о том, что психологи-практики и родители должны помнить о необходимости «соблюдать» баланс в значимости предикторов доверия матери. Например, нельзя сконцентрироваться только на повышении предиктора «мне-доверие»,

не повышая «соразмерно» остальные – честность, надежность, справедливость, обязательность в исполнении обещаний, безоценочное отношение. Если же развивать их несоразмерно, то на передний план могут выйти те предикторы, которые будут наименее значимы для подростка.

Список литературы

- Акбаева, А. М.-А., и Койчуева, Ф. Х. (2020). Роль детско-родительских отношений на уровень сформированности самостоятельности в подростковом возрасте. *Мир науки. Педагогика и психология*, 8(2).
- Арапов, М. В., Ефимова, Е. Н., и Шрейдер, Ю. А. (1975). О смысле ранговых распределений. *НТИ*, 1(2), 9–20.
- Вяткин, В. Б. (2009). Хаос и порядок дискретных систем в свете синергетической теории информации. *Научный журнал КубГАУ*, 47(3), 1–34.
- Гурина, Р. В. (2009). *Подготовка учащихся физико-математических классов к будущей профессиональной деятельности в области физики: монография*. ВАО «МДЦ».
- Данилова, Ю. Ю. (2018). *Доверие в старшем подростковом возрасте в связи с индивидуально-личностными характеристиками и социальной ситуацией развития* [кандидатская диссертация]. СПбГУ.
- Дорофеев, В. А. (2019). Системный взгляд на проблему доверия руководителю в организации. *Азимут научных исследований: педагогика и психология*, 8(26), 113–116. <https://doi.org/10.26140/anip-2019-0801-0027>
- Дорофеев, В. А., и Мочалова, Ю. А. (2018). Позитивная и негативная амбивалентность доверия преподавателю у студентов при разных стилях педагогического руководства. *Психолого-педагогические исследования*, 2(10), 114–124. <https://doi.org/10.17759/psyedu.2018100210>
- Дорофеев, В. А., и Мочалова, Ю. А. (2016). Особенности порядка структуры ценностной системы у российской, французской и итальянской молодежи. *Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал)*, 5, 115–135. <https://doi.org/10.12731/2218-7405-2016-5-115-135>
- Зелинская, Т. Н. (2013). Экспликация содержания понятия амбивалентности в психологии. *Новое в психолого-педагогических исследованиях*, 2(30), 211–222.
- Зыблева, О. А. (2017). Доверие в детско-родительских отношениях в юношеском возрасте. *Вестник ГГУ*, 4, 29–37.
- Краснова, О. В. (2012). Структура и структурность в исследовании процессов развития в психологии и педагогике. *Альманах современной науки и образования*, 12–1(67), 77–79.
- Кудрин, Б. И. (1993). *Введение в технетику*. Издательство ТГУ.
- Кудрин, Б. И. (2013). Математика ценозов: видовое, ранговидовое, ранговое по параметру гиперболические Н-распределения и законы Лотки, Ципфа, Парето, Мандельброта. *Центр системных исследований. Ценологические исследования*, 19, 357–412.
- Купрейченко, А. Б. (2008). *Психология доверия и недоверия*. Институт психологии РАН.
- Мочалова, Ю. А. (2023). Структура базовых эмоций как фактор эмоционального интеллекта у старшеклассников. *Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Психолого-педагогические науки*, 1(20), 143–159. <https://doi.org/10.17673/vsgtu-pps.2023.1.11>
- Скрипкина, Т. П. (2000). *Психология доверия*. Издательский центр «Академия».
- Derks, J., Lee, N. C., & Krabbendam, L. (2014). Adolescent trust and trustworthiness: role of gender and social value orientation. *Journal of Adolescence*, 37(8), 1379–1386. <https://doi.org/10.1016/j.adolescence.2014.09.014>
- Clarke, A., Meredith, P., & Rose, T. (2020). Exploring mentalization, trust, communication quality, and alienation in adolescents. *PLoS ONE*, 15(6), e0234662. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0234662>
- Clark-Lempers, D. S., Lempers, J. D., & Ho, C. (1991). Early, middle, and late adolescents' perceptions of their relationships with significant others. *Journal of Adolescent Research*, 6(3), 296–315. <https://www.doi.org/10.1177/074355489163003>
- Lewicki, R. J., McAllister, D. J., & Bies, R. J. (1998). Trust and distrust: new relationships and realities. *Academy of Management Review*, 23, 438–458. <https://doi.org/10.5465/amr.1998.926620>
- Thönnissen, C., Wendt, E.-V., Schmahl, F., Walper, S., Testor, C., & Scabini, E. (2010). Adolescents' and young adults' individuation problems in relation to parents and partner: comparing findings from Germany, Italy, Spain and Sweden. In *12th Biennial Meeting EARA Conference* (P. 1–30). Vilnius, Lithuania.

References

- Akbaeva, A. M.-A., & Koichueva, F. H. (2020). The role of child-parent relationships on the level of independence formation in adolescence. *World of Science. Pedagogy and Psychology*, 8(2). (In Russ.)
- Arapov, M. V., Efimova, E. N., and Schrader, Y. A. (1975). On the meaning of rank distributions. *NTI*, 1(2), 9–20. (In Russ.)
- Clarke, A., Meredith, P., & Rose, T. (2020). Exploring mentalization, trust, communication quality, and alienation in adolescents. *PLoS ONE*, 15(6), e0234662. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0234662>
- Clark-Lempers, D. S., Lempers, J. D., & Ho, C. (1991). Early, middle, and late adolescents' perceptions of their relationships with significant others. *Journal of Adolescent Research*, 6(3), 296–315. <https://www.doi.org/10.1177/074355489163003>
- Danilova, Y. Y. (2018). *Trust in senior adolescence in connection with individual-personality characteristics and social situation of development* [PhD thesis]. ST. PETERSBURG STATE UNIVERSITY. (In Russ.)
- Derks, J., Lee, N. C., & Krabbendam, L. (2014). Adolescent trust and trustworthiness: the role of gender and social value orientation. *Journal of Adolescence*, 37(8), 1379–1386. <https://doi.org/10.1016/j.adolescence.2014.09.014>

Dorofeev, V. A. (2019). Systemic view of the problem of trust in the leader in the organization. *Azimut Scientific Research: Pedagogy and Psychology*, 8(26), 113–116. (In Russ.) <https://doi.org/10.26140/anip-2019-0801-0027>

Dorofeev, V. A., & Mochalova, Y. A. (2018). Positive and negative ambivalence of trust in the instructor in students under different styles of pedagogical leadership. *Psychological and Pedagogical Research*, 2(10), 114–124. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/psyedu.2018100210>

Dorofeev, V. A., & Mochalova, Y. A. (2016). Peculiarities of the order of the structure of the value system in Russian, French and Italian youth. *Modern Studies of Social Problems (electronic scientific journal)*, 5, 115–135. (In Russ.) <https://doi.org/10.12731/2218-7405-2016-5-115-135>

Gurina, R. V. (2009). *Preparation of students of physics and mathematics classes for future professional activity in physics: a monograph*. VAO “MDC”. (In Russ.)

Krasnova, O. V. (2012). Structure and structurality in the study of developmental processes in psychology and pedagogy. *Almanac of modern science and education*, 12–1(67), 77–79. (In Russ.)

Kudrin, B. I. (1993). *Introduction to technetics*. TSU Publishing House. (In Russ.)

Kudrin, B. I. (2013). Mathematics of cenoses: species, rank-species, rank-by-parameter hyperbolic H-distributions and Lotka’s, Zipf’s, Pareto’s, Mandelbrot’s laws. *Center for Systems Research. Cenological Research*, 19, 357–412. (In Russ.)

Kupreichenko, A. B. (2008). *Psychology of trust and distrust*. Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.)

Lewicki, R. J., McAllister, D. J., & Bies, R. J. (1998). Trust and distrust: new relationships and realities. *Academy of Management Review*, 23, 438–458. (In Russ.) <https://doi.org/10.5465/amr.1998.926620>

Mochalova, Y. A. (2023). The structure of basic emotions as a factor of emotional intelligence in high school students. *Bulletin of Samara State Technical University. Series: Psychological and Pedagogical Sciences*, 1(20), 143–159. (In Russ.) <https://doi.org/10.17673/vsgtu-pps.2023.1.11>

Thönnissen, C., Wendt, E.-V., Schmahl, F., Walper, S., Testor, C., & Scabini, E. (2010). Adolescents’ and young adults’ individuation problems in relation to parents and partner: comparing findings from Germany, Italy, Spain and Sweden. In *12th Biennial Meeting EARA Conference* (P. 1–30). Vilnius, Lithuania. (In Russ.)

Skripkina, T. P. (2000). *Psychology of trust*. Academia Publishing Center. (In Russ.)

Vyatkin, V. B. (2009). Chaos and order of discrete systems in the light of synergetic information theory. *Scientific Journal of KubSAU*, 47(3), 1–34. (In Russ.)

Zelinskaya, T. N. (2013). Explication of the content of the concept of ambivalence in psychology. *Novye v psichologopedagogicheskikh issledovaniya*, 2(30), 211–222. (In Russ.)

Zybleva, O. A. (2017). Trust in child-parent relations in adolescence. *Vestnik GSU*, 4, 29–37. (In Russ.)

Об авторе:

Юлия Александровна Мочалова, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии образования и организационной психологии, Донской государственной технической университет (Российская Федерация, 344000, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), [ORCID](https://orcid.org/0000-0001-9142-1000), guliya@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

About the Author:

Yulia Aleksandrovna Mochalova, Cand. Sci. (Psychology), Associate Professor, Educational Psychology and Organizational Psychology Department, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., 344000, Rostov-on-Don, Russian Federation), [ORCID](https://orcid.org/0000-0001-9142-1000), guliya@mail.ru

Conflict of interest: The author does not have any conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию / Received 04.04.2024

Поступила после рецензирования / Revised 06.10.2024

Принята к публикации / Accepted 09.10.2024

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

GENERAL PSYCHOLOGY, PERSONALITY PSYCHOLOGY, HISTORY OF PSYCHOLOGY

УДК 159.99

<https://doi.org/10.23947/2658-7165-2024-7-5-44-53>

Оригинальное эмпирическое исследование

URVZHN

Построение карьеры женщинами, работающими в найме и ведущими собственный бизнес: психологический аспект

Анастасия В. Гришина¹ , Евгения В. Шаповалова¹ ✉,
Елена В. Дьякова²

¹ Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

² Ростовский государственный университет путей сообщения, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

✉ barrbariss@mail.ru

Аннотация

Введение. Статья посвящена изучению проблемы построения женщинами карьеры в транзитивном обществе. Вариативность теоретических подходов к изучению профессиональной карьеры в психологической науке позволила подчеркнуть наиболее содержательный концептуальный вектор в рассмотрении специфики женской карьеры при учете рефлекслируемых и личностно значимых изменений – синергетический подход. Обсуждается вклад актуального профессионального статуса женщины в процесс построения карьеры. Он позволит определить возможную область оказания психологической помощи и поддержки женщинам в вопросах профессионализации для эффективного решения ими трудовых задач и развития стремлений в достижении профессиональной самореализации. **Цель.** Проанализировать психологические аспекты построения карьеры женщинами, работающими в найме и ведущими собственный бизнес.

Материалы и методы. Методики исследования представлены авторской социально-демографической анкетой, опросником поведения и переживания, связанного с работой (адаптация Т. И. Ронгинской), шкалой профессиональной апатии (адаптация А. А. Золотарева), методикой изучения типа и уровня профессиональной самореализации (автор Е. А. Гаврилова). С целью подтверждения гипотетических предположений применялся U-критерий Манна-Уитни для анализа достоверности различий в изучаемых переменных.

Результаты исследования. Эмпирическую выборку составили 100 работающих женщин от 24 до 50 лет, из которых 50 женщин работают в найме и 50 женщин ведут собственный бизнес (самозанятость, индивидуальное предпринимательство). В качестве результатов исследования получены статистически достоверные различия, подчеркивающие разные пути профессионализации женщин, работающих в найме и ведущих собственный бизнес. Показаны преобладающие тенденции в содержательных характеристиках профессиональной сферы женщин.

Обсуждение результатов. Результаты исследования привели к двум основным эмпирически важным выводам: женщины, работающие в найме, не могут в полной мере раскрыть свой профессиональный потенциал, поскольку выявлена тенденция к несоответствию ценностных структур выполняемой трудовой деятельности и слабой удовлетворенности занимаемым рабочим местом; женщины, ведущие собственный бизнес, проявляют больше открытости в выполнении и реализации профессиональных целей, приводящих к многоаспектной профессионализации.

Ключевые слова: карьера, профессиональная карьера, профессиональный статус, карьера женщин, профессиональная самореализация женщины, работа в найме, ведение бизнеса, подчиненный, руководитель

Для цитирования. Гришина, А. В., Шаповалова, Е. В., и Дьякова, Е. В. (2024). Построение карьеры женщинами, работающими в найме и ведущими собственный бизнес: психологический аспект. *Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология*, 7(5), 44–53. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2024-7-5-44-53>

The Psychological Aspect of Building a Career for Female Recruiters and Women Who Have Their Own Businesses

Anastasia V. Grishina¹ , Evgenia V. Shapovalova¹ , Elena V. Dyakova²

¹ Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

² Rostov State Transport University, Rostov-on-Don, Russian Federation

 barbariss@mail.ru

Abstract

Introduction. The article is devoted to the study of the problem of building a career for women in a transitive society. The variability of theoretical approaches to the study of professional careers in psychological science has made it possible to emphasize the most meaningful conceptual vector in considering the specifics of women's careers while taking into account reflexible and personally significant changes – a synergistic approach. The contribution of the current professional status of a woman to the career building process is discussed. It will determine the possible area of psychological assistance and support for women in matters of professionalization for the effective solution of their work tasks and the development of aspirations in achieving professional self-realization.

Objective. To analyze the psychological aspects of career building by women who are hired and run their own business.

Materials and Methods. The research methods are presented by the author's socio-demographic questionnaire, a questionnaire of behavior and experience associated with work (adaptation of T. I. Ronginskaya), a scale of professional apathy (adaptation of A. A. Zolotarev), a method of studying the type and level of professional self-realization (author E. A. Gavrilova). In order to confirm the hypothetical assumptions, the Mann-Whitney U-test was used to analyze the reliability of differences in the studied variables.

Results. The empirical sample consisted of 100 working women from 24 to 50 years old, of which 50 women are employed and 50 women run their own business (self-employment, individual entrepreneurship). As the results of the study, statistically significant differences were obtained, emphasizing different ways of professionalization of female recruiters and women who have their own business. The prevailing trends in the content characteristics of the professional sphere of women are shown.

Discussion. The results of the study led to two main empirically important conclusions: female recruiters cannot fully reveal their professional potential, since there is a tendency to inconsistency of the value structures of the work performed and poor satisfaction with the workplace; women who have their own business show more openness in the performance and implementation of professional goals, leading to multidimensional professionalization.

Keywords: career, professional career, professional status, career of women, professional self-realization of a woman, employment, business, subordinate, manager

For Citation. Grishina, A. V., Shapovalova, E. V. and Dyakova, E. V. (2024). Building a career for women who are hired and run their own business: the psychological aspect. *Innovative science: psychology, pedagogy, defectology*, 7(5), 44–53. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2024-7-5-44-53>

Введение

Карьера в современном транзитивном обществе является важным и незаменимым маркером трудовой жизни человека, который систематизирует воедино профессиональные и личностные аспекты жизнедеятельности. Представляя собой не только последовательность пройденных трудовых этапов, но и сферу для самореализации и личностного становления, карьера приобретает вид динамической многоаспектной системы. Карьера заняла важное место в структуре потребностей человека, оказывая сильное влияние на уровень субъективного благополучия и удовлетворенности жизнью в целом. Поэтому, при рассмотрении карьеры и процесса ее построения, необходимо учитывать ее поливариативность и множественность в научных подходах и концепциях.

Особую область в изучении профессиональной карьеры занимает женская карьера, получившая значимый для мирового общества статус. Карьера женщин представляется более сложной и многоаспектной, нежели карьера мужчин, поскольку она связана с одновременным профессиональным развитием и ведением домашнего хозяйства, рождением и воспитанием детей. Помимо этого, множество женщин на рабочем месте сталкиваются с проблемами гендерного неравенства, стереотипизированного отношения со стороны мужчин к ним, что влияет на специфику построения карьеры женщинами.

История карьеры как предмета исследования длительна и обширна. Она сформирована на основе неоднократных попыток исследователей определить место работы в жизни человека. На данный момент в психологической науке представлено множество подходов. Так, В. А. Толочек с соавторами выделяют темпоральный подход, дифференцированный подход, подход «системные триады», системогенетический подход, стадийный подход (линейно-стадийный и стадийно-процессуальный), синергетический подход и акмеологический под-

ход (Толочек и др., 2014). К этому списку важно добавить еще два значимых подхода, распространенных в отечественной психологической литературе и представляющих важную ценность для науки: полидеятельностный или суперсистемный подход (Поваренков, 2022), а также личностно-развивающий подход (Митина, 2019). Следует добавить, что в зарубежной психологии подходы к рассмотрению карьеры также обладают вариативностью и разнообразием методологических точек зрения: социально-когнитивная теория карьеры, теория контекстуального действия, теория построения карьеры для проектирования жизни, основы карьерного роста на основе теории систем, теория профессионального поведения и развития живых систем, карьера как фрактальный паттерн, теория психологии труда, социологическая теория карьеры, теория и практика карьерного роста с учетом культурных особенностей (Arthur & McMahon, 2019). К примеру, в рамках социально-когнитивной теории карьера рассматривается как хорошо выстроенная синергия между людьми и их окружением (Damodar et al., 2024). В рамках теории построения карьера представляется как динамический, непрерывный и связный процесс построения, в котором субъективное «Я» и окружающая среда адаптируются друг к другу (Ya et al., 2022).

Учитывая представленное многообразие подходов к карьере, которое подчеркивает значимость представляемой тематики, особо важным и актуальным представляется определение основного концептуального вектора, который позволит в наибольшей степени раскрыть сущность процесса профессионализации женщин. Для решения данного вопроса следует обратиться к содержанию синергетического подхода. Сущность синергетического подхода, о котором подробно пишет В. А. Толочек, заключается в учете множественных и одновременно влияющих условий социальной среды, которые могут считаться второстепенными, однако являются решающими факторами в процессе профессионализации. Автор указывает на следующее определение: «профессиональная карьера – рефлексивное и личностно значимое изменение социального и психологического состояния человека в процессе его взаимодействия с другими в пространстве профессиональной деятельности в период активной профессиональной жизни» (Толочек, 2022, с. 19). Таким образом, в рамках данного подхода учитываются изменения в состоянии человека, активно взаимодействующего с окружающей средой, которые приводят к модификации окружающего пространства. Вероятно, что такие профессиональные статусы как «подчиненный» и «руководитель» возможно считать теми основополагающими условиями, которые выступают компонентами карьерных систем с разнородными условиями труда, и, соответственно, окажут наибольшее влияние на процесс построения карьеры женщинами. Продолжая, следует подчеркнуть, что происходящие субъективные изменения на рабочем месте, на которые опирается синергетический подход, логично отображаются на личности в соответствии с актуальным уровнем развитости ее внутренних ресурсов. Поэтому ресурсы саморегуляции способны снизить влияние негативных событий и компенсировать дефицит ресурсов устойчивости (Иванова и др., 2018). Более того, особая роль отводится рефлексии как важному условию профессиональной деятельности. Без реального оценивания собственных достижений личностное саморазвитие представляет неполноценным. Исходя из этого, профессиональная рефлексия должна включать анализ барьеров, возможностей роста, ресурсов, рисков и соответствия собственных качеств с требуемыми (Сергеева и Артемьева, 2020). Следовательно, синергетический подход подчеркивает способность осознания субъектом процессов построения карьеры при изменяющихся личностных и средовых условиях.

Возвращаясь к проблеме построения карьеры женщинами следует учитывать весомую роль препятствий, которые накладываются представлениями о социальной роли женщин и оказывают негативное влияние на процесс их профессионализации. Такая социальная реальность препятствует свободному выбору профессии, образа жизни и достижению равноправия женщин и мужчин на рабочем месте. В данной стезе наиболее распространенными и вызывающими интерес направлениями, которые отражают трудности и препятствия для построения успешной карьеры женщинами, могут являться:

1) гендерные стереотипы и гендерные стратегии, влияющие на построение женщинами карьеры: преднамеренное использование женщинами стратегий внешней привлекательности и флирта, непонимание, соответствие стереотипным ожиданиям, эмоциональные рассуждения, доброжелательность, применяющиеся при горизонтальных коммуникациях с мужчинами для получения тактического преимущества перед другими (Gurieva & Udavikhina, 2022);

2) профессиональные и психологические трудности, с которыми сталкиваются женщины на рабочем месте: чем хуже уровень жизни, тем вероятнее женщина на работе будет подвергаться насилию, домогательствам и буллингу (Милованова и Василевская, 2022); женщинам-руководителям с большей легкостью удастся проявлять самоконтроль, самоэффективность и автономию, чем мужчинам, однако данная тенденция обществу не всегда заметна (Bizarría et al., 2022);

3) влияние семейной системы на процесс построения карьеры: женщины с несовершеннолетними детьми зачастую сталкиваются с дискриминацией со стороны работодателей, поскольку дети требуют особого внимания и оставления рабочего места по разным причинам. Если же женщина замужем и у нее нет детей, то они вскоре обязательно появятся и будут препятствовать полноценному выполнению трудовых обязанностей (Флоря, 2021).

Таким образом, процесс профессионализации и построения карьеры у женщин более сложен, нежели у мужчин. Однако, вместе с этим, важное значение имеет профессиональный статус женщины на рабочем месте: под-

чиненный или руководитель. Он закономерно влияет на удовлетворенность женщины условиями труда, ее эмоциональное состояние, стремление к самореализации и самосовершенствованию. Следует предположить, что женщины, работающие в найме, и женщины, ведущие собственный бизнес, обладают разным профессиональным поведением, субъективным ощущением себя на рабочем месте, позволяющим по-разному выстраивать свой дальнейший профессиональный путь. Однако, при этом, важно понимать, насколько женщины, занимающие две противоположные позиции в построении карьеры, удовлетворены своим процессом профессионализации и насколько они стремятся к самореализации. Таким образом, **целью** нашего исследования является анализ психологических аспектов построения карьеры женщинами, работающими в найме и ведущими собственный бизнес.

Материалы и методы

В эмпирическом исследовании были использованы следующие психодиагностические методики:

- 1) авторская социально-демографическая анкета;
- 2) «Опросник поведения и переживания, связанного с работой», AVEM (авторы: У. Шааршмидт, А. Фишер; адаптация Т. И. Ронгинской) (Ронгинская, 2002);
- 3) «Шкала профессиональной апатии» (автор: G. Schmidt et al., адаптация А. А. Золотаревой) (Золотарева, 2022);
- 4) «Тип и уровень профессиональной самореализации» (автор: Е. А. Гаврилова) (Гаврилова, 2015).

Авторская социально-демографическая анкета направлена на получение значимых данных о семейной и профессиональной сферах женщин с помощью 15 утверждений в открытой форме либо с вариантами ответов. Методика «Опросник поведения и переживания, связанного с работой», направлена на изучение типов поведения женщин в ситуации предъявления им тех или иных профессиональных требований с помощью 66 вопросов. Всего в методике содержится 11 шкал, которые учитывают сферу профессиональной активности, сферу психической устойчивости и стратегий преодоления проблемных ситуаций, сферу эмоционального отношения к работе. Методика «Шкала профессиональной апатии» позволяет изучить апатичные мысли и действия женщин, которые возникают в ходе профессиональной деятельности с помощью 10 вопросов. Методика «Тип и уровень профессиональной самореализации» способна показать глубинное соответствие профессии и индивидуальных ценностей женщин, а также их степень осознанности профессионального выбора, удовлетворенность этим с помощью 51 вопроса.

С целью математической обработки данных использовался непараметрический U-критерий Манна-Уитни для анализа достоверности различий изучаемых переменных, поскольку первичная проверка данных на нормальность распределения получила смешанный характер. Исследование проводилось в электронном формате с помощью применения сервиса Google Forms для охвата наибольшего количества женщин.

Результаты исследования

В настоящем исследовании добровольно приняли участие 105 работающих женщин. Для равномерного распределения выборки и получения достоверных результатов были учтены ответы 100 работающих женщин, из которых 50 женщин являются подчиненными и работают в найме (далее по тексту группа 1), а другие 50 женщин являются руководителями и ведут собственный бизнес (самозанятость, индивидуальное предпринимательство) (далее по тексту группа 2). Данные сведения были получены с помощью вопроса из авторской анкеты об актуальном профессиональном статусе женщин. Возрастной диапазон женщин, принявших участие в исследовании, занимает от 24 до 50 лет (средний возраст 36,6 лет).

Сперва были изучены социально-демографические данные женщин, которые позволили сравнить представленность ответов сразу по двум группам. Основная возрастная категория опрашиваемых женщин составляет от 31 года до 40 лет, на которых приходится 64 % женщин из группы 1 и 78 % женщин из группы 2. Большая часть опрашиваемых женщин замужние, с преобладающим брачным стажем более 10 лет (на данный стаж приходится 30 % женщин из группы 1 и 36 % женщин из группы 2). Для 78 % женщин из группы 1 и для 82 % женщин из группы 2 взаимоотношения с партнером привели к рождению детей, в большинстве случаев двум или одному ребенку. Основной возраст детей приходится на период от 8 до 12 лет, что соответствует младшему школьному возрасту детей и началом пубертата. Оставшаяся часть вопросов анкеты носит наиболее информативный характер, поскольку позволяет изучить профессиональную сферу женщин и определить ее содержательные характеристики.

Большая часть женщин, а именно 58 % женщин из группы 1 и 36 % женщин из группы 2, занимает должность в сфере управления, которая предполагает под собой управление финансами, ресурсами, кадрами и т. п. (экономист, бухгалтер, администратор и пр.). Значима также для 32 % женщин из группы 2 сфера красоты, которая позволяет женщине оказывать услуги «бьюти» процедур (косметолог, визажист, массажист и пр.). Большую часть общего стажа трудовой деятельности составляет срок от 11 до 20 лет, характерный для 68 % женщин из группы 1 и 60 % женщинам из группы 2, а большую часть стажа с открытия статуса «самозанятый» или «индивидуальный предприниматель» составляет срок от 6 до 10 лет, что характерно для 58 % женщин из группы 2. Вместе с этим, наиболее интересными и значимыми вопросами возможно посчитать те, которые направлены на получение информации о желании женщин развиваться в профессиональной сфере, выстраивать профессиональные цели, а также получение сведений об их удовлетворенности профессией. Во-первых, 54 % женщин из группы 1 и 86 % женщин из группы 2 указали на желание стать профессионалами в избранной сфере. Примечательно и то, что ни

одна женщина из группы 2 не указала на ответ «нет, не хочу дальше развиваться по своей профессии», по сравнению с 16 % женщин из группы 1, что указывает на более высокую профессиональную мотивацию женщин, ведущих собственный бизнес. Вместе с этим, 64 % женщин из группы 1 и 86 % женщин из группы 2 выстраивают профессиональные цели, тогда как 16 % против 8 % женщин не стремятся к целеполаганию в профессиональной области. Следовательно, работа в найме слабо способствует выстраиванию среди женщин профессиональных целей и стремлений, желания профессионально развиваться. Итоговый показатель удовлетворенности профессией показал отсутствие неудовлетворенности работой среди женщин (оценивался в 1 балл) и преобладание наивысшего значения (оценивался в 5 баллов) среди 38 % женщин из группы 1 и 50 % женщин из группы 2. Уже на данном этапе становится заметно, что ведение бизнеса, по сравнению с работой в найме, в большей степени способствует возможности женщине реализовать себя в профессиональной сфере, формировать желание дальнейшего выстраивания профессиональных целей и развития себя как профессионала.

Дальнейшее применение психодиагностических методик еще больше поспособствовало раскрытию специфики профессиональной сферы женщин с разными профессиональными статусами. Использование методики «Опросник поведения и переживания, связанного с работой» позволило определить отношение женщины к работе в ситуации предъявления ей профессиональных требований (рисунок 1).

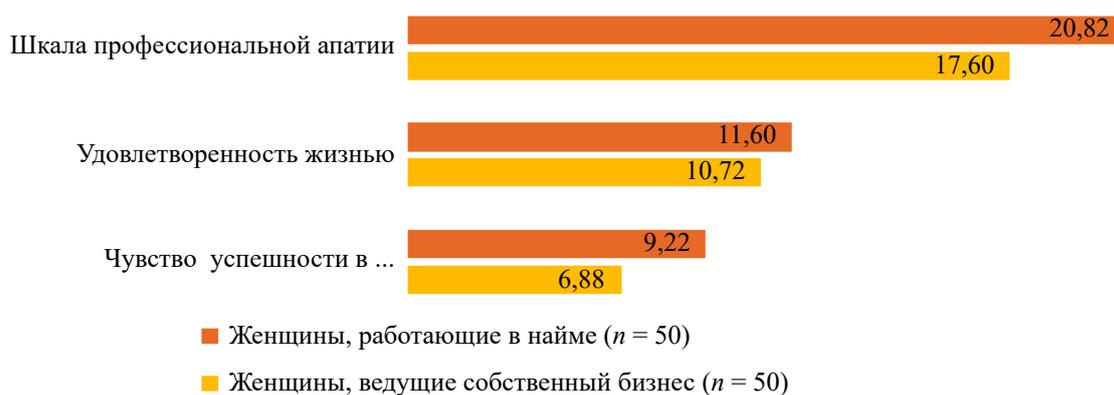
Рисунок 1

Сравнительные показатели поведения и переживания, связанного с работой у женщин, работающих в найме и ведущих собственный бизнес (ср. знач.)

Рисунок 2

Сравнительные показатели профессиональной апатии женщин, работающих в найме и ведущих собственный бизнес (ср. знач.)

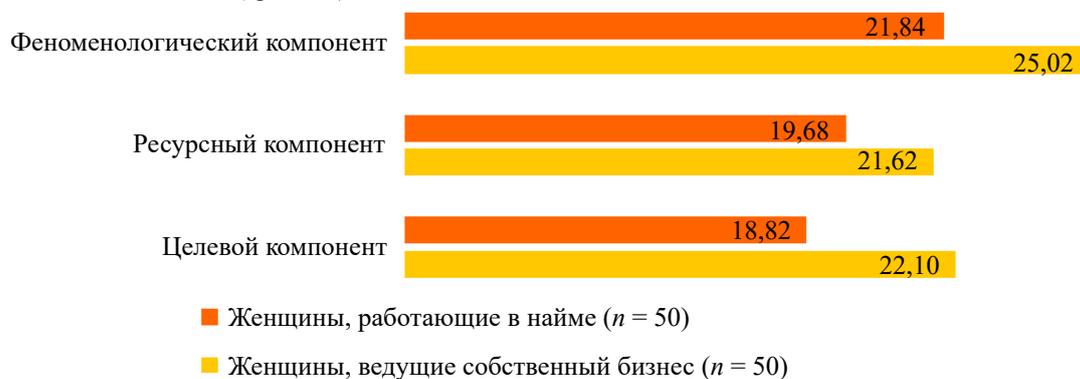

При анализе представленных на диаграмме данных становится заметна очевидная закономерность в преобладании значений в первой группе женщин. Для них свойственен слабый интерес к работе и незначительная удовлетворенность занимаемой должностью, которые возможно наблюдать через избегание когнитивных усилий на рабочем месте, игнорирование потенциала организации. Апатичные действия, уже с несколько меньшей разницей, также характерны для женщин, находящихся в подчинении, что сказывается на средне-низких стремлениях к реализации действий для разрешения трудовых задач посредством установления невысоких стандартов в выполнении своей работы. Соответственно шкала профессиональной апатии, представляющая собой совокупность апатичных мыслей и действий, находит свое выражение в первой группе женщин. Закономерно, что апатичное состояние на рабочем месте способствует снижению личностной и трудовой эффективности женщины. На следующем подэтапе исследования с помощью применения математического анализа, подтвердились статистически значимые различия в показателе «апатичные мысли» при $p = 0,017$, $p < 0,05$ с более высокой значимостью в первой группе женщин. Следовательно женщины, работающие в найме, в большей степени склонны испытывать сниженный интерес к выполняемой профессиональной деятельности, что также сказывается на удовлетворенности работой.

Использование методики «Тип и уровень профессиональной самореализации» позволило изучить соответствие профессии индивидуальным ценностям, способностям и пр., а также выделить выраженность компонентов профессиональной самореализации и ее уровней (рисунки 3–5).

Рисунок 3

Сравнительные показатели компонентов профессиональной самореализации женщин, работающих в найме и ведущих собственный бизнес (ср. знач.)

Полученные данные демонстрируют очевидную закономерность в преобладании значений у второй группы женщин о преобладании всех компонентов профессиональной самореализации. У этих женщин особо выражен феноменологический компонент как способ проявления себя в профессии, а именно, через демонстрацию себе и другим результатов своего профессионального развития. Вместе с этим значим как целевой компонент, позволяющий интегрировать ценности и смыслы в концепцию профессионального пути, так и ресурсный компонент для обеспечения процессуальной (скоростные, темповые характеристики) стороны самореализации посредством функционирования самосознания и саморегуляции. Заметно, что работа в найме для данной выборки женщин не позволяет максимально раскрывать потенциал профессиональной самореализации на рабочем месте, поскольку содержит четкую организационную иерархию с возможным психологическим давлением со стороны вышестоящих.

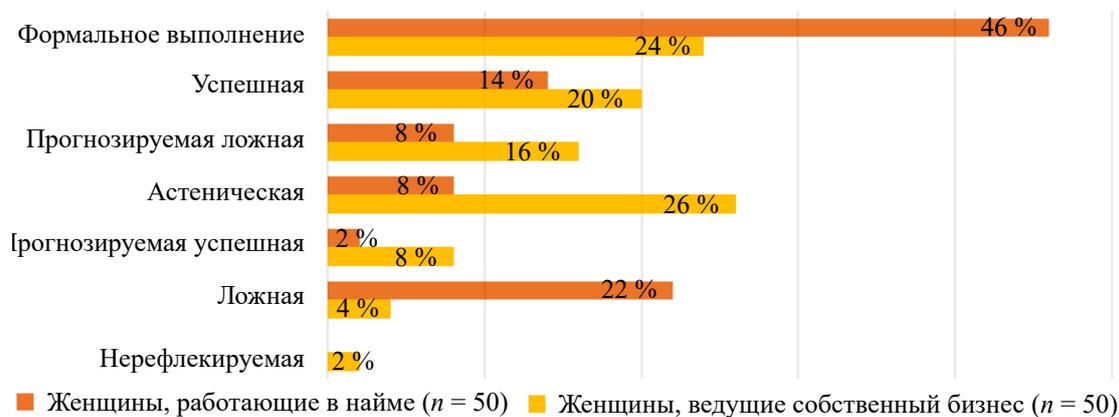
Анализируемые данные из сравнительной диаграммы позволяют говорить о преобладании того или иного типа профессиональной самореализации женщин, складывающегося из соотношения ранее упомянутых компонентов. Очевидно, что женщинам из группы 1 присуще формальное выполнение деятельности и ложная профессиональная самореализация. При таких результатах трудовая деятельность для них не является важной жизненной сферой либо преобладает значение наличия статусных отличий профессионализма при несоответствии ценностных ориентаций выполняемой работе. По второй группе женщин заметно большее разнообразие типов профессиональной самореализации, где наиболее успешными являются непосредственно успешная и астеническая типы, поскольку женщина занимает «свое место», однако ее внутриличностные ресурсы ограничены. На другом полюсе – формальное выполнение деятельности и прогнозируемая ложная самореализация, позволяющая выполнять трудовые задачи автоматически без раздумий. Следовательно, ведение собственного бизнеса позволяет формировать инвариативность типов профессиональной самореализации, расширяя способы достижения трудовых целей и задач.

Полученные данные позволяют оценить преобладание уровня как итогового показателя профессиональной самореализации женщин. Заметно, что индивидуально-исполнительский уровень, преобладающий по первой группе женщин, подчеркивает наличие некоторых проблем в принятии решения касательно трудовых задач, и давлением со стороны «сильных» ситуаций. Наиболее часто встречаемым считается уровень реализации ролей и норм в организации, при котором происходит идентификация с профессиональной группой и основой выступает рабочее должностное. Наивысший уровень встречается достаточно редко, при этом, он более выражен у группы 2, что

подчеркивает выполнение профессиональной деятельности согласно ценностям и смысложизненным ориентациям. Следовательно, наиболее распространен среди женщин такой уровень профессиональной самореализации, при котором аутентичность, как способность оставаться верным самому себе, развита недостаточно, что приводит к идентификации с профессиональной группой.

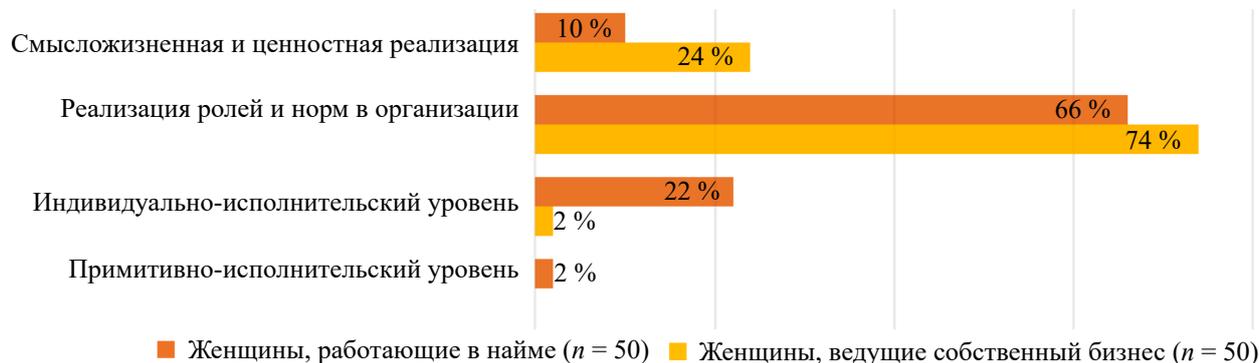
Рисунок 4

Сравнительные показатели соотношения компонентов профессиональной самореализации женщин, работающих в найме и ведущих собственный бизнес (ср. знач.)

Рисунок 5

Сравнительные показатели уровней профессиональной самореализации женщин, работающих в найме и ведущих собственный бизнес (ср. знач.)

На следующем подэтапе исследования, с применением математического анализа, подтвердились статистически значимые различия в нескольких показателях, которые сразу же возможно разделить по группам женщин:

1) «ложная профессиональная самореализация» при $p = 0,008$, $p < 0,01$, «формальное выполнение деятельности» при $p = 0,013$, $p < 0,05$ с более высокой значимостью в группе женщин, работающих в найме;

2) «целевой компонент» при $p = 0,001$, $p < 0,001$, «ресурсный компонент» при $p = 0,009$, $p < 0,01$, «феноменологический компонент» $p = 0,012$, $p < 0,05$, «астеническая профессиональная самореализация» $p = 0,017$, $p < 0,05$, «общий уровень профессиональной самореализации» при $p = 0,001$, $p < 0,001$ с более высокой значимостью в группе женщин, ведущих собственный бизнес.

Следовательно, женщины, работающие в найме, отличаются преобладанием ложной профессиональной самореализации с наличием статусных отличий и несоответствием выполняемой работы собственным ценностям, а также формальным выполнением деятельности, поскольку избранная профессия для них не является значимой сферой и не приносит удовлетворенность. Женщины, ведущие собственный бизнес, обладают более развитыми компонентами профессиональной самореализации, которые позволяют интегрировать ценностно-смысловую концепцию в трудовую деятельность, обеспечивать функционал самосознания и саморегуляции, демонстрировать высокую успешность и продуктивность. Вместе с этим, для них более характерна астеническая профессиональная самореализация, позволяющая осознавать занимаемую профессиональную нишу как «свое место». Общий уровень профессиональной самореализации свидетельствует о более высоком стремлении к достижению профессиональных целей. Таким образом, полученные статистические результаты привели к подтверждению предположения о том, что женщины, работающие в найме и ведущие собственный бизнес, обладают разным профессиональным поведением, субъективным ощущением себя на рабочем месте, позволяющие по-разному выстраивать свой профессиональный путь.

Обсуждение результатов

Вопрос построения карьеры женщинами в рамках современного развития психологической науки по-прежнему остается ценным и актуальным, несмотря на многочисленные попытки общественности уравнивать мужчин и женщин на рабочем месте, создать благоприятные и безопасные условия труда для женщин разных возрастных категорий, нивелировать попытки развития домогательств и буллинга по отношению к женщинам (Милованова и Василевская, 2022; Флоря, 2021). Однако существует и иной ряд причин, событий и обстоятельств, которые глобально сказываются на процессе построения карьеры женщинами, на характере выполнения профессиональной деятельности и стремлении самореализации в избранной профессии. Значимо подчеркнуть, что содержательные аспекты женской карьеры обусловлены достигнутой идентичностью, которая на более ранних возрастных этапах превосходит мужчин по степени выраженности (Кузьмин и др., 2019), высоким совладающим потенциалом в кризисных ситуациях и большей активностью в поиске подходящего или нового вида деятельности (Бабиянц и Позднякова, 2020). Благодаря обсуждению данной проблемы в рамках синергетического подхода нами учтен принцип одновременно влияющих множественных условий социальной среды на процесс профессионализации и принцип изменчивости состояния женщин в ответ на взаимодействие с окружающей средой (Толочек, 2020). Поэтому такие профессиональные статусы, как «подчиненный» (наемный рабочий) и «руководитель» (самозанятость, индивидуальный предприниматель) мы посчитали одними из наиболее важных условий, оказывающих значительное влияние на процесс построения карьеры женщинами.

Полученные в ходе исследования данные позволили подробно рассмотреть позиции женщин с разными профессиональными статусами в системе профессионализации. Данные по анкете позволили узнать степень желаний женщин профессионально развиваться и выстраивать цели: в обоих случаях стремление к самореализации в трудовой деятельности заметно выше у женщин, ведущих собственный бизнес. Таким женщинам принадлежит большая свобода в выборе профессиональных стратегий и поисково-познавательных действий для развития своего же бизнеса, который служит также и большим мотиватором, нежели при работе в найме. Подобная логика применима и к более высокой удовлетворенности такими женщинами своей работой, что сказывается на профессиональном развитии. Вероятно, что категории психической устойчивости в преодолении проблемных ситуаций и эмоциональное отношение к работе опосредуются личностными характеристиками женщин, нежели их профессиональным положением. Поиск статистически значимых различий между группами женщин с разными профессиональными статусами привел к подтверждению всего вышеописанного, касаясь путей профессионализации женщин.

Женщины реже претендуют на руководящие должности в организациях, поскольку высока вероятность столкновения с гендерными предубеждениями и нарушением баланса между работой и семьей (Болдырева и др., 2023), но, при этом, на руководящих должностях женщинам удается с большей легкостью проявлять самоконтроль, самоэффективность и автономию (Bizarría et al., 2022). Благодаря возможности ведения своего бизнеса, женщины более подвижны по отношению к профессиональному росту, имеют способность и возможность соблюдать необходимый баланс, их профессиональная самореализация более многогранная, поскольку значимость обретает преобладание всех трех ее компонентов. Женщины с большей уверенностью способны интегрировать ценностно-смысловую концепцию в профессиональную деятельность и достигать продуктивности самосознания и саморегуляции. По всей видимости, наличие собственного дела способствует осознанию трудовой деятельности как «своего места», что в целом приводит к стремлению достигать высокие профессиональные цели.

Ошибочно полагать, что женщины, работающие в найме, вовсе не обладают навыками целеполагания и целедостижения в трудовой деятельности, однако они отличаются сниженным интересом к выполняемому труду, что сказывается на удовлетворенности работой и жизнью в целом. Ложная профессиональная самореализация и формальное выполнение деятельности подчеркивают наличие проблемы несоответствия ценностных ориентаций выполняемой работе, на чем также сказывается нахождение женщины в подчинении и условия тесного сотрудничества с рабочим коллективом и вышестоящими. Вероятно, что часть женщин, находясь в подчинении, не имеют возможности достичь желаемого уровня профессиональной самореализации с соответствием выполняемой деятельности ценностно-смысловой сфере. Полученные данные согласуются с умозаключением о том, что трудности в системе самореализации женщин могут быть опосредованы дефицитами самоконтроля, сомнениями в оценивании себя как самоэффективного субъекта и мифологизации собственных возможностей контроля профессиональной жизни (Щербакова и др., 2024). Таким образом, практическая значимость проведенного исследования заключается в возможности интеграции полученных результатов в корпоративные и организационные структуры для оказания женщинам психологической помощи и поддержки в вопросах профессионализации. Полученные результаты могут оказать воздействие на процесс предоставления женщинам возможности расширить горизонты профессиональной самореализации посредством гармонизации эмоциональных и внутриличностных ресурсов.

Список литературы

Бабиянц, К. А., и Позднякова, Е. А. (2020). Проживание кризиса середины жизни и стратегии совладания с ним у мужчин и женщин. *Северо-кавказский психологический вестник*, 18(2), 77–91. <https://doi.org/10.21702/ncpb.2020.2.6>

Болдырева, Е. В., Елагина, М. Ю., и Короченцева, А. В. (2023). Особенности профессиональной карьеры женщин: обзор зарубежных исследований. *Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология*, 6(2), 59–69. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2023-6-2-59-69>

Гаврилова, Е. А. (2015). Психодиагностическая методика «Тип и уровень профессиональной самореализации»: разработка, описание и психометрия. *Вестник ТвГУ*, 3, 19–34.

Золотарева, А. А. (2020). *Диагностика апатии*. Смысл.

Иванова, Т. Ю., Леонтьев, Д. А., Осин, Е. Н., Рассказова, Е. И., и Кошелева, Н. И. (2018). Современные проблемы изучения личностных ресурсов в профессиональной деятельности. *Организационная психология*, 8(1), 85–121.

Кузьмин, М. Ю., Миронова, Е. И., и Осипенок, О. А. (2019). Особенности идентичности женщин в кризисные и межкризисные возрастные периоды. *Российский психологический журнал*, 16(3), 72–86. <https://doi.org/10.21702/rpj.2019.3.6>

Милованова, М. Ю., и Василевская, В. А. (2020). Насилие и домогательства в сфере труда как проблема гендера. *Наука. Культура. Общество*, 28(2), 46–57. <https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.2S.4>

Митина, Л. М. (2019). *Психология профессионально-карьерного развития личности*. Нестор-История.

Поваренков, Ю. П. (2022). Полидеятельностный подход к психологическому анализу карьеры профессионала. *Ярославский педагогический вестник*, 4(127), 138–147. <http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X-2022-4-127-138-147>

Ронгинская, Т. И. (2002). Синдром выгорания в социальных профессиях. *Психологический журнал*, 23(3), 85–96.

Сергеева, М. В., и Артемьева, А. А. (2020). Рефлексия в процессе профессионально-личностного саморазвития будущего специалиста. *Актуальные научные исследования в современном мире*, 2–6(58), 133–137.

Толочек, В. А. (2020). Профессиональная карьера: синергетический подход. Часть 1. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Акмеология образования. Психология развития*, 9(1), 13–24. <https://www.doi.org/10.18500/2304-9790-2020-9-1-13-24>

Толочек, В. А., Винокуров, Л. В., Иоголевич, Н. И., и Маркова, Е. В. (2014). Профессиональная карьера: подходы и исследования. *Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова*, 2(28), 97–100.

Флорья, В. М. (2021). Карьера и материнство: проблемы совмещения. В *Проблемы социально-экономической устойчивости региона* (С. 139–147). Пензенский государственный аграрный университет

Щербакова, Т. Н., Сташкова, Т. В., и Рягин, С. Н. (2024). Деструкции личности в профессиональной сфере: субъективный контроль как фактор их преодоления. *Российский психологический журнал*, 21(1), 302–317. <https://doi.org/10.21702/rpj.2024.1.16>

Bizarria, F. P. de A., Barbosa, F. L. S., Silva, A., Silva, R., & Silva, G. (2022). Social representations of women leaders from the perspective of plural leadership. *International Journal of Humanities, Social Sciences and Education*, 9(8), 88–103. <https://www.doi.org/10.20431/2349-0381.0908009>

Arthur, N., & McMahon, M. (2019). *Contemporary Theories of Career Development. International Perspectives*. Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315276175>

Damodar, P., Shetty, A., Dsouza, M. P., Prakash, A., & Gudi, N. (2024). Crafting careers through theory-driven interventions: a scoping review of the utility of social cognitive career theory and career maturity inventory. *International Journal of Adolescence and Youth*, 29(1). <https://doi.org/10.1080/02673843.2024.2308081>

Gurieva, S. D., & Udavikhina, U. A. (2022). Применение гендерных стратегий doing & undoing российскими женщинами при построении карьеры. *Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture*, 14(1), 128–139. <https://www.doi.org/10.12731/2658-6649-2022-14-1-128-139>

Ya, W., Kai, L., Huaruo, C., & Fei, L. (2022). Life design counseling: theory, methodology, challenges, and future trends. *Frontiers in Psychology*, 13, 1–7. <https://www.doi.org/10.3389/fpsyg.2022.814458>

References

Arthur, N., & McMahon, M. (2019). *Contemporary Theories of Career Development. International Perspectives*. Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315276175>

Babiyants, K. A., & Pozdnyakova, E. A. (2020). Living the mid-life crisis and coping strategies for men and women. *North Caucasian Psychological Bulletin*, 18(2), 77–91. <https://doi.org/10.21702/ncpb.2020.2.6> (In Russ.)

Bizarria, F. P. de A., Barbosa, F. L. S., Silva, A., Silva, R., & Silva, G. (2022). Social representations of women leaders from the perspective of plural leadership. *International Journal of Humanities, Social Sciences and Education*, 9(8), 88–103. <https://www.doi.org/10.20431/2349-0381.0908009>

Boldyreva, E. V., Elagina, M. Yu., and Korochentseva, A. V. (2023). Features of women's professional careers: a review of foreign studies. *Innovative science: psychology, pedagogy, defectology*, 6(2), 59–69. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2023-6-2-59-69> (In Russ.)

Damodar, P., Shetty, A., Dsouza, M. P., Prakash, A., & Gudi, N. (2024). Crafting careers through theory-driven interventions: a scoping review of the utility of social cognitive career theory and career maturity inventory. *International Journal of Adolescence and Youth*, 29(1). <https://doi.org/10.1080/02673843.2024.2308081>

Florya, V. M. (2021). Career and motherhood: problems of combining. In *Problems of social and economic stability of the region* (P. 139–147). Penza State Agrarian University (In Russ.)

- Gavrilova, E. A. (2015). Psychodiagnostic technique “Type and level of professional self-realization”: development, description and psychometrics. *Vestnik TvsSU*, 3, 19–34. (In Russ.)
- Gurieva, S. D., & Udavikhina, U. A. (2022). The use of gender strategies of doing & undoing by Russian women in career building. *Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture*, 14(1), 128–139. <https://www.doi.org/10.12731/2658-6649-2022-14-1-128-139> (In Russ.)
- Ivanova, T. Yu., Leontiev, D. A., Osin, E. N., Rasskazova, E. I., and Kosheleva, N. I. (2018). Modern problems of studying personal resources in professional activity. *Organizational Psychology*, 8(1), 85–121. (In Russ.)
- Kuzmin, M. Yu., Mironova, E. I., and Osipenok, O. A. (2019). Features of the identity of women in crisis and inter-crisis age periods. *Russian Psychological Journal*, 16(3), 72–86. <https://doi.org/10.21702/rpj.2019.3.6> (In Russ.)
- Milovanova, M. Yu., and Vasilevskaya, V. A. (2020). Violence and harassment at work as a gender issue. *Society*, 28(2), 46–57. <https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.2S.4> (In Russ.)
- Mitina, L. M. (2019). *Psychology of professional and career development of personality*. Nestor-History, 2011. (In Russ.)
- Povarenkov, Yu. P. (2022). Polyactivity approach to the psychological analysis of a professional’s career. *Yaroslavsky Pedagogical Bulletin*, 4(127), 138–147. <http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X-2022-4-127-138-147> (In Russ.)
- Ronginskaya, T. I. (2002). Burnout syndrome in social professions. *Psychological Journal*, 23(3), 85–96. (In Russ.)
- Sergeeva, M. V., & Artemyeva, A. A. (2020). Reflection in the process of professional and personal self-development of the future specialist. *Actual scientific research in the modern world*, 2–6(58), 133–137. (In Russ.)
- Shcherbakova, T. N., Stashkova, T. V., & Ryagin, S. N. (2024). Destruction of personality in the professional sphere: subjective control as a factor in overcoming them. *Russian Journal of Psychology*, 21(1), 302–317. <https://doi.org/10.21702/rpj.2024.1.16> (In Russ.)
- Tolochek, V. A. (2020). Professional career: synergistic approach. Part 1. on a voluntary basis *Proceedings of Saratov University. Novaya seriya, News of the Saratov University. Proceedings of the Saratov University. Developmental Psychology*, 9(1), 13–24. <https://www.doi.org/10.18500/2304-9790-2020-9-1-13-24> (In Russ.)
- Tolochek, V. A., Vinokurov, L. V., Iogolevich, N. I., and Markova, E. V. (2014). Professional career: approaches and research. *The Bulletin of P.G. Demidov Yaroslavl State University*, 2(28), 97–100. (In Russ.)
- Ya, W., Kai, L., Huaruo, C., & Fei, L. (2022). Life design counseling: theory, methodology, challenges, and future trends. *Frontiers in Psychology*, 13, 1–7. <https://www.doi.org/10.3389/fpsyg.2022.814458>
- Zolotareva, A. A. (2020). *Diagnosis of apathy*. Publ.Smysl. (In Russ.)

Об авторах:

Анастасия Васильевна Гришина, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и консультативной психологии, Донской государственной технической университет (Российская Федерация, 344003, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), [ScopusID](#), [Web of ScienceID](#), [ORCID](#), [SPIN-код](#), avgrishina.donstu@gmail.com

Евгения Владимировна Шаповалова, магистрант, Донской государственной технической университет (Российская Федерация, 344003, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), [ORCID](#), barrbariss@mail.ru

Елена Владимировна Дьякова, кандидат экономических наук, доцент, Ростовский государственный университет путей сообщения (Российская Федерация, 344038, г. Ростов-на-Дону, пл. им. Ростовского стрелкового полка народного ополчения, 2), [ORCID](#), evdyakova.rgups@gmail.com

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

About the Authors:

Anastasia Vasilyevna Grishina, Cand. of Sci. (Psychology), Associate Professor of the Department of General and Consultative Psychology, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), [ScopusID](#), [Web of ScienceID](#), [ORCID](#), [SPIN-code](#), avgrishina.donstu@gmail.com

Evgenia Vladimirovna Shapovalova, undergraduate, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), [ORCID](#), barrbariss@mail.ru

Elena Vladimirovna Dyakova, Cand. of Sci. (Economics), Associate Professor, Rostov State Transport University (2, Rifle Regiment of the People’s Militia, Rostov-on-Don, 344038, Russian Federation), [ORCID](#), evdyakova.rgups@gmail.com

Conflict of interest: the authors do not have any conflict of interest.

All authors have read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию/received 28.08.2024

Поступила после рецензирования/revised 30.09.2024

Принята к публикации/accepted 09.10.2024

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

GENERAL PSYCHOLOGY, PERSONALITY PSYCHOLOGY, HISTORY OF PSYCHOLOGY

УДК 159.99

<https://doi.org/10.23947/2658-7165-2024-7-5-54-64>

Оригинальное эмпирическое исследование

VYQRDQ

Готовность к риску как личностное свойство саморегуляции: кросскультурный подход

Юлия В. Селезнева , Анастасия Ю. Тарасова

Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

[✉ yulya.selezneva@gmail.com](mailto:yulya.selezneva@gmail.com)

Аннотация

Введение. Высокий уровень стрессогенности и неопределённости современного мира требует исследования личностных ресурсов человека и выявления условий, повышающих возможности саморегуляции. Статья посвящена изучению готовности к риску как свойства саморегуляции у представителей различных этнокультурных групп. Готовность к риску – это личностная характеристика, выступающая в качестве адаптационного ресурса в ситуации неопределённости и требующая актуализации личностного и интеллектуального потенциала субъекта.

Цель. Изучение готовности к риску как личностного свойства саморегуляции у представителей различных этнокультурных групп.

Материалы и методы. Методический инструментарий исследования включал: «Личностные факторы принятия решений» (Т. Н. Корнилова); «Стиль саморегуляции поведения – ССП-98 (В. И. Моросанова); «Смысложизненные ориентации» Д. А. Леонтьева; «Тест жизнестойкости» (Salvatore R. Maddi, D. M. Khoshaba) в адаптации Д. А. Леонтьева; Томский опросник ригидности (Г. В. Залевский); Мельбурнский опросник принятия решений (в адаптации Т. В. Корниловой). Математическая обработка данных осуществлялась с помощью статистических критериев U-Манна-Уитни, Н-Краскуала-Уолеса и коэффициента корреляции Пирсона.

Результаты исследования. В области личностных ресурсов саморегуляции (смысложизненных ориентаций, жизнестойкости) различия не были обнаружены, однако в отношении стратегий принятия решений были зафиксированы статистически достоверные различия по шкалам «Рациональность» и «Готовность к риску». В изучаемых группах у респондентов с высокими показателями по шкале «Готовность к риску» были зафиксированы различия по шкалам саморегуляции, относящиеся к личностным механизмам саморегуляции («Гибкость», «Самостоятельность»). В отношении представителей чеченской этнической группы значимые различия были зафиксированы по шкалам: «Планирование», «Программирование», «Гибкость», «Самостоятельность», «Общий уровень саморегуляции». По результатам корреляционного анализа во всех группах (армяне, чеченцы, русские) зафиксированы положительные связи между шкалой «Готовность к риску» и шкалами «Гибкость», «Самостоятельность».

Обсуждение результатов. Результаты исследования существенно обогащают представления о ресурсах саморегуляции, позволяя по-новому рассмотреть этнокультурный потенциал. Изучение психологических феноменов во взаимосвязи с этническим своеобразием представляет перспективное направление современных исследований. В нашем исследовании обосновывается тезис о том, что готовность к риску может выступать в качестве адаптационного ресурса и обеспечивать эффективность процессов саморегуляции.

Ключевые слова: готовность к риску, рациональность, самоконтроль, саморегуляция, этнос, жизнестойкость, смысловые ориентации

Для цитирования. Селезнева, Ю. В., и Тарасова, А. Ю. (2024). Готовность к риску как личностное свойство саморегуляции: кросскультурный подход. *Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология*, 7(5), 54–64. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2024-7-5-54-64>

Risk-Taking as a Personality Trait of Self-Regulation: a Cross-Cultural Approach

Julia V. Selezneva , Anastasia Yu. Tarasova

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

 yulya.selezneva@gmail.com

Abstract

Introduction. The high level of stress and uncertainty of the modern world requires the study of a person's personal resources and the identification of conditions that increase the possibilities of self-regulation. The article is devoted to the study of risk readiness as a property of self-regulation among representatives of various ethnocultural groups. Risk appetite is a personal characteristic that acts as an adaptive resource in a situation of uncertainty and requires the actualization of the personal and intellectual potential of the subject.

Objective. Study of risk appetite as a personal property of self-regulation among representatives of various ethno-cultural groups.

Materials and Methods. Problem is studied with using such methods: "Personal factors of decision-making" (T. N. Kornilova); "Style of self-regulation of behavior – SSP-98" (V. I. Morosanov); "Meaning-life orientations" by D. A. Leontiev; "Personal Views Survey, PVS III-R" (Salvatore R. Maddi, D. M. Khoshaba) in the adaptation of D. A. Leontiev; Tomsk rigidity questionnaire (G. V. Zalevsky); The Melbourne Decision Making Questionnaire (MDMQ) (in the adaptation of T. V. Kornilova). Mathematical data processing was carried out using the statistical criteria of U-Mann-Whitney, N-Kraskual-Wales and the Pearson correlation coefficient.

Results. In the field of personal resources of self-regulation (meaning-life orientations, resilience), no differences were found, however, with respect to decision-making strategies, statistically significant differences were recorded on the Rationality and Risk Readiness scales. In the studied groups, respondents with high scores on the "Risk Readiness" scale recorded differences in self-regulation scales related to personal mechanisms of self-regulation ("Flexibility", "Independence"). In relation to representatives of the Chechen ethnic group, significant differences were recorded on the following scales: "Planning", "Programming", "Flexibility", "Independence", "General level of self-regulation". According to the results of the correlation analysis, all groups (Armenians, Chechens, Russians) recorded positive links between the "Risk Readiness" scale and the "Flexibility" and "Independence" scales.

Discussion. The results of the study significantly enrich the ideas about the resources of self-regulation, allowing us to consider the ethno-cultural potential in a new way. The study of psychological phenomena in conjunction with ethnic originality represents a promising area of modern research. Our study substantiates the thesis that risk readiness can act as an adaptive resource and ensure the effectiveness of self-regulation processes.

Keywords: risk appetite, rationality, self-control, self-regulation, ethnos, resilience, meaning-life orientations

For Citation. Selezneva, Yu. V. and Tarasova, A. Yu. (2024). Risk-taking as a personality trait of self-regulation: a cross-cultural approach. *Innovative science: psychology, pedagogy, defectology*, 7(5), 54–64. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2024-7-5-54-64>

Введение

Обращение к современной социокультурной ситуации позволяет описать ускорение темпов жизни, катастрофически быстрое развитие глобальных мировых процессов, увеличение непредсказуемости и стрессогенности явлений социальной жизни. В психологических исследованиях вызовы неопределенности и сложности часто описываются как разрушительные вызовы шока будущего (Петровский, 2021), которые затрудняют адаптацию человека и обуславливают развитие ряда негативных состояний. Однако, заметим, что неопределённость, как психологический и социальный феномен, помимо негативного может оказывать и позитивное влияние. Это происходит через активизацию и перестройку регуляторных механизмов, повышение психологической устойчивости за счет необходимости часто изменять привычные программы поведения в соответствии с изменяющимися условиями среды, проявление неадаптивной активности и выработку новых личностных ресурсов. Таким образом, ситуацию неопределённости можно описать как особую познавательную практику для человека, включающую в себя осмысление новых явлений действительности; эмоциональную оценку на основе субъективного восприятия и личного переживания; структурирование нового опыта. По мере роста неопределенности, усложнения и непредсказуемости современного мира в фокусе социально-психологических исследований все больше изучаются проблемы личностных ресурсов человека, механизмов совладения со сложностью, особенностей адаптации человека к новой реальности. Учитывая высокую интенсивность потоков информации, трудности прогнозирования и планирования, высокую стрессогенность современного мира, большое количество зарубежных и отечественных исследователей в качестве детерминант устойчивости человека определяют возможности саморегуляции (Моросанова, 2021), жизнестойкость (Maddi & Kobasa, 1984), личностный потенциал (Леонтьев, 2016). Сегодня появились новые направления психологии, задающие новые подходы в понимании человека: психология неопределенности (Канеман, 2014; Талеб, 2014), психология социальной нестабильности и цифровой социализации личности (Солдатова и др., 2017), психология выбора (Леонтьев, 2019), персонология неадаптивного поведения (Петровский, 2021), системная антропологическая психология и психология самоорганизации психологических систем (Клочко, 2015).

Во многом данные направления являются для нас базовыми и задают общий дизайн нашего исследования. Обращаясь к идеям Ключко (2005) о многомерном пространстве жизни, следует отметить, что субъект в понимании автора является сложной открытой самоорганизующейся системой. В случае, когда система испытывает на себе сложные неспецифические воздействия, извне проявляются эффекты самоорганизации. Таким образом, «процессы самоорганизации представляют собой сложное сочетание целенаправленности и спонтанности, автономности и зависимости» (Ключко, 2005, с. 17). И далее «психика и сознание – это не органы управления, вмонтированные в человека, не аппараты регуляции, подчиняющие человека, не средства ориентации, опирающиеся на присущую им способность к отражению среды. Психика (сознание) – это то, с помощью чего система (человек) оказывается открытой, т. е. способной к избирательному взаимодействию со средой на основе превращения ее в многомерный мир человека, порождение которого (становление) является предпосылкой устойчивого (осмысленного, реалистического, действенного) бытия человека в непрерывно создаваемом им самим жизненным пространстве» (Ключко, 2005, с. 17). Данный методологический тезис является для нас принципиально важным в понимании сущности человека, его возможностей в построении собственной целостности.

В ситуации сложности, непредсказуемости мир все больше дифференцируется на людей, готовых принимать и «практиковать» сложность, либо склонных к упрощению, способных принимать решения и действовать в ситуации неопределённости или же проявлять тревогу перед неопределённостью будущего. Закономерное усложнение жизненного пространства приводит к тому, что человек постепенно обретает такое личностное качество, как открытость опыту, готовность к изменениям. Данная характеристика, на наш взгляд, взаимосвязана с возможностью и способностью человека действовать в условиях негарантированного результата, принимать риск и быть готовым к нему. В концепции «надситуативной активности» Петровский (2021) готовность к риску связывается с возможностью человека быть активным на уровне ценностного отношения к риску в отношении предметного мира, мира людей, собственного внутреннего мира. Каждое из этих трех пространств может содержать потенциальный риск как своего рода готовность субъекта познавать границы и возможности своего «Я», предметного мира и мира взаимоотношений с другими людьми. Важным методологическим принципом проявления риска автор считает выход человека за пределы наличных требований. Так, противоположные тенденции (избегание угроз и стремление к опасности) задают некоторое пространство неадаптивности и в каждом случае связаны с испытанием и «пробой себя» (Асмолов, 2018). Важно отметить, что в условиях развития теоретических подходов к феномену риска наблюдается позитивное переосмысление данного концепта: риск как условие самоконтроля, как познавательная активность, опосредованная различными личностными механизмами и проявляющаяся на уровне когнитивных стилей и интеллектуальных стратегий. Современные исследования психологии риска позволяют нам трактовать данное явление в контексте личностного усилия, стремления к реализации своего потенциала в ситуации неопределённости всеми доступными средствами.

Впервые готовность к риску как свойство саморегуляции начинает рассматривать Корнилова (2003) в рамках своей концепции интеллектуально-личностной регуляции. В рамках данного подхода саморегуляция – это прежде всего намеренное изменение поведения субъекта, управление психическими процессами, состояниями под влиянием изменяющихся условий среды. В рамках данного подхода понятие саморегуляции выходит за пределы управления когнитивными функциями и рассматривается как интегративный феномен. Изучая особенности регуляции в процессе принятия решений и реализацию выбора, автор представляет модель, в которой особую роль (помимо интеллектуальной регуляции) занимают такие личностные аспекты, как активность субъекта (в осуществлении выбора и принятии ответственности и риска как ситуации неопределённости и негарантированного результата; в построении образа ситуации). В представленной концепции автор подчёркивает, что в ситуации неопределённости, при осуществлении выбора и принятии решений, когнитивные процессы (интеллектуальная ориентировка в ситуации, построение прогнозов на основе анализа, оценка результатов выбора) максимально свернуты. В данной концепции готовность к риску – это личностная характеристика, во многом помогающая преодолеть неопределённость и совершить выбор, готовность актуализировать свой личностный и интеллектуальный потенциал в ситуации сложных неоднозначных решений, недостаточности информации.

На сегодняшний день подходы к исследованию саморегуляции сфокусированы на изучении саморегуляции как метаресурса (Моросанова, 2021), как контроля исполнительных когнитивных функций (Zalazo, 2022), и смысловой саморегуляции как перестройки личностных смыслов (Леонтьев, 2016). Моросанова (2021) теоретически и эмпирически обосновала идею о существовании стилей саморегуляции – типичного способа личностной регуляции, который устойчиво проявляется в различных видах психической активности человека. В данном подходе в структуре саморегуляции В. И. Моросанова выделяет личностные характеристики, такие как автономность, способность к преодолению трудностей, креативность, самостоятельность, гибкость и операционально-технические: способность планировать, корректировать программы действий, оценивать результат. Личностные характеристики во многом определяют масштаб целей и способы их достижения. Таким образом, регуляторные личностные свойства могут выступать в качестве предикторов в формировании индивидуального стиля саморегуляции.

Методологической основой для нашего исследования стала концепция Корниловой (2014). По мнению автора риск в принятии решений понимается как способ преодоления ситуации неопределённости (Корнилова, 2014). Риск в данном случае рассматривается в рамках общей готовности человека осуществлять выбор в ситуации не-

определенности и понимается как свойство личностной регуляции. «Принятие риска – акт интеграции на уровне самосознания личности мотивационных предпосылок и репрезентаций свойств ситуации, которое включает субъективное принятие риска (Корнилова, 2003, с. 130). В этом смысле готовность к риску сопряжена с личностным усилием и самоопределением субъекта. Осуществляя действие таким образом, человек как бы снимает и снижает градус неопределенности и в этом смысле «снятие неопределённости ситуации есть более значимая цель, чем реализация выбора» (Корнилова, 2003, с. 146). Следовательно, **целью** нашего исследования является изучение готовности к риску как личностного свойства саморегуляции у представителей различных этнокультурных групп.

Материалы и методы

В психодиагностический инструментарий исследования вошли следующие методики:

1. «Стиль саморегуляции поведения – ССП-98» (Моросанова, 1998);
2. «Личностные факторы принятия решений» (Корнилова, 2004);
3. «Смысложизненные ориентации» (Леонтьев, 1992);
4. «Тест жизнестойкости (Hardiness Survey) С. Мади (Salvatore R. Maddi, D. M. Khoshaba)» в адаптации Д. А. Леонтьева (Леонтьев и Рассказова, 2006);
5. Томский опросник ригидности (Залевский, 1993);
6. Мельбурнский опросник принятия решений (Корнилова, 2013).

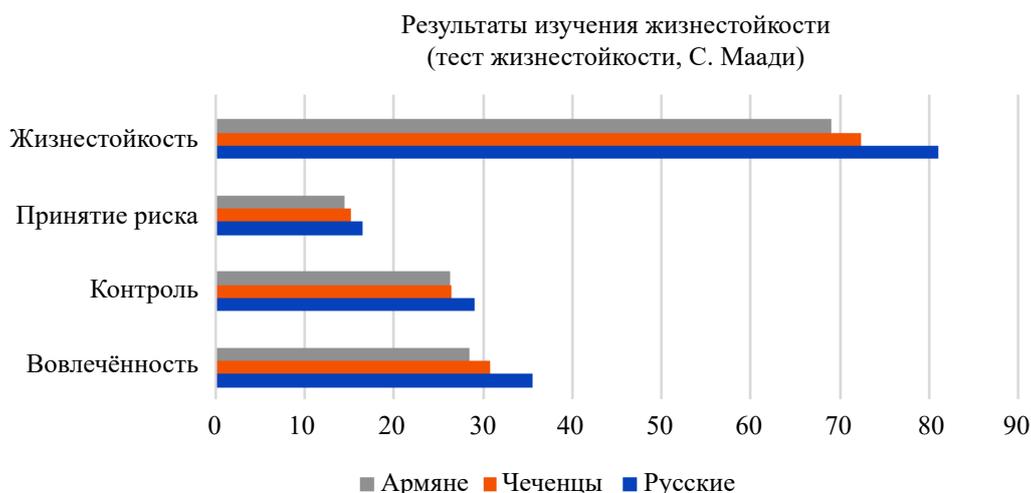
В целях изучения личностных ресурсов саморегуляции были использованы методики «Смысложизненные ориентации» и «Тест жизнестойкости». На наш взгляд, способность субъекта конструировать образ будущего, ставить цели, испытывать удовлетворенность настоящим, оценивать свою жизнь как результативную, а также ощущать себя способным к контролю и управлению событиями собственной жизни во многом обеспечивает возможности саморегуляции. В целях изучения готовности к риску нами были изучены стратегии принятия решений, представленные шкалами «Рациональность» и «Готовность к риску». И, наконец, методика В. И. Моросановой «Стиль саморегуляции, ССП-98» позволила описать личностные механизмы саморегуляции (шкалы «Гибкость» и «Самостоятельность») и ее операционально-технические характеристики (шкалы «Планирование», «Моделирование», «Программирование» и «Оценка результатов»). Для математической обработки данных применялся статистический U-критерий Манна-Уитни, критерий Краскуала-Уолеса и коэффициент корреляции Пирсона.

Результаты исследования

Выборку исследования составили представители армянской, чеченской и русской этнических групп (в возрасте от 30 до 65 лет, в общем количестве 292 человека). Представители армянской этнической группы, проживавшие на территории Армении (г. Ереван) – 74 человека; представители чеченской этнической группы (г. Грозный) – 87 человек; представители русской этнической группы (г. Ростов-на-Дону) – 131 человек. На первом этапе исследования были изучены особенности жизнестойкости у представителей армянской, русской и чеченской этнических групп. Нам было важно изучить общие личностные ресурсы саморегуляции, проявляющиеся в жизнестойкости и особенностях смысложизненных ориентаций, выявить и описать различия в представленных группах.

Рисунок 1

Результаты изучения жизнестойкости у представителей армянской, чеченской и русской этнических групп

Прим.: группа 1 – представители армянской этнической группы, группа 2 – представители чеченской этнической группы, группа 3 – представители русской этнической группы.

На наш взгляд, жизнестойкость как общий ресурс саморегуляции определяет меру и возможность человека быть вовлеченным в происходящее, что позволяет жить полной жизнью, управлять ей и быть убежденным в том, что он всегда располагает возможностями влияния на результат. Кроме того это позволяет принимать риск и быть готовым к действию без надежных гарантий успеха, открытым любому опыту (позитивному/негативному)

воспринимая его как важное составляющее жизненного знания. При высоких значениях по шкале «Готовность к риску» человек склонен рассматривать любой новый опыт, как то, что существенно обогащает жизнь и собственные представления о себе.

Согласно рисунку 1 наблюдаются незначительные различия по всем шкалам между группами 1 (представители армянской этнической группы) и 2 (представители чеченской этнической группы). В данных группах достоверных различий по данной методике выявлено не было. Тогда как значения по шкалам «Общий уровень жизнестойкости» и «Вовлеченность» существенно выше в группе 3 (представители русской этнической группы) – различия значимы на уровне $p = 0,014$ при $p < 0,05$ по U-критерию Манна-Уитни.

По результатам изучения смысловых ориентаций также существенных различий между группами 1 и 2 выявлено не было. Так, в группах 1 (представители армянской этнической группы) и 2 (представители чеченской этнической группы) достоверных различий по шкалам СЖО не выявлено, тогда как в группе 3 (представители русской этнической группы) различия выявлены по шкалам «Цели», «Процесс», «Результат», «Общий уровень». Таким образом, независимо от этнической принадлежности респонденты воспринимают свою жизнь как осмысленную, способны к целеполаганию, проектированию будущего, в большинстве случаев удовлетворены своей жизнью и результатами самореализации.

Таблица 1

Результаты изучения смысловых ориентаций у представителей армянской, чеченской и русской этнических групп

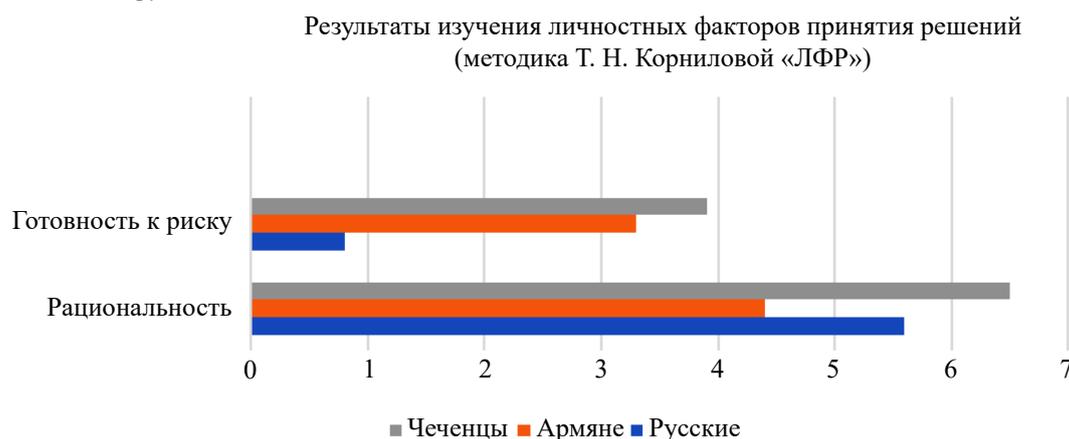
Группы	Цели	Процесс	Результат	Локус контроля - Я	Локус контроля - жизнь	ОЖ
1	27,0	25,4	21,9	18,0	26,9	88,5
2	26,8	25,3	21,6	17,0	25,5	86,0
3	32,4	29,0	25,5	20,8	29,9	101,1

Прим.: где группа 1 – представители армянской этнической группы, группа 2 – представители чеченской этнической группы, группа 3 – представители русской этнической группы.

Цель следующего этапа состояла в анализе особенностей принятых решений (готовности к риску или рациональности) респондентами трех этнических групп и изучении различий в особенностях саморегуляции в зависимости от готовности респондентов к риску.

Рисунок 2

Результаты изучения личностных факторов принятия решений у представителей армянской, чеченской и русской этнических групп

Как видно из рисунка 2 представители чеченской и русской этнических групп в меньшей степени ориентированы на готовность к риску. В нашем исследовании мы понимаем готовность к риску как личностное свойство саморегуляции, которое проявляется в том, что субъект, актуализируя свой личностный потенциал, готов действовать в условиях ограниченной информации и без достаточных гарантий положительного результата. Наименьшие значения были зафиксированы в группе 3 (представители русской этнической группы). Используя H-критерий Крускала-Уоллеса, мы оценили достоверность выявленных различий (таблица 2). Наиболее выраженные различия по шкале «Готовность к риску» были зафиксированы у представителей русской этнической группы (0,791).

С целью проверки гипотезы о взаимосвязи готовности к риску и показателей саморегуляции в каждой группе респондентов были отобраны испытуемые с высокими показателями по шкале «Готовность к риску» и проанализированы их особенности саморегуляции, в том числе ее операциональные и личностные характеристики (таблица 3).

Таблица 2

Средние значения по шкалам методики «Личностные факторы принятия решений» Т. В. Корнилова

Шкалы методики ЛФР	Ср. значение (группа 1)	Ср. значение (группа 2)	Ср. значение (группа 3)	Уровень значимости
Рациональность	4,425	6,487	5,558	0,005**
Готовность к риску	3,342	3,974	0,791	0***

Прим.: Уровень значимости при * $p < 0,05$, ** $p < 0,01$, *** $p < 0,001$.

Таблица 3

Сравнительный анализ показателей саморегуляции у респондентов с высокими и низкими значениями по шкале «Готовность к риску»

Высокие значения	Пл	М	Пр	Ор	Г	С	ОУ
армяне	6,3	4,2	5,1	4,8	6,1	5,7	27,1
чеченцы	6,2	4,8	5,8	4,6	6,2	6,3	28,8
русские	5,9	5,2	6,0	5,0	6,2	5,7	29,3
Низкие значения	Пл	М	Пр	Ор	Г	С	ОУ
армяне	5,7	5,0	4,7	5,3	5,5	5,4	27,0
чеченцы	4,8	4,7	4,8	4,8	5,0	4,5	24,2
русские	6,2	5,5	6,0	5,6	5,3	5,0	28,8

Прим.: где Пл – планирование; М – моделирование; Пр – программирование; Ор – оценка результатов; Г – гибкость; С – самостоятельность; ОУ – общий уровень.

Анализ различий в особенностях саморегуляции у респондентов разных этнических групп, имеющих низкие и высокие показатели готовности к риску, позволил сделать следующие выводы: по всем шкалам выявленные значения располагаются в диапазоне среднего уровня, однако, у респондентов всех трех групп, имеющих высокие значения по шкале «Готовность к риску», можно зафиксировать наиболее высокие значения по шкалам саморегуляции. Сравнительный анализ выявленных различий в группе респондентов, имеющих высокие значения по шкале «Готовность к риску» показал, что в группе 2 (представители чеченской этнической группы) достоверно значимые различия были зафиксированы по шкалам «Планирование» (0,006**), «Программирование» (0,016*), «Гибкость» (0,006**), «Самостоятельность» (0,001***), «Общий уровень» (0***). Таким образом, для данной этнической группы готовность к риску выступает адаптационным ресурсом, позволяющим проявлять гибкость, своевременно перестраивать систему саморегуляции в зависимости от требований ситуации, и, в целом, отражает пластичность регуляторных процессов. В группе 3 (представители русской этнической группы) статистически значимые различия были обнаружены по шкалам «Гибкость» (0,013*) и «Самостоятельность». Таким образом, готовность к риску в данной группе в основном взаимосвязана с личностными механизмами саморегуляции. В группе 1 (представители армянской этнической группы) статистически достоверные различия были обнаружены по шкале «Моделирование» (0,04*). Моделирование как операционально-технический механизм саморегуляции также проявляется на уровне осознанности представлений и системе значимых внутренних и внешних условий, а также гибкости в преобразовании этих условий при изменяющихся обстоятельствах. Таким образом, возможности регуляторной автономности, гибкости, независимости в данной этнической группе существенно повышаются при высоких показателях готовности к риску.

В целях подтверждения гипотезы о наличии взаимосвязи между готовностью к риску и показателями саморегуляции был проведен корреляционный анализ с применением коэффициента корреляции Пирсона. Результаты корреляционного анализа представлены в таблице 4.

По результатам корреляционного анализа можно сделать следующие выводы: независимо от этноса готовность к риску положительно взаимосвязана с личностными механизмами саморегуляции (гибкость, самостоятельность). Таким образом, чем выше готовность к риску, тем в большей степени представители армянской, чеченской и русской этнических групп способны проявлять регуляторную автономность, самостоятельность планирования и корректировки задач (шкала «Самостоятельность»), а также способность переключаться, гибко перестраивать систему саморегуляции в зависимости от изменения внешних и внутренних условий (шкала «Гибкость»). При этом следует отметить, что в группе представителей чеченского этноса готовность к риску взаимосвязана также и с операционально-техническим компонентом личностной саморегуляции (Планирование (0,323**) и Программирование (0,253*)) и с общим уровнем саморегуляции (0,309**). Таким образом, готовность к риску у представителей чеченской этнической группы взаимосвязана не только с регуляторной автономностью и гибкостью, а также со сформированностью осознанного планирования, способностью субъекта удерживать

и формулировать цели, разрабатывать планы и программы действий, корректировать их по мере достижения результатов. При этом взаимосвязей со шкалами ригидности в данной этнической группе обнаружено не было. В отношении русской этнической группы интересным результатом стала выявленная взаимосвязь между готовностью к риску и шкалами жизнестойкости (шкалы «Контроль» (0,264**) и «Жизнестойкость» (0,175*)). Так, чем более склонны представители русской этнической группы к проявлению риска, тем в большей степени они проявляют жизнестойкость и способность контролировать события собственной жизни.

Таблица 4
Результаты корреляционного анализа

	Показатели	Коэффициент корреляции
	Группа 1 (Армяне)	
Готовность к риску	Актуальная ригидность	-0,327**
	Избегание	-0,149*
	Оценка результатов	-0,158*
	Гибкость	0,290**
	Самостоятельность	0,243**
	Группа 2 (Чеченцы)	
Готовность к риску	Рациональность	0,267*
	Сверхбдительность	-0,243*
	Планирование	0,323**
	Программирование	0,253*
	Гибкость	0,286**
	Самостоятельность	0,321**
	Группа 3 (Русские)	
Готовность к риску	Актуальная ригидность	-0,418**
	Контроль	0,264**
	Жизнестойкость	0,175*
	Гибкость	0,346**
	Самостоятельность	0,193*

Прим.: * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,001$.

Обсуждение результатов

Анализируя полученные результаты, мы обратились к концепции этногенеза Л. Н. Гумилева о влиянии факторов культурной среды на психологические особенности представителей различных этносов. Этнос, по мнению автора, представляет собой устойчивый, естественно сложившийся коллектив людей, который существует как единая энергетическая система (Гумилев, 1990; Маслова, 2017). Важными факторами, определяющим своеобразие каждого этноса, является географическая среда, культурные нормы и традиции, соседние этносы и этническое окружение. На наш взгляд полученные результаты (отсутствие значимых различий между представителями армянской и чеченской этнических групп в отношении личностных ресурсов саморегуляции) могут свидетельствовать о том, что представители рассматриваемых этносов, в отличие от представителей русской этнической группы, имеют сходные условия географической среды и этнокультурные установки, сфокусированные на групповых ценностях в противовес индивидуализму, значимости соблюдения и сохранения традиций, устойчивости межпоколенных связей и пр.

Говоря о взаимосвязи жизнестойкости и саморегуляции, следует отметить, что в ряде исследований отечественных авторов обосновывается взаимосвязь жизнестойкости как личностного ресурса и способности человека осуществлять выбор (Леонтьев, 2019). Авторы экспериментально доказывают, что «в ситуации личностного выбора жизнестойкость выступает фактором, определяющим готовность выбирать новую, непривычную ситуацию, ситуацию неопределенности в противовес равнодушному, безличному выбору или выбору привычной и знакомой ситуации» (Леонтьев, 2019, с. 53). В данном исследовании авторы определили жизнестойкость как «один из ключевых параметров индивидуальной способности к зрелым и сложным формам саморегуляции, одну из опорных переменных личностного потенциала» (Леонтьев, 2019, с. 46).

Необходимо заметить, что в зарубежных исследованиях готовность к риску рассматривается во взаимосвязи с личностными характеристиками, в частности с «диспозиционным оптимизмом» как устойчивой чертой харак-

тера (Dohmen et al., 2019). Рассматривая оптимизм как преимущественное сосредоточение на положительных результатах, связанных с риском, авторы отмечают, что склонность концентрироваться на положительных (оптимизм) или отрицательных (пессимизм) результатах влияет на фактическое рискованное поведение человека. Ориентация на позитивные результаты существенно повышает возможности человека принимать риск и действовать в ситуации неопределённости, актуализируя весь свой потенциал. Таким образом, концепция риска в данном исследовании показывает взаимосвязь готовности к риску не столько с тем, насколько человек ориентирован на вероятность позитивного результата, а скорее на чем сфокусировано его внимание и как он относится в целом к своему жизненному опыту. Принятие риска в данном случае взаимосвязано со склонностью концентрироваться на позитивных моментах и положительных результатах.

В отечественных исследованиях интересна концепция риска Т. Н. Корниловой, разработанная в рамках общего научного подхода психологии выбора и изучения интеллектуально-личностного потенциала человека. Автор, раскрывая понятие риска в ситуации неопределённости отмечает, что снятие неопределенности в принятии решений часто становится более значимой задачей для человека, чем реализация выбора (Корнилова, 2014). В рамках этого подхода подчеркивается значимость задачи преодоления неопределённости как акта выбора, как интеллектуальных стратегий человека и возможного «риска в мышлении» (Корнилова, 2003). Таким образом, помимо понимания риска как следствия неполноты ориентировки в ситуации и характеристики риска как импульсивности в процессах принятия решений, задается еще один вектор: риск как «личностное принятие вызовов со стороны условий неопределённости» (Корнилова, 2003, с. 176). Данный методологический подход является важной теоретической базой для нашего исследования, позволяющей рассмотреть риск как способ конструирования человеком образа мира и себя в нем.

В рамках взаимосвязи готовности к риску и преодоления неопределённости интересно исследование Е. В. Шлыковой. В данном исследовании автор исследует готовность к риску как один из способов взаимодействия с ситуацией неопределённости (Шлыкова, 2021). На базе анализа данных «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)» автор выдвигает гипотезу о связи готовности к риску взрослого населения России с показателями скорости и успешности адаптации к условиям неопределённости. По результатам данного исследования на субъективную оценку готовности к риску влияют пол, возраст и уровень социального самочувствия респондентов. Исследователи русского этноса и этнических характеристик русского человека, отмечая необъятность, всеохватность, недифференцированность природных ландшафтных условий связывают готовность к риску с характером и «душой русского человека»: масштаб пространств и в то же время беспомощность перед ними, широта земель как «экстенсивность» душевной организации. Так Н. А. Бердяев отмечает, что «есть соответствие между необъятностью, безграничностью, бесконечностью русской земли и русской души, между географией физической и географией душевной» и далее «у русского народа была огромная сила стихии и сравнительная слабость формы» (Бердяев, 1997, с. 5).

Необходимо заметить, что целое направление зарубежных исследований сфокусировано на исследованиях мозга в аспекте принятия решения и волевых процессов. Так, Н. Liljenström с целью объяснения процессов, опосредующих принятие решений подчеркивает и экспериментально доказывает роль эмоциональных процессов и соответствующих структур мозга (миндалевидного тела и префронтальной коры) в выборе стратегий принятия решений (Hans, 2021). Результаты данного исследования подтверждают факт того, что в ситуации необходимости принятия решений при дефиците времени, доминируют эмоциональные процессы, в то время как интеллектуальная ориентировка может привести к задержке принятия решений. Необходимо заметить, что, безусловно, эмоции участвуют в процессе принятия решений и, в отличие от интеллектуальных процессов, в большей степени включаются в ситуации недостаточности времени и информационных перегрузок, в ситуации принятия решений на основе моральных суждений (выступая как основа выбора и представляя собой проявление глубинных желаний и потребностей); в ситуации недостаточности информации (эмоции как интуиция). Однако, влияние мозга на выбор стратегий принятия решений (в аспекте готовности к риску) ограничено. Отдельные центры мозга, такие как вентромедиальная префронтальная кора (обработка эмоциональных реакций человека, включая риск и страх), латеральная префронтальная кора (планирование, рациональность, исполнительные функции) вентральный стриатум (получение удовольствия и вознаграждения) являются скорее основой для выбора тех или иных стратегий, но проявление индивидуальных особенностей принятия решений (связанных или не связанных с проявлением риска) скорее требует личностных усилий и в большей степени может быть взаимосвязано с фокусом и направленностью внимания, как основы волевого усилия, преодолением себя в ситуации неопределённости.

Отдельная группа исследований представлена изучением личностных характеристик человека в соотношении с этническим своеобразием. Так, Т. Н. Банщикова с коллегами, раскрывая особенности взаимосвязи саморегуляции и толерантности к неопределенности с субъективным благополучием у молодых людей разных этнических групп, подтвердили обусловленность данных характеристик культурным контекстом (Банщикова и др., 2021). Так, у русских респондентов был зафиксирован профиль с гармоничной структурой (выраженность общего уровня саморегуляции), тогда как для карачаевцев, черкесов и осетин характерен акцентуированный профиль, проявляющийся в стремлении к четкому программированию своих действий, наличия алгоритма действий. Также, интересные результаты были получены относительно различий в толерантности к неопределённости у представителей различных этнокультурных групп: в рамках данного исследования эмпирически было доказано, что ме-

нее толерантны к неопределенности молодые люди из южных республик, в большей степени ориентированные на соблюдение традиций и склонные в ситуации неопределенности решать задачи в «готовом виде». Таким образом, этническое своеобразие во многом задает этнокультурный ресурс, определяющий возможности адаптации, что также подтверждают результаты нашего исследования.

Необходимо заметить, что в целом в зарубежных исследованиях понятие «саморегуляция» (self-regulation) часто употребляется в контексте смежного «самоконтроль» (self-control). Так в исследовании Wang, J. и Sun, Y. о взаимосвязи самоконтроля, отношения ко времени и академической прокрастинации у студентов, подтвердился фактор того, что саморегуляция и самоконтроль могут выступать предикторами, определяющими взаимосвязь между отношением ко времени и прокрастинацией (Wang & Sun, 2023). Студенты, которые при принятии решений оптимистичны в отношении будущих результатов и в целом ориентированы на будущее, будут регулировать свое текущее поведение (self-control) так, чтобы добиваться долгосрочных целей, тем самым снижая риск прокрастинации (Wang & Sun, 2023). Таким образом, расширяются представления о личностных ресурсах саморегуляции и подтверждается факт, что отношение ко времени во многом определяет возможности саморегуляции и в этом смысле может рассматриваться как личностный ресурс.

Описывая ресурсы саморегуляции в одной из статей, Д. А. Леонтьев, помимо ресурсов устойчивости (особенности ценностно-смысловой сферы), мотивационных, инструментальных и психологических ресурсов (толерантность к неопределенности, склонность к риску, полнезависимость, рефлексия, параметры временной перспективы и пр.) выделяет универсальные ресурсы саморегуляции, которые призваны компенсировать дефицит ресурсов устойчивости в экстремальных жизненных обстоятельствах (Леонтьев, 2016). Так, автор формулирует общий экзистенциальный закон: «дефицит любого ресурса повышает эффективность его использования» (Леонтьев, 2016, с. 24). Потеря стабильности сегодня – это фактор, который приводит человека к кризису, а вместе с ним к развитию. Это и есть те самые универсальные ресурсы, о которых писал Д. А. Леонтьев, ресурсы, которые отражают дефицит возможностей и тем самым увеличивают силу потенциала действия. На наш взгляд, готовность к риску – это личностная характеристика, задающая новые возможности адаптации, взаимосвязанная с актуализацией личностного усилия и личностного потенциала, с восприятием неудач не как фактора снижающего возможность действия, а скорее как опыта, из которого можно извлечь смысл и изменить траекторию движения. Это особое состояние «сензитивности к невозможному» которое позволяет человеку быть «подвижным в подвижном» (Асмолов, 2018). Так, раскрывая процессуальную природу личности, С. Н. Костромина отмечает, что личность как сложная саморазвивающаяся система обладает всеми признаками «неравновесности»: усложнение системы личности приводит к ее новой функциональной организации и структурной упорядоченности, к росту ее устойчивости. Так, автор отмечает, что «каждая возникшая ступень функциональной организации личности – период ее устойчивости (структурной упорядоченности) – несет в себе «зародыш» дальнейшего изменения» (Костромина, 2021, с. 23). Процессуальный подход, таким образом, ориентированный на изучение специфики образования новых структур или «потенциально возможного» направлен прежде всего на изучение «не существующего, а возникающего» (Костромина, 2021, с. 23). В этом сложность и масштаб психологического знания на этапе развития пост неклассической психологии.

Заключение. Результаты проведенного исследования существенно обогащают представления о ресурсах саморегуляции, позволяют по-новому рассмотреть этнокультурный потенциал для представителей различных этнических групп. Изучение психологических феноменов во взаимосвязи с этническим своеобразием представляет важное и перспективное направление современных исследований. В нашем исследовании обосновывается тезис о том, что готовность к риску может выступать в качестве адаптационного ресурса и обеспечивать эффективность процессов саморегуляции.

Список литературы

- Асмолов, А. Г. (2018). *Mobilis in mobili: личность в эпоху перемен*. Издательский Дом ЯСК.
- Банщикова, Т. Н., Соколовский, М. Л., и Коростелева, Т. В. (2022). Саморегуляция и толерантность к неопределенности как ресурсы субъективного благополучия современной молодежи: кросс-культурный аспект. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика*, 19(4), 717–743. <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2022-19-4-717-743>
- Бердяев, Н. А. (1997). *Русская идея*. Азбука-классика.
- Гумилев, Л. Н. (1990). *Этногенез и биосфера земли*. Гидрометеоиздат.
- Залевский, Г. В. (1993). *Психическая ригидность в норме и патологии*. ИТУ.
- Канеман, Д. (2014). *Думай медленно, решай быстро*. АСР.
- Клочко, В. Е. (2005). *Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в трансперспективный анализ)*. Томский государственный университет.
- Клочко, В. Е., и Клочко, Ю. В. (2015). Человек: открытая система в закрытой среде. *Сибирский психологический журнал*, 57, 6–16.
- Корнилова, Т. В. (2003). *Психология риска и принятия решений*. Аспект Пресс.
- Корнилова, Т. (2013). Мельбурнский опросник принятия решений: русскоязычная адаптация. *Психологические исследования*, 6(31). <https://doi.org/10.54359/ps.v6i31.671>

- Корнилова, Т. В. (2014). Перспективы динамической парадигмы в психологии выбора. Психологические исследования, 7(36). <https://doi.org/10.54359/ps.v7i36.611>
- Леонтьев, Д. А. (1992). *Тест смысложизненных ориентаций (СЖО)*. Смысл.
- Леонтьев, Д. А. (2016). Саморегуляция, ресурсы и личностный потенциал. *Сибирский психологический журнал*, 62, 18–37. <https://doi.org/10.17223/17267080/62/3>
- Леонтьев, Д. А., и Рассказова, Е. И. (2006). *Тест жизнестойкости*. Смысл.
- Леонтьев, Д. А., Овчинникова, Е. Ю., Рассказова, Е. И., и Фам, А. Х. (2019). *Психология выбора*. Смысл.
- Маслова, Е. К. (2017). Теория этногенеза Л.Н. Гумилева в контексте постнеклассической рациональности. *Вестник Томского государственного университета*, 419, 160–164. <https://doi.org/10.17223/15617793/419/2>
- Моросанова, В. И. (1998). *Индивидуальный стиль саморегуляции: феномен, структура и функции в произвольной активности человека*. Наука.
- Моросанова, В. И. (2021). Осознанная саморегуляция как метаресурс достижения целей и разрешения проблем жизнедеятельности. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, 1, 3–37. <https://doi.org/10.11621/vsp.2021.01.01>
- Петровский, В. А. (2021). Человек над ситуацией. Северный Паломник.
- Солдатова, Г. У., Рассказова, Е. И., и Нестик, Т. А. (2017). *Цифровое поколение России: компетентность и безопасность*. Смысл.
- Талеб, Н. (2014). *Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса*. Азбука-Аттикус.
- Шлыкова, Е. В. (2021). Готовность к риску как адаптационный ресурс: субъективные оценки взрослого населения России. *Социологическая наука и социальная практика*, 9(4), 61–77. <https://doi.org/10.19181/snsp.2021.9.4.8606>
- Dohmen, T., Quercia, S., & Willrodt, J. (2019). *Willingness to take risk: The role of risk conception and optimism*. SOEPpapers.
- Grenier, S., Barrette, A. M., & Ladouceur, R. (2005). Intolerance of uncertainty and intolerance of ambiguity: similarities and differences. *Personality and Individual Differences*, 39(3), 593–600. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2005.02.014>
- Jumana, Y. (2021). Breaking Beyond the Borders of the Brain: Self-Control as a Situated Ability. *Frontiers in Psychology*, 12. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.617434>
- Kostromina, S. N. (2021). Classic “Paradox of Personality”: Is there a theoretical and methodological basis for a solution? *New Psychological Research*, 1(2), 7–30. https://doi.org/10.51217/npsyresearch_2021_01_02_01
- Liljenström, H. (2021). Consciousness, decision making, and volition: freedom beyond chance and necessity. *Theory in Biosciences*, 141(2), 125–140. <https://doi.org/10.1007/s12064-021-00346-6>
- Maddi, S., & Kobasa, S. (1984). *The Hardy Executive: Health under Stress*. Dow Jones-Irwin.
- Wang, J., & Sun, Y. (2023). Time flies, but you’re in control: the mediating effect of self-control between time attitude and academic procrastination. *BMC Psychology*, 11(1), 393. <https://doi.org/10.1186/s40359-023-01438-2>
- Zelazo, D., & Flores, H. (2022). *Self-Regulation and Executive Function. Handbook of Special Education Research (1st ed.)*. Taylor & Francis Group. <https://doi.org/10.4324/9781003156857>

References

- Asmolov, A. G. (2018). *Mobilis in mobili: personality in an era of change*. YASK Publishing House. (In Russ.)
- Banshchikova, T. N., Sokolovsky, M. L., and Korosteleva, T. V. (2022). Self-regulation and tolerance to uncertainty as resources of subjective well-being of modern youth: cross-cultural aspect. *The Bulletin of the Russian University of Friendship of Nations. Series: Psychology and Pedagogy*, 19(4), 717–743. <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2022-19-4-717-743> (In Russ.)
- Berdyaev, N.A. (1997). *Russian idea*. Publ. Azbuka (In Russ.)
- Dohmen, T., Quercia, S., & Willrodt, J. (2019). *Willingness to take risk: The role of risk conception and optimism*. SOEPpapers.
- Grenier, S., Barrette, A. M., & Ladouceur, R. (2005). Intolerance of uncertainty and intolerance of ambiguity: similarities and differences. *Personality and Individual Differences*, 39(3), 593–600. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2005.02.014>
- Gumilev, L. N. (1990). *Ethnogenesis and the Biosphere*. Publ. Hydrometeoizdat (In Russ.)
- Jumana, Y. (2021). Breaking Beyond the Borders of the Brain: Self-Control as a Situated Ability. *Frontiers in Psychology*, 12. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.617434>
- Kahneman, D. (2014). *Think slowly, decide quickly*. ASAR
- Klochko, V. E. (2005). *Self-organization in psychological systems: problems of the formation of the mental space of the individual (introduction to prospective analysis)*. Tomsk State University. (In Russ.)
- Klochko, V. E., and Klochko, Yu. V. (2015). Human: an open system in a closed environment. *Siberian Psychological Journal*, 57, 6–16. (In Russ.)
- Kornilova, T. (2013). Melbourne Decision Making Questionnaire: Russian-language adaptation. *Psychological research*, 6(31). <https://doi.org/10.54359/ps.v6i31.671> (In Russ.)
- Kornilova, T. V. (2003). *Psychology of risk and decision-making*. Publ. Aspekt-Press. (In Russ.)
- Kornilova, T. V. (2014). Prospects for a dynamic paradigm in the psychology of choice. *Psychological research*, 7(36). <https://doi.org/10.54359/ps.v7i36.611> (In Russ.)
- Kostromina, S. N. (2021). Classic “Paradox of Personality”: Is there a theoretical and methodological basis for a solution? *New Psychological Research*, 1(2), 7–30. https://doi.org/10.51217/npsyresearch_2021_01_02_01 (In Russ.)

- Leontiev, D. A. (1992). *Meaningful Lifetime Orientation Test (LCOT)*. Publ. Smysl. (In Russ.)
- Leontiev, D. A. (2016). Self-regulation, resources and personal potential. *Siberian Psychological Journal*, 62, 18–37. <https://doi.org/10.17223/17267080/62/3> (In Russ.)
- Leontiev, D. A., & Rasskazova, E. I. (2006). *Personal Views Survey test*. Publ. Smysl. (In Russ.)
- Leontiev, D. A., Ovchinnikova, E. Yu., Rasskazova, E. I., and Fam, A. Kh. (2019). *Psychology of choice*. Publ. Smysl. (In Russ.)
- Liljenström, H. (2021). Consciousness, decision making, and volition: freedom beyond chance and necessity. *Theory in Biosciences*, 141(2), 125–140. <https://doi.org/10.1007/s12064-021-00346-6>
- Maddi, S., & Kobasa, S. (1984). *The Hardy Executive: Health under Stress*. Dow Jones-Irwin.
- Maslova, E. K. (2017). L.N. Gumilev's theory of ethnogenesis in the context of post-nonclassical rationality. *Bulletin of Tomsk State University*, 419, 160–164. <https://doi.org/10.17223/15617793/419/2> (In Russ.)
- Morosanova, V. I. (1998). *Individual style of self-regulation: phenomenon, structure and functions in arbitrary human activity*. Publ. Nauka (In Russ.)
- Morosanova, V. I. (2021). Conscious self-regulation as a meta-resource for achieving goals and solving life problems. *Moscow University Bulletin. Episode 14. Psychology*, 1, 3–37. <https://doi.org/10.11621/vsp.2021.01.01> (In Russ.)
- Petrovsky, V. A. (2021). *The person above the situation*. Publ. Severnyy Palomnik (In Russ.)
- Shlykova, E. V. (2021). Risk readiness as an adaptive resource: subjective assessments of the adult population of Russia. *Sociological Science and Social Practice*, 9(4), 61–77. <https://doi.org/10.19181/snsp.2021.9.4.8606> (In Russ.)
- Soldatova, G.U., Rasskazova, E.I., & Nestik, T.A. (2017). *Russia's Digital Generation: Competence and Security*. Publ. Smysl. (In Russ.)
- Taleb, N. (2014). *Antifragile. How to benefit from the chaos*. Publ. Azbuka-Atticus, 2014.
- Wang, J., & Sun, Y. (2023). Time flies, but you're in control: the mediating effect of self-control between time attitude and academic procrastination. *BMC Psychology*, 11(1), 393. <https://doi.org/10.1186/s40359-023-01438-2>
- Zalevsky, G. V. (1993). *Mental rigidity is normal and pathological*. Publ. ITU (In Russ.)
- Zelazo, D., & Flores, H. (2022). *Self-Regulation and Executive Function// Handbook of Special Education Research (1st ed.)*. Taylor & Francis Group. <https://doi.org/10.4324/9781003156857>

Об авторах:

Юлия Викторовна Селезнева, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и консультативной психологии, Донской государственной технической университет (Российская Федерация, 344003, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), [ORCID](https://orcid.org/0009-0001-9111-1111), yulya.selezneva@gmail.com

Анастасия Юрьевна Тарасова, аспирант, Донской государственной технической университет (Российская Федерация, 344003, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), [ORCID](https://orcid.org/0009-0001-9111-1111), na.design91@gmail.com

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

About the Authors:

Yulia Viktorovna Selezneva, Cand. Sci. (Psychology), Associate Professor of the General and Consultative Psychology Department, Don State Technical University (1, Gagarina Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), [ORCID](https://orcid.org/0009-0001-9111-1111), yulya.selezneva@gmail.com

Anastasia Yurievna Tarasova, postgraduate, Don State Technical University (1, Gagarina Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), [ORCID](https://orcid.org/0009-0001-9111-1111), na.design91@gmail.com

Conflict of interest: the authors do not have any conflict of interest.

The authors have read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию/received 02.06.2024

Поступила после рецензирования/revised 24.09.2024

Принята к публикации/accepted 24.09.2024

КОРРЕЦИОННАЯ ПСИХОЛОГИЯ CORRECTIONAL PSYCHOLOGY

УДК 159.922

<https://doi.org/10.23947/2658-7165-2024-7-5-65-74>

Оригинальное эмпирическое исследование

ZCUZFB

Особенности родительского отношения в семьях детей с синдромом дефицита внимания и гиперактивностью

Ирина А. Бакаева¹ , Евгения С. Кобыляцкая²

¹ Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

² Северо-кавказская железная дорога ОАО «РЖД», г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

 iabakaeva@sfedu.ru

Аннотация

Введение. Современный мир характеризуется глобальными изменениями технологий, общественного устройства, изменению подвергается также и психическая сфера детей и особенности их поведения. Происходит изменение тонких настроек психических познавательных процессов. Увеличилось число детей и подростков с признаками дефицита внимания и гиперактивности. Развитие детей с особенностями напрямую связано с родительским воспитанием и взаимоотношениями в семье. В дошкольном возрасте родительские отношения становятся определяющим фактором для построения отношений ребенка в будущем, они определяют успешность его социальной жизни. В исследовании рассматривались особенности отношения родителей к ребенку с синдромом дефицита внимания и гиперактивностью и отношение к семейной жизни.

Цель. Проанализировать специфику взаимоотношений в семьях с детьми СДВГ и аспекты развития ребенка с ограниченными возможностями здоровья.

Материалы и методы. Выявление дошкольников с СДВГ было проведено через изучение анамнестических сведений, неврологических диагнозов и экспертных оценок. В ходе исследования был применен следующий психодиагностический инструментарий: Тест Тулуз-Пьерона; Единая анкета для родителей и педагогов А. Б. Филипповой; Методика PARI (Е. С. Шефер, Р. К. Белл в адаптации Т. В. Нещерет); Проективная методика «Рисунок семьи».

Результаты исследования. В исследовании приняли участие 66 семей, воспитывающих детей с СДВГ и детей, не имеющих неврологических диагнозов, в возрасте 6–7 лет. В семьях детей с СДВГ по сравнению с семьями, воспитывающими детей с нормативным развитием, существуют различия в категориях «опека» и «доминирование родителей», преобладает роль матери «сверху». Имеется специфика в отношениях к семейной роли, часто встречается безучастность отца, склонность к конфликтам. Выявленные тенденции могут стать самостоятельной причиной для вторичной невротизации как матери ребенка с ОВЗ, так и самого ребенка.

Обсуждение результатов. Результаты исследования могут стать основой для психологической помощи как детям с ОВЗ, так и их родителям. Их можно применять при диагностике дисфункциональных семей и учитывать при постановке диагнозов детям с симптомами дефицита внимания и гиперактивности в связи с тем, что результаты неправильного воспитания могут стать причиной симптомов расстройства поведения ребенка.

Ключевые слова: детско-родительские отношения, синдром дефицита внимания, семейные отношения, ограниченные возможности здоровья, социальная адаптация, коммуникация, опасное общение с детьми

Для цитирования. Бакаева, И. А., и Кобыляцкая, Е. С. (2024). Особенности родительского отношения в семьях детей с синдромом дефицита внимания и гиперактивностью. *Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология*, 7(5), 65–74. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2024-7-5-65-74>

Features of Parental Attitudes in Families of Children with Attention Deficit Hyperactivity Disorder

Irina A. Bakaeva¹ , Evgeniya S. Kobylatskaya²

¹ Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

² North Caucasus Railway “Russian Railways”, Rostov-on-Don, Russian Federation

 iabakaeva@sfedu.ru

Abstract

Introduction. The modern world is characterized by global changes in technology, social structure, the mental sphere of children and features of their behavior are also subject to change. There is a change in the fine tuning of mental cognitive processes. The number of children and adolescents with signs of attention deficit and hyperactivity has increased. The development of children with peculiarities is directly related to parental upbringing and relationships in the family. In preschool age parental relations become a determining factor for building the child's relations in the future, they determine the success of his social life. The study considered the peculiarities of parents' attitudes towards a child with attention deficit hyperactivity disorder and attitudes towards family life.

Objective. To analyze the specificity of relationships in families with ADHD children and aspects of child development with disabilities.

Materials and Methods. Identification of preschoolers with ADHD was carried out through the study of anamnestic data, neurological diagnoses and expert evaluations. The following psychodiagnostic tools were used during the study: Toulouse-Pieron test; Unified questionnaire for parents and teachers by A. B. Filippova; PARI technique (E. S. Schaefer, R. K. Bell adapted by T. V. Nescheret); Projective technique “Family Drawing”.

Results. The study involved 66 families raising children with ADHD and children without neurological diagnoses, aged 6–7 years. In families of children with ADHD compared to families raising children with normal development, there are differences in the categories of “custody” and “parental dominance”, the role of the mother “on top” prevails. There is a specificity in attitudes to the family role, father's indifference and tendency to conflicts are common. The revealed tendencies can become an independent reason for secondary neurotization of both the mother of a child with disabilities and the child himself.

Discussion. The results of the study can become the basis for psychological help to both children with disabilities and their parents. They can be applied in diagnosing dysfunctional families and taken into account when diagnosing children with symptoms of attention deficit and hyperactivity disorder due to the fact that the results of improper upbringing can cause symptoms of a child's behavior disorder.

Keywords: child-parent relations, attention deficit disorder, family relations, disability, social adaptation, communication, dangerous communication with children

For Citation. Bakaeva, I. A., & Kobylatskaya, E. S. (2024) Features of parental attitudes in families of children with attention deficit hyperactivity disorder. *Innovative science: psychology, pedagogy, defectology*, 7(5), 65–74. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2024-7-5-65-74>

Введение

В современном мире ускорился привычный ритм жизни, изменились производственная и социальная сфера, поток дел и забот в жизни каждого меняется с каждым днем. Особенности взаимоотношений в семье также подвержены изменениям. Именно в семье человек учится взаимоотношениям, а в общении родителями получает представление о добре и зле, нормах и правилах. Проблема семейных и родительских отношений изучается отечественными и зарубежными авторами с различных сторон на протяжении долгого времени. Среди принципов и особенностей функционирования семьи они выделяют главенствующую роль отношений ребенка с родителями в становлении его личности и формировании психологических особенностей.

Исходя из анализа отечественных исследований под родительским отношением мы понимаем «систему, или совокупность, родительского, эмоционального отношения к ребенку, восприятие ребенка родителем и способов поведения с ним» (Байбародских, 2015, с. 61). Э. Г. Эйдемиллер выделяет более широкий спектр параметров родительского отношения: уровень протекции – мера занятости родителей воспитанием, оценка того, сколько сил, времени, внимания уделяют родители ребенку; полнота удовлетворения потребностей ребенка (материально-бытовых и духовных); степень предъявления требований – количество и качество обязанностей ребенка; степень заботы – мера самостоятельности ребенка, возможность самому выбирать способ поведения; строгость санкций – приверженность родителей к наказаниям как приему воспитания; устойчивость стиля воспитания – выраженность колебаний, резкости смены приемов воспитания (Эйдемиллер, 2005).

В семье ребенка с ограниченными возможностями здоровья, имеющего особенности развития, присутствует определенная специфика во взаимоотношениях между членами семьи (Байбародских, 2015). Особенности принятия самого факта появления такого члена семьи, уход за ним и его развитие, заботы и печали, успехи: все это вносит специфику во взаимоотношения родителей между собой и в детско-родительские взаимоотношения (Иневаткина, 2013). В современных условиях внедрения различных вспомогательных репродуктивных технологий возникают особые типы развития ребенка, исследователями анализируется специфика детского развития и особенностей семейной среды (Бохан, 2023). Семейные и родительские отношения в семье ребенка с ОВЗ рассматриваются как дисфункциональные, где часто нарушение структуры семейных отношений связано с травматизацией родителей по поводу рождения ребенка с особенностями (Игнатенко, 2015). Родительские взаимоотношения в семье с ребенком с СДВГ изучены со стороны взаимосвязи отношений и поведения ребенка с ограниченными возможностями здоровья, отмечается преимущество стилей гиперопекающего или отвергающего отношения со стороны родителей (Мазина, 2013). В работах отмечается влияние факторов семейного воспитания на формирование вторичных и третичных дефектов у ребенка. Синдром дефицита внимания и гиперактивности наиболее часто определяется и связывается с детско-родительскими отношениями (Сельмурзаева, 2022). На сегодняшний день существует проблема дифференцирования СДВГ по сравнению с другими нарушениями поведения и внимания детей, что связано с диффузностью проявления признаков поведения (Wang, 2022). Появляются новые программы изучения специфики когнитивных и поведенческих процессов при этом синдроме (Tucha, 2011). В исследованиях указывается, что семья ребенка с синдромом дефицита внимания и гиперактивности оказывается во власти условий структурной размытости, диффузности, нарушений в принятии ролей, что в целом вызывает воспитательную неуверенность (Макарова и др., 2012). Непоследовательность и низкая психологическая культура родителей могут усугублять дефект ребенка (Сиротюк, 2008). Зачастую копинг-стратегии матерей ребенка с ограниченными возможностями здоровья связаны с неосознанным отвержением и вследствие этого недостаточным вниманием к потребностям ребенка (Цыганкова, 2011). Исследования взаимоотношений в семье, имеющей детей с СДВГ вызвана необходимостью консультации родителей детей с синдромом дефицита внимания и гиперактивностью по вопросам семейных взаимоотношений и развитию детей, разработке коррекционных мероприятий для детских садов и школьных коллективов, где присутствуют такие дети. В современных исследованиях глубоко затрагиваются не только вопросы патогенеза и течения расстройства, но и формулируются пути развития и компенсации дефекта ребенка с СДВГ (Заваденко, 2005). Авторами, исследующими синдром дефицита внимания и гиперактивности, подчеркивается роль воспитания и социальных факторов в формировании картины поведения ребенка. Так, использование инновационных методов, основанных на цифровых технологиях, видеоиграх и игровых методах возможно при установлении доверительных и конструктивных семейных отношений (Ноч, 2023).

Несмотря на то, что особенности семьи и отношений ребенка с ОВ описываются авторами, ведется диагностическая и консультационная работа в психологических центрах, проблема родительских отношений в семье с ребенком с ОВЗ остается актуальной. Каждый ребенок с ОВЗ особый, ведь развитие его направлено по своему уникальному пути. При развитии с недостатками внимания и памяти особенно важно учитывать социальную ситуацию развития для становления характера, самооценки, самоконтроля ребенка. Теоретическая значимость исследования состоит в изучении специфики взаимоотношений в семьях с детьми, имеющими СДВГ, выявлении связей между функционированием семьи и особенностями развития такого ребенка. Практическая значимость проявляется в том, что родители детей с особенностями развития часто нуждаются в консультативной помощи и психотерапевтическом участии, но, в силу неимения информации по данному вопросу, не обращаются к специалистам. **Целью** данного исследования являлось изучение особенностей родительского отношения в семьях с детьми с синдромом дефицита внимания и гиперактивностью. Гипотезы нашего исследования были сформулированы следующим образом:

1. Существуют различия родительского отношения к детям с синдромом дефицита внимания и гиперактивностью, детям с тенденциями к СДВГ и нормативно развивающимся детям.
2. Существует взаимосвязь между проявлениями СДВГ и характеристиками родительского отношения.

Материалы и методы

Диагностический инструментарий данного исследования составили:

1. Тест Тулуз-Пьерона, который направлен на изучение свойств внимания (концентрации, устойчивости, переключаемости) и психомоторного темпа, вторично оценивает точность и надежность переработки информации, волевую регуляцию, личностные характеристики работоспособности и динамику работоспособности во времени. В нашем случае использовался для диагностики и выявления недостатков внимания в рамках синдрома дефицита внимания детей.
2. Единая анкета для родителей и педагогов Филипповой (Опросник для родителей по ADHD Rating Scale-IV for parents). Данный тест предназначен для оценки основных симптомов СДВГ: невнимательности, импульсивности и гиперактивности. Анкета предлагалась родителям детей с установленным диагнозом и детям из нормотипичной выборки.
3. Методика PARI (Е. С. Шефер, Р. К. Белл, в адаптации Т. В. Нещерет) предназначена для изучения отношения родителей, преимущественно матерей, к разным сторонам семейной жизни (семейной роли). В методике опи-

саны 23 аспекта-признака, касающиеся разных сторон отношения родителей к ребенку и жизни в семье. В эти методики входят признаки, описывающие отношение к семейной роли, а также признаки, которые касаются родительско-детских отношений. Последние признаки делятся на 3 группы: оптимальный эмоциональный контакт, излишняя эмоциональная дистанция с ребенком, излишняя концентрация на ребенке.

4. Проективная методика «Рисунок семьи» помогает составить представление об оценке ребенком семьи, взаимоотношений между родителями и детьми, эмоциональное отношение самого ребенка и членов семьи.

В качестве методов статистической обработки данных нами применялся корреляционный анализ с применением коэффициента ранговой корреляции Пирсона для выявления вероятностной связи показателей; U-критерий Манна-Уитни с целью выявления межгрупповых различий по изучаемым признакам; h-критерий Крускалла-Уоллиса с целью выявления значимых различий в нескольких группах. Для обработки данных были использованы стандартные компьютерные программы статистического анализа данных: SPSS Statistics.

Результаты исследования

Эмпирическое исследование было организовано на базе ЧДОУ Детский сад № 96 ОАО «РЖД» г. Ростова-на-Дону. В нем приняли участие 66 семей, в которых воспитываются дети с СДВГ и дети, не имеющие неврологических диагнозов, в возрасте 6–7 лет. Среди них 27 мальчиков и 39 девочек. А также 66 мам в возрасте от 26 до 49 лет.

Проанализировав анамнестические сведения исследуемых, мы выяснили, что в соответствии с социальным паспортом учреждения и медицинскими картами 30 % детей имеют ограниченные возможности здоровья. Среди них большинство детей (16,5 %) имеют неврологический диагноз ММД (минимальные мозговые дисфункции). У 4,5 % респондентов выявлен сколиоз, у 3 % – задержка психического развития, 3 % – миопия. По 1,5 % – фонетико-фонематические нарушения речи и алалия. Выборка представлена детьми с особенностями развития разного характера, респонденты имеют ограничения здоровья в разной степени. Соответственно 70 % респондентов не имеют особенностей здоровья, выявленных при медицинском обследовании.

Результаты выполнения методики Тулуз-Пьерона мы проанализировали с точки зрения скорости и точности выполнения заданий (таблица 1). Эта методика использовалась нами как основополагающая при исследовании учащихся, так как она диагностирует именно особенности внимания и оперативной памяти детей. Анализ результатов исследования показал, что 50 % респондентов имеют патологический уровень точности выполнения теста. Это свидетельствует о том, что развитость произвольного внимания и, в особенности, способность к произвольной концентрации у этих детей может быть нарушена. Выяснилось также, что 44 % учащихся имеют проблемы со скоростью выполнения задания; у 29 % скорость выполнения находится на уровне возрастной нормы, у 8 % детей хорошая скорость выполнения. У 21 учащегося, 32 % всей группы, страдает и точность, и скорость выполнения. Предположительно эти дети имеют в анамнезе синдром дефицита внимания с гиперактивностью.

Таблица 1

Обобщенные результаты скорости и точности выполнения теста Тулуз-Пьерона дошкольниками

Варианты выполнения	Точность выполнения		Скорость выполнения		Скорость и точность	
«Патология»	33	50	29	44	21	32
«Слабая»	4	6	–	–	12	18
«Норма»	12	18	29	44	14	20
«Хорошая»	10	16	8	12	8	12
«Высокая»	7	10	–	–	12	18

На основании данных этой методики было выделено три группы детей для дальнейшего анализа результатов в соответствии с наблюдающимися у них признаками СДВГ по трем критериям:

- наличие диагноза невролога: ММД, СДВГ, ЗПР;
- «патологических» вариантов по тесту Тулуз-Пьерона;
- признаков СДВГ в соответствии с анкетированием родителей:

1 Эмпирическая, в которую вошли дети с СДВГ (имеющие положительное значение по двум и более критериям);

2 Эмпирическая, в которую вошли дети, имеющие положительные значения по одному критерию;

3 Контрольная, в которую вошли дети, у которых не обнаружено признаков СДВГ.

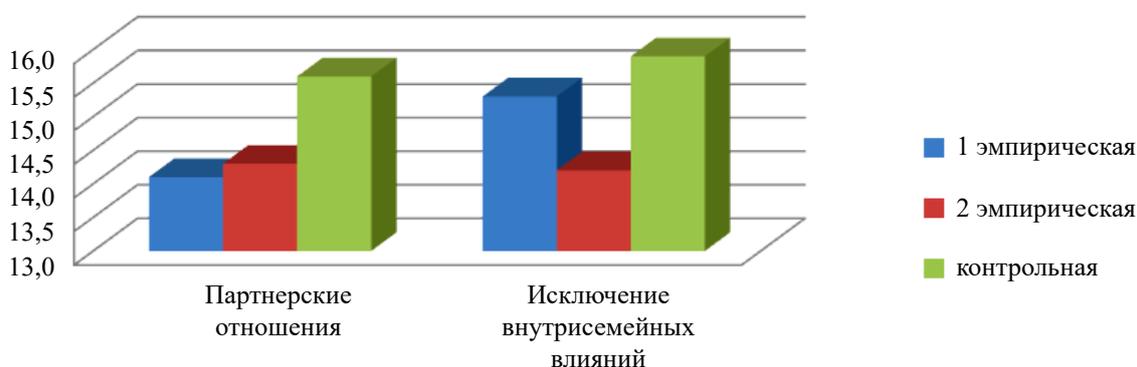
В отношении родителей к ребенку (в соответствии со шкалами методики PARI), при оценке оптимального эмоционального контакта можно говорить о том, что высокие значения наблюдаются по шкале «развитие активности ребенка» в семьях, имеющих детей с СДВГ. В отношении излишней концентрации на ребенке с СДВГ преобладают такие виды отношений как «подавление воли» «подавление агрессивности», «чрезвычайное вмешательство в мир ребенка», «стремление ускорить развитие ребенка». Если рассматривать особенности отношений в группах матерей, имеющих и не имеющих детей с СДВГ, а также в семьях с детьми с тенденцией к СДВГ, достоверно

значимые различия наблюдаются по шкалам «Партнерские отношения» ($H = 8,2$, при $\alpha < 0,01$), и «Исключение внутрисемейных влияний» ($H = 8,7$, при $\alpha < 0,01$), (рисунок 1). Это говорит о том, что «партнерские отношения» значимо более важны и тщательнее сохраняются в семьях с нормативным развитием ребенка.

«Исключение внутрисемейных влияний» также в наибольшей степени проявляется в семьях, воспитывающих детей с нормативным развитием, то есть ребенок растет отгороженным от конфликтов и сильных эмоциональных переживаний. Напротив, в семьях, где имеется тенденция к СДВГ, то есть СДВГ «видится» родителями или же поведение ребенка выходит за рамки нормативного, наименее низкий показатель «исключения внутрисемейных влияний», то есть в таких семьях родители меньше стремятся отгораживать ребенка от реальности, возможно, он еще становится свидетелем бурных эмоций, конфликтов, чрезмерных проблем, что напрягает и возбуждает его неокрепшую психику и в дальнейшем может выливаться в гиперактивное поведение.

Рисунок 1

Результаты исследования родительских отношениях матерей к семейной ситуации и отношения к ребенку в группах детей с СДВГ и нормотипичных детей

Также в процессе статистического анализа мы проверили различия в родительских отношениях в семьях с детьми с СДВГ, а также в семьях, где имеются тенденции к СДВГ, есть различия в отношении матерей к семейным отношениям. Достоверные различия обнаружились в шкале «доминирование матери» ($U = 156$, при $\alpha < 0,01$), то есть в группе детей с тенденциями к СДВГ этот показатель был значимо выше. Напротив, «опасение обидеть» ($U = 152,5$, при $\alpha < 0,01$) и «исключение внутрисемейных влияний» ($U = 162$, при $\alpha < 0,01$) преобладает в семьях с детьми с СДВГ (рисунок 2). То есть можно судить о том, что в семьях детей с СДВГ произошло признание дефекта ребенка и происходит становление отношений в соответствии с особенностями развития психики ребенка. Больше времени и сил родителей тратится на установление отношений с ребенком. При этом в семьях, где у ребенка наблюдается тенденция к СДВГ такого пристального внимания к отношениям с ребенком не наблюдается.

Рисунок 2

Результаты исследования родительских отношениях матерей детей с СДВГ и тенденцией к СДВГ

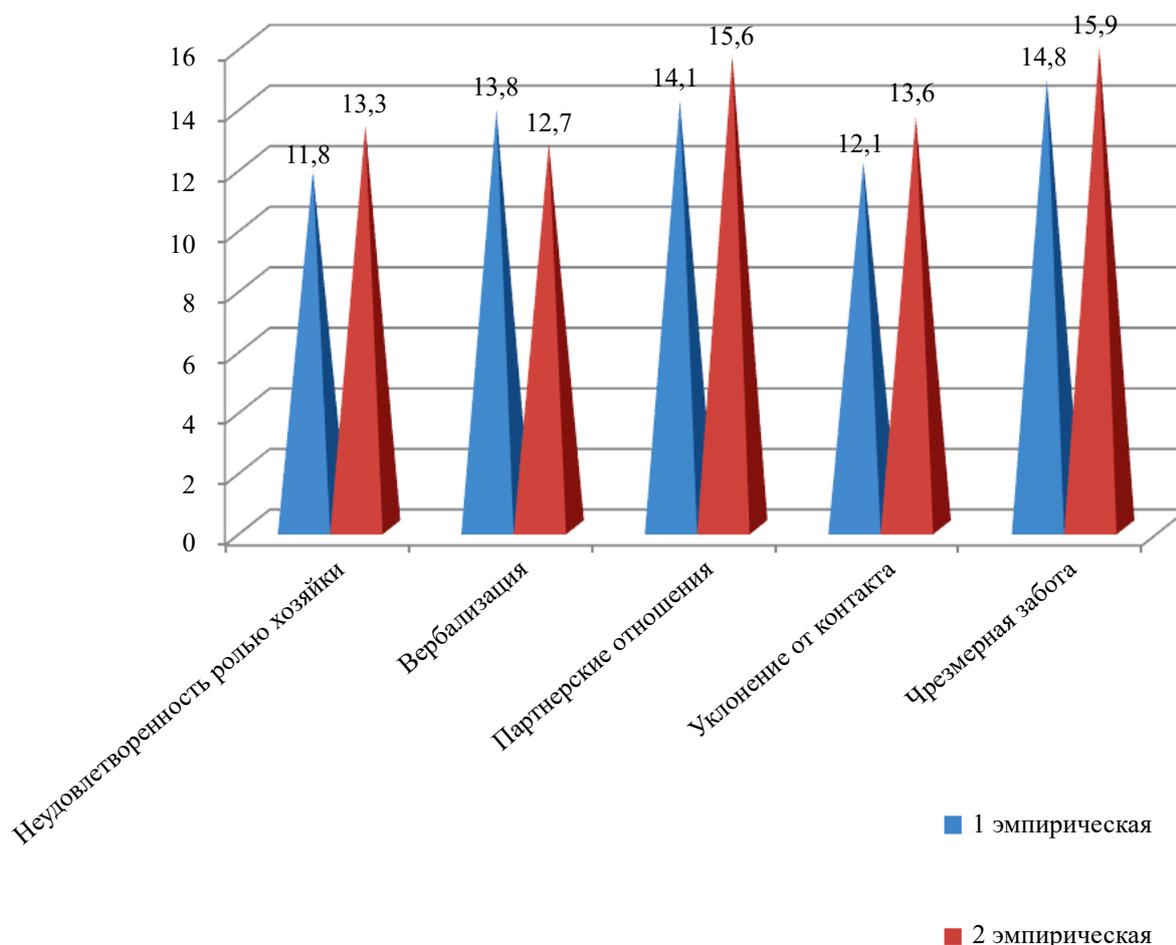
В семьях детей с тенденциями к СДВГ проявляются факторы, которые могли сыграть невротизирующую роль в процессе развития личностных особенностей ребенка (рисунок 2). Также обнаружено, что существуют значимые различия по шкалам отношения к семейной роли и отношения к детям. Так, значение по шкале «неудовлетворенность ролью хозяйки» ($U = 151,5$, при $\alpha < 0,01$) значимо выше в семьях детей с СДВГ, чем в семьях с нормативным развитием детей. При этом по шкале «уклонение от контакта» ($U = 145$, при $\alpha < 0,01$) и «чрезмерная забота» ($U = 177$, при $\alpha < 0,01$) выше значения в группе здоровых сверстников. То есть в семьях детей с нормативным развитием в большей степени происходит отделение от детей, коммуникация не слишком глубокая, их растят более самостоятельными, не привязывая к себе.

По шкале «партнерские отношения» (U -критерий = 136, при $\alpha < 0,01$) значимо выше показатели в семьях со здоровыми детьми, но при этом «вербализация» ($U = 159,5$, при $\alpha < 0,01$), то есть проговаривание проблем, чувств и взаимоотношений с ребенком ниже. Данные особенности мы связываем с тем, что в семьях со здоровыми детьми родители раньше видят в детях более взрослых людей, с которыми можно вести партнерский диалог.

В семьях, где у детей имеются тенденции к СДВГ (чаще не подтвержденные неврологическим диагнозом, но проявляющиеся объективно в недостатках внимания и памяти, а также субъективно воспринимаемые родителями как патологические проявления) имеются различия в отношениях к семейной роли и родительских отношениях по сравнению семьями с детьми с нормативным развитием (рисунок 3).

Рисунок 3

Результаты исследования родительских отношениях матерей детей с СДВГ и матерей детей с нормативным развитием

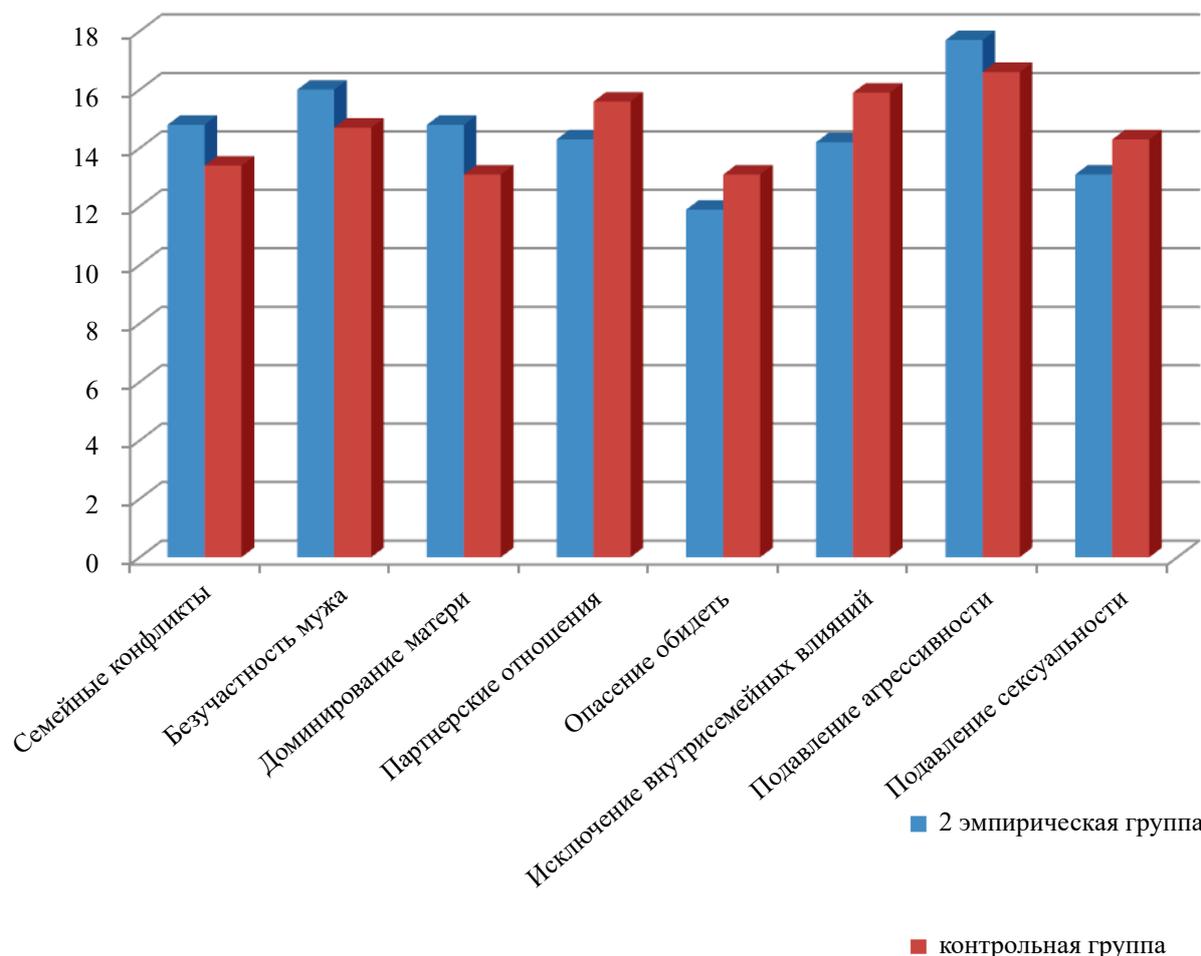

Если рассматривать отношение к семейной роли, можно заметить, что в контрольной группе значимо ниже показатели по шкалам «семейные конфликты» ($U = 159,5$, при $\alpha < 0,01$), «безучастность мужа» ($U = 162$, при $\alpha < 0,01$), «доминирование матери» ($U = 146,5$ при $\alpha < 0,01$). При этом в отношениях родителей к ребенку заметно, что в семьях второй эмпирической группы значимо хуже развиты «партнерские отношения» ($U = 136$, при $\alpha < 0,01$), «опасение обидеть» ($U = 136$, при $\alpha < 0,01$), «исключение внутрисемейных влияний» ($U = 136$, при $\alpha < 0,01$), «подавление сексуальности» ($U = 136$, при $\alpha < 0,01$), то есть ребенка не воспринимают как равного, как партнера в семье, но при этом и не оберегают от обид, склок, конфликтов, чрезмерной эмоциональности. То есть

ребенок не имеет достаточной «самоценности» в этой семье, по сравнению с ребенком в семьях контрольной группы. Показатель «подавление агрессивности» ($U = 166$, при $\alpha < 0,01$) значимо выше в группе с тенденцией к СДВГ, что может быть связано с объективным поддержанием контроля у ребенка с особенностями поведения, но при этом может указывать и на авторитарный доминантный стиль руководства родителей (рисунок 4).

Рисунок 4

Различий в родительских отношениях матерей детей с тенденцией к СДВГ и матерей детей с нормативным развитием

Корреляционный анализ особенностей родительского отношения в разных группах детей с СДВГ и тенденциями СДВГ, показал, что существует двухсторонняя значимая связь между такими показателями как:

группа исследования, то есть дети с СДВГ, с тенденцией к СДВГ или нормативные сверстники и показателем родительского отношения «исключение внутрисемейных влияний» ($r = -0,370$; $P \leq 0,01$);

между родительскими оценками в анкетировании по выявлению признаков СДВГ и точностью выполнения заданий в тесте Тулуз-Пьерона существует обратная связь ($r = -0,632$; $P \leq 0,01$) что говорит о том, что родители достаточно верно субъективно оценивают способности своих детей по сравнению с объективными методиками;

между показателем «точность оценок по тесту Тулуз-Пьерона» и «чрезмерной заботливостью» в родительских отношениях по PARI ($r = 0,322$; $P \leq 0,01$), что говорит о том, что в семьях детей с проблемами с вниманием и точностью заданий меньше проявляется заботливость родителей;

а также между показателем «скорость выполнения заданий по тесту Тулуз-Пьерона» и «неудовлетворенностью ролью хозяйки» в семейных отношениях по PARI ($r = 0,345$; $P \leq 0,01$), что дает парадоксальный результат, при этом подчеркивает степень родительского влияния. Мать, которая сама тяготеет своей домашней ролью, видимо стремится к исполнению других ролей, приучает детей к высокой скорости выполнения действий.

Обсуждение результатов

Анализ теоретических исследований по данной проблеме позволяет сделать некоторые выводы:

1. Особенности развития ребенка с ограниченными возможностями здоровья являются дополнительным травмирующим фактором в выстраивании семейной ситуации. В ситуации нарушенных семейных отношений в силу

критичности, саморазрушающего и невротизирующего взаимодействия родителей, важным оказывается роль прощения личностью, которая занимает место стабилизирующего фактора. Авторы показывают, что необходима отдельная психотерапевтическая и профилактическая работа с родителями детей с ОВЗ (Игнатенко, 2015).

2. Родители выражают в семейной ситуации свои невротические проявления, страх, тревогу, вину и другие, что не может не отражаться на семейных отношениях. Выявлено, что родители детей с СДВГ имеют низкий уровень эмоциональной дифференцированности, значительную тревожность. Матери демонстрируют разнонаправленные проявления по отношению к ребенку от нежности до полной эмоциональной отстраненности (Макарова, 2012).

Необходимо учитывать как особенности когнитивных процессов ребенка, так и специфику его развития и поведения в разработке коррекционных программ нового типа. В исследованиях показано, что избыточная моторная активность может выступать как компенсаторный механизм, который облегчает нейрокогнитивное функционирование у детей с СДВГ (Sarver, 2015). Также необходимо детальное изучение родительского отношения, родительских установок, особенностей взаимодействия в семьях с детьми с СДВГ для разработки коррекционных программ, программ сопровождения, консультирования родителей и специалистов, взаимодействующих с данной категорией детей, необходимо сопровождение различных видов взаимоотношений в семье с ребенком с СДВГ (Заваденко, 2005).

Эмпирическое исследование подтвердило, что в семьях детей с СДВГ по сравнению с семьями, воспитывающими детей с нормативным развитием, существуют различия. Они заключаются в более сильной опеке и доминировании родителей, преобладании роли «сверху» в семьях детей с ОВЗ. При этом в семьях с детьми, не имеющими подобного диагноза, отношения более партнерские, при чем это проявляется и в семейной роли, и в родительской. Также забота проявляется больше, но она «со стороны», не требует постоянного контакта и контроля. Выявились особенности как в отношениях к семейной роли (наличие таких негативных тенденций, как безучастность отца, склонность к конфликтам), так и различия в родительских отношениях, которые можно расценивать, как неуважение к личности ребенка, проявляющееся в низких партнерских отношениях, меньшем опасении обидеть и «неисключении» семейных влияний.

Таким образом, мы подтвердили, что семейная история и семейная система имеет большое значение в развитии ребенка с синдромом дефицита внимания и гиперактивностью. Родительское отношение и установки относительно ребенка и самого себя в своей родительской роли, связаны с поведенческими паттернами ребенка и его проявлениями в образовании.

Для развития успешной консультативной и коррекционной помощи семьям с детьми с СДВГ необходимо консультировать родителей по вопросам родительских и супружеских отношений, создавать тренинговые программы для родителей детей с ОВЗ. Односторонняя помощь только ребенку не будет создавать необходимого эффекта, так как может нивелироваться особенностями отношений внутри семьи и будет происходить откат поведения к прежним схемам.

Список литературы

- Байбародских, И. Н. (2015). Родительская позиция в семейных отношениях. *Научный альманах*, 10–2 (12), 60–64.
- Бохан, Т. Г., Лещинская, С. Б., Терехина, О. В., Силаева, А. В., и Шабаловская, М. В. (2023). Типологические варианты развития детей, рожденных с помощью вспомогательных репродуктивных технологий, и характеристики их семейной среды. *Российский психологический журнал*, 20(2), 211–229. <https://doi.org/10.21702/rpj.2023.2.13>
- Заваденко, Н. Н. (2005). *Гиперактивность и дефицит внимания в детском возрасте: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению и специальностям психологии*. Academia.
- Игнатенко, О. Е. (2015). К вопросу прощения в родительских отношениях в семьях с детьми с ограниченными возможностями здоровья. *Вестник педагогических инноваций*, 1(37), 112–119.
- Иневаткина, С. Е. (2013). Детско-родительские отношения – основной фактор развития ребенка. *Гуманитарные науки и образование*, 1(13), 53–56.
- Мазина, А. К. (2015). *Особенности развития познавательной и эмоциональной сферы детей с синдромом дефицита внимания и гиперактивностью в ситуации смысловых инициаций* [кандидатская диссертация]. ЮФУ.
- Мазина, А. К. (2013). Ценностно-смысловые деформации детей дошкольного возраста с синдромом дефицита внимания и гиперактивности. *Северо-кавказский психологический вестник*, 11(3), 37–40.
- Макарова, И. Ю. (2012). Семья гиперактивного ребенка. *Вестник Брянского государственного университета*, 1–1, 239–243.
- Сельмурзаева, М. Р. (2022). Проблема синдрома дефицита внимания с гиперактивностью и подходы к его коррекции. *Известия Чеченского государственного педагогического университета. Серия 1. Гуманитарные и общественные науки*, 2(38), 106–113. <https://doi.org/10.54351/25876074-2022-2-38-106>
- Сиротюк, А. Л. (2008). *Синдром дефицита внимания с гиперактивностью. Диагностика, коррекция и практические рекомендации родителям и педагогам*. ТЦ Сфера.

Цыганкова, Н. И. (2011). Гиперактивные дети: воспитательная практика и копинг-стили матерей. *Медицинская психология в России*, 3(8).

Эйдемиллер, Э. Г. (2005). *Семейный диагноз и семейная психотерапия: учеб. пособие для врачей и психологов*. Речь.

Sarver, D. E., Rapport, M. D., & Kofler, M. J. (2015). Hyperactivity in Attention-Deficit/Hyperactivity Disorder (ADHD): Impairing Deficit or Compensatory Behavior? *Journal of Abnormal Child Psychology*, 43(7), 1219–1232. <https://doi.org/10.1007/s10802-015-0011-1>

Wang, X. Q., Albitos, P. Ja., & Hao, Y. Fu. (2022). A review of objective assessments for hyperactivity in attention deficit hyperactivity disorder. *Journal of Neuroscience Methods*, 370, 109479. <https://doi.org/10.1016/j.jneumeth.2022.109479>

Hou, Ya., Dai, Si., Shen, Y., & Ou, J. (2023). Novel attention training in children with attention deficit. Hyperactivity disorder. *Global Clinical and Translational Research*, 12–15. <https://doi.org/10.36316/gcatr.05.0048>

Tucha, O., Tucha, L., & Kaumann, G. (2011). Training of attention functions in children with attention deficit hyperactivity disorder. *ADHD Attention Deficit and Hyperactivity Disorders*, 3, 271–283. <https://doi.org/10.1007/s12402-011-0059-x>

References

Baibarodskikh, I. N. (2015). Parental position in family relations. *Scientific Almanac*, 10–2 (12), 60–64. (In Russ.)

Bohan, T. G., Leshchinskaya, S. B., Terekhina, O. V., Silaeva, A. V., & Shabalovskaya, M. V. (2023). Typological variants of the development of children born after assisted reproduction, and their family environment characteristics. *Russian Psychological Journal*, 20(2), 211–229. (In Russ.) <https://doi.org/10.21702/rpj.2023.2.13>

Eidemiller, E. G. (2005). *Family diagnosis and family psychotherapy: textbook for doctors and psychologists*. Speech. (In Russ.)

Ignatenko, O. E. (2015). To the question of forgiveness in parental relations in families with children with health impact assessment. *Bulletin of Pedagogical Innovations*, 1(37), 112–119. (In Russ.)

Inevatkina, S. E. (2013). Child-parent relations – the main factor of child development. *Humanities and Education*, 1(13), 53–56. (In Russ.)

Mazina, A. K. (2015). *Features of the development of cognitive and emotional sphere of children with attention deficit hyperactivity disorder in the situation of semantic initiations* [PhD thesis]. SFU. (In Russ.)

Mazina, A. K. (2013). Value-sense deformations of preschool children with attention deficit hyperactivity disorder. *North-Caucasian Psychological Bulletin*, 11(3), 37–40. (In Russ.)

Makarova, I. Y. (2012). The family of a hyperactive child. *Vestnik Bryansk State University*, 1–1, 239–243. (In Russ.)

Sirotyuk, A. L. (2008). *Attention deficit hyperactivity disorder. Diagnosis, correction and practical recommendations to parents and teachers*. TC Sphere. (In Russ.)

Selmurzaeva, M. R. (2022). The problem of attention deficiency with hyperactivity and approaches to its correction. *Bulletin of Chechen State Pedagogical University. Series 1. Human and Social Sciences*, 2(38), 106–113. (In Russ.) <https://doi.org/10.54351/25876074-2022-2-38-106>

Sarver, D. E., Rapport, M. D., & Kofler, M. J. (2015). Hyperactivity in Attention-Deficit/Hyperactivity Disorder (ADHD): Impairing Deficit or Compensatory Behavior? *Journal of Abnormal Child Psychology*, 43(7), 1219–1232. <https://doi.org/10.1007/s10802-015-0011-1>

Wang, X. Q., Albitos, P. Ja., & Hao, Y. Fu. (2022). A review of objective assessments for hyperactivity in attention deficit hyperactivity disorder. *Journal of Neuroscience Methods*, 370, 109479. <https://doi.org/10.1016/j.jneumeth.2022.109479>

Hou, Ya., Dai, Si., Shen, Y., & Ou, J. (2023). Novel attention training in children with attention deficit. Hyperactivity disorder. *Global Clinical and Translational Research*, 12–15. <https://doi.org/10.36316/gcatr.05.0048>

Tucha, O., Tucha, L., & Kaumann, G. (2011). Training of attention functions in children with attention deficit hyperactivity disorder. *ADHD Attention Deficit and Hyperactivity Disorders*, 3, 271–283. <https://doi.org/10.1007/s12402-011-0059-x>

Tsygankova, N. I. (2011). Hyperactive children: educational practices and coping styles of mothers. *Medical Psychology in Russia*, 3(8). (In Russ.)

Zavadenko, N. N. (2005). *Hyperactivity and attention deficit in childhood: textbook for students of universities studying in the direction and specialties of psychology*. Academia. (In Russ.)

Об авторах:

Ирина Александровна Бакаева, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии образования, Южный федеральный университет (Российская Федерация, 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42), [ORCID](https://orcid.org/0009-0001-9142-8000), iabakaeva@sfedu.ru

Евгения Сергеевна Кобыляцкая, специалист по управлению персоналом 1 категории отдела профориентации и взаимодействия с ВУЗами службы управления персоналом, Северо-Кавказская железная дорога-филиал ОАО «РЖД» (Российская Федерация, 344019, г. Ростов-на-Дону, Театральная пл., 4), [ORCID](https://orcid.org/0009-0001-9142-8000), evg2162343@yandex.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

About the Authors:

Irina Aleksandrovna Bakayeva, Cand. Sci. (Psychology), Associate Professor, Educational Psychology Department, Southern Federal University (105/42, Bolshaya Sadovaya str., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation), [ORCID](#), iabakayeva@sfedu.ru

Evgeniya Sergeevna Kobilyatskaya, Personnel Management Specialist, 1st category, Vocational Guidance and Interaction with Higher Education Institutions, Personnel Management Service, North Caucasus Railway “Russian Railways” (4, Teatralnaya Sq., Rostov-on-Don, 344019, Russian Federation), [ORCID](#), evg2162343@yandex.ru

Conflict of interest: the authors do not have any conflict of interest.

All authors have read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию / Received 21.03.2024

Поступила после рецензирования / Revised 23.09.2024

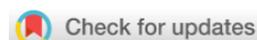
Принята к публикации / Accepted 30.09.2024

ОБЩАЯ ПЕДАГОГИКА GENERAL PEDAGOGY

UDC 378.1

<https://doi.org/10.23947/2658-7165-2024-7-5-75-82>

Subject Field Overview

ZPFIHP

Problems and Prospects of Higher Education Management in Iraq

Elena A. Makarova¹ , Elena L. Makarova² ,
Duha Taha Ismail Al-Mashhdani³

¹ Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

² Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

³ Al- Iraqia University College of Administration and Economics, Baghdad, Iraq

 makarova.h@gmail.com

Abstract

Introduction. Thanks to the government support and the innovative management system, the Iraqi education system has become not just educational institutions, but a modern hierarchical structure that meets the needs of modernity, directly related to the growth and development of the nation. Studying the problems and prospects of higher education management in Iraq will help young people entering a student exchange program decide on their choice of educational institution and professional direction. To identify the main challenges that most universities and institutes in Iraq have faced over the past few years, we used three different metaphors to view them: as machines, as organisms, and finally as cultures. This is due to the fact that any theory for studying an organization, although it can provide valuable information, is biased and incomplete.

Objective. Analyze the current educational system to see the problems and foresee the prospects of higher education in Iraq.

Universities as machines. Using this metaphor, it was found that the Iraqi higher education system has a problem of violation of hierarchy by its superiors in the case of management. Also, the problem of lack of encouragement of initiative was found to be present, which hinders the development of students' critical thinking. In addition, the problems of internal coordination of colleges, imbalance between authority and responsibility, lack of educational programs, and efficiency were found.

Universities as organisms. According to this metaphor, the review of universities takes into account the external environment and possible patterns of change. At this stage of the review, problems such as degradation of the higher education system due to harsh conditions in the country and government interference were identified, the inapplicability of the classical approach to universities in Iraq, the lack of support for teachers from the administration, a high degree of centralization, and the influence of political parties and religious groups on higher education in the country.

Universities as cultures. At this stage of the review, culturally based problems such as conservatism, consequently, and resistance to change, survival orientation, and ineffective fight against corruption were identified.

Discussion. In the subject field overview, there is much conflicting evidence on individual problems specific to higher education in Iraq. However, its presence is undeniable and the result of this review is a comprehensive list of growth areas of Iraqi higher education.

Keywords: Iraqi education, hierarchy, education management, assessment, higher education, curriculum, international standards, deficiency

For Citation. Makarova, E. A., Makarova, E. L., & Al-Mashhdani, D. T. I. (2024). Problems and prospects of development of higher education management in Iraq. *Innovative Science: psychology, pedagogy, defectology*, 7(5), 75–82. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2024-7-5-75-82>

Проблемы и перспективы управления высшим образованием в Ираке

Елена А. Макарова¹ , Елена Л. Макарова² , Духа Таха Исмаил Аль-Машдани³

¹ Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

² Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

³ Колледж администрации и экономики Университета Аль-Иракия, Багдад, Ирак

 makarova.h@gmail.com

Аннотация

Введение. Благодаря поддержке правительства и инновационной системе управления иракская система образования стала не просто учебно-воспитательными учреждениями, но и современной иерархической структурой, отвечающей потребностям современности, напрямую связанной с ростом и развитием нации. Изучение проблем и перспектив управления высшим образованием в Ираке поможет молодым людям, поступающим по программе студенческого обмена, определиться с выбором учебного заведения и профессионального направления. Чтобы определить основные проблемы, с которыми сталкивается большинство университетов и институтов Ирака в течение последних нескольких лет, мы использовали три разных метафоры для их рассмотрения: как машин, как организмов и, наконец, как культур. Это связано с тем фактом, что любая теория для изучения организации, хотя и может дать ценную информацию, является предвзятой и неполной.

Цель. Анализ текущей системы образования позволяет увидеть проблемы и предвидеть перспективы развития высшего образования в Ираке.

Университеты как машины. С помощью данной метафоры было выявлено, что в иракской системе высшего образования присутствует проблема нарушения иерархии вышестоящими ее звеньями в случае менеджмента. Также была обнаружена проблема отсутствия поощрения инициативы, что препятствует развитию критического мышления студентов. Кроме того, выявлены проблемы внутренней координации колледжей, дисбаланса между полномочиями и ответственностью, недостатка образовательных программ и эффективности.

Университеты как организмы. Согласно данной метафоре, рассмотрение университетов происходит с учетом внешней среды и возможных закономерностей ее изменения. На данном этапе обзора были выявлены такие проблемы, как деградация системы высшего образования в силу тяжелых условий в стране и вмешательства правительства, неприменимость классического подхода к университетам Ирака, недостаточность поддержки преподавателей со стороны администрации, высокая степень централизации, влияние политических партий и религиозных групп на высшее образование в стране.

Университеты как культуры. На данном этапе обзора были выявлены культурно обусловленные проблемы, такие как консервативность, следовательно и сопротивление изменениям, направленность на выживание, неэффективная борьба с коррупцией.

Обсуждение результатов. В рассматриваемом предметном поле много противоречивых данных относительно отдельных проблем, характерных для высшего образования Ирака. Однако их наличие неоспоримо и результатом данного обзора является комплексный перечень зон роста Иракского высшего образования.

Ключевые слова: образование Ирака, иерархия, управление образованием, оценка, высшее образование, учебная программа, международные стандарты, дефицит

Для цитирования. Макарова, Е. А., Макарова, Е. Л., Ал-Машхадани, Д. Т. И. (2024). Проблемы и перспективы развития управления высшим образованием в Ираке. *Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология*, 7(5), 75–82. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2024-7-5-75-82>

Introduction

Iraq is an Arab state located in the Middle East. This colourful country is one of the most ancient and important cultural centres in the Islamic world, with its centuries-old history, interesting culture, monumental mosques, ancient ruins and impressive holy places. Nowadays, Iraq is not only on most people's list of tourist destinations, but the country where many foreigners are willing to come to study. About a third of the students at Iraqi universities are foreigners, which gives the universities an attractive and multicultural character. Foreign students who want to study in Iraq would like to know more about the specifics, so different recent studies are devoted to Iraqi education academic reputation (Al-Rubaie, 2024), development and sustainability of educational system (Abad-Segura et al., 2020; Al-Rubaie et al., 2021), cross-cultural differences (Macháček & Srholec, 2022), employers and international faculty (Jameel & Ahmad, 2020), international students (Jawad, Al-Assaf, 2019), exchange student-to-faculty ratio (Makarova et al., 2021), gender roles in education (Boldyreva et al., 2023), high school management (Makarova & Makarova, 2018) and international research network (Asiedu et al., 2020).

Education System in Iraq is quite complicated, higher education institutions are divided into universities and technical institutes. In a technical institute, a student can study in two main educational programs. To obtain a bachelor's degree,

a student must complete a 4-year course of study. To obtain a technician's diploma, it is enough to study for two years. There are almost three times more technical institutes in the country than universities. The state provides its citizens with free education at all stages of study, and also provides scholarships to its students. In general, it is possible to describe the hierarchy of a higher education system to be composed of three main levels. At the centre is the technical core of the whole system where professors are teaching and students are learning in their classrooms and laboratories. The second and middle level is the managerial level where administrators (such as department Heads, college Deans, etc.) are buffering and bridging between the other two levels. Finally, the outer level is the institutional level where administrators like university presidents and their support staff are dealing with the external institutional environment (Murray et al., 2020).

The typical case in higher education is that the core loosely-coupled with the outer levels. This has many advantages, and it is often helpful maintaining the right goals for the whole education process. However, this loose-coupling also sometimes has disadvantages, e. g., faculty can resist pressures to update to more modern teaching techniques. It is of crucial importance for all universities and schools to have well-trained lecturers and teachers for delivering courses to students. In order to achieve that goal, those lecturers and teachers must be enrolled in high quality training courses focusing on modern theories and techniques in education. This also needs to be accompanied by giving an increasing consideration by administrators for teachers' continued professional development for promotion. In general, it is quite desirable for universities to reach some balance between teaching and research requirements. If universities want to give a priority to teaching, then they must reflect this priority in their tenure and promotion standards. An emphasis on teaching does not preclude a subsequent emphasis on high quality research; in fact, high quality teaching is a requirement and introduction into high quality research. There are three main dimensions of focus in a classroom. These are (Falvey 1995):

1. Curriculum: This dimension is concerned with answering the "What?" of teaching. In this dimension, there are three main areas to be highlighted, which are:

- Knowledge (the cognitive aspects of the material, and the ability of the student to understand and correctly recall them),
- Skills (the practical, experimental, and behavioural side of the course); and
- Attitudes (the affective side of the course). Note: Teachers need to be able to create as positive motivational feelings as they can for their students during course delivery. Also, it is quite desirable for these emotions to continue after the end of the course.

2. Instruction: This dimension is concerned with the "How?" of teaching. In this dimension, the lecturer considers various teaching methods and techniques in order to maximize the learning for all students.

3. Assessment: This dimension addresses the "How much?" of teaching. In other words, it addresses the degree to which the instructional methods helped students achieve the curricular goals. Assessment should include:

- Formative assessment (which is done during the period of course delivery); and
- Summative assessment (which is the assessment to be done for "gatekeeping purposes).

One important aim of formative assessment is to help students check their understanding of the required material. Another aim is informing the teacher as to how she/he should modify their instruction.

Higher education system in Iraq. When discussing an issue like higher education in a certain country, it is quite important to take into account the relevant peculiarities of that country such as history and culture. In this sense, we must establish some specific facets of Iraqi culture. Iraq is a nation with a history of several thousand years. About one thousand years ago, Baghdad was arguably the greatest city in the world. Given this history, it is not surprising that Iraq was a signatory country to the 1948 Universal Declaration of Human Rights; the 1970 International Covenant on Economic, Social, and Cultural Rights; the 1989 Convention of the Rights of the Child; and the 1990 Education for All Declaration. Moreover, it is difficult to find another country that faced more severe circumstances of wars, sanctions, and occupation similar as Iraq over the last three decades.

At the beginning of the 20th century, the first modern colleges were established in Iraq. The first was the College of Law and then the College of Medicine in Baghdad. In the early 1970s, and in order to fulfil the country's developmental objectives, Iraq endeavoured to reorganize and improve its educational system. In 1975 the government established the right to free education from primary to university level, although only primary education was made compulsory (Iraq: Law on Compulsory Education, 11 October 1976, <https://www.refworld.org/legal/legislation/natlegbod/1976/en/122524>). As a result, education was provided free of charge at all levels, and there was an increase in higher education students of 52 % between 1975 and 1988. By the end of 1980s, there was nearly one university in each large or middle-sized Iraqi governorate (18 in all), with five universities in Baghdad, the capital. According to the United Nations Office of the Humanitarian Coordinator for Iraq, Iraq had one of the best education systems in the Arab world at the beginning of the 1980s. The Higher Education system, especially the scientific and technological institutions, met the highest international standards (UN Office of the Humanitarian Coordinator for Iraq (2024). <https://iraq.un.org/en>).

Unfortunately, a dramatic shift started in 1990 just after the Iraqi occupation of Kuwait when the United Nations Security Council imposed economic sanctions on Iraq. These sanctions included an almost complete trade embargo, barring all imports from and exports to Iraq. These sanctions did not just affect the education system. They affected all

aspects of Iraqi life: infrastructure, employment, health, and the social fabric. Consequently, the general national decline had a profound effect on the lives of students and teachers who have been overwhelmed by events and have been living under highly stressed conditions for years. For the present time, governmental universities and institutions constitute about 85 % of higher education in Iraq. There are now about 25 universities and a similar number of two-year technical institutes. The other HE institutions consist of various “private universities and colleges”. These universities, institutes, and colleges are distributed throughout the Iraqi governorates, with Baghdad having the largest number of them. In Iraq, the Ministry of Higher Education and Scientific Research (MOHESR) is responsible for the management, administration, and supervision of all universities and most of the technical institutions, while all elementary and secondary schools altogether with some mid-level institutions are managed by another ministry, the Ministry of Education (Al-Husseini & Elbeltagi, 2018).

In 2024 Iraq achieves distinction in the number of universities participating in the Times Higher Education Impact Rankings. Confirming the educational services index in Iraqi universities and their various academic programs and their connection to the path of sustainable development and its goals, facing challenges, keeping pace with changes, contributing to awareness-raising and providing scientific solutions, the Ministry of Higher Education and Scientific Research announces that Iraq has achieved the first rank in the Arab world and seventh globally in the Times Higher Education Impact Rankings 2024 in terms of the number of universities participating in the 2024 edition, which witnessed the competition of 2152 from 125 countries around the world. The official website of the ranking (QS World University Rankings 2025: Top global universities (2024). <https://www.topuniversities.com/world-university-rankings?countries=iq>) showed that Iraqi universities achieved competitive ranks, with the University of Baghdad coming in at (801–850), followed by Al-Mustansiriya University (1001–1200), Babylon University (1201–1400), Basra University (1201–1400), and Kufa University (1201–1400).

Table 1

QS World University Rankings 2025: Top global universities of Iraq: comparative analysis

No.	University name	Research and discovery		Learning experience	Employability		Global engagement		Sustainability	
		Academic Reputation	Citations per Faculty	Faculty Student Ratio	Employer Reputation	Employment Outcomes	International Student Ratio	International Research Network	International Faculty Ratio	International
1	University of Baghdad	11.0	1.5	24.6	16.9	72.7	1.1	63.5	2.4	3.1
2	Mustansiriya University	5.0	1.3	51.2	8.4	4.2	3.6	14.0	35.7	1.1
3	University of Babylon	4.6	2.0	14.5	9.8	4.3	1.0	29.9	1.1	1.2
4	University of Basrah	5.5	1.4	18.4	9.3	10.0	1.1	33.7	1.3	1.0
5	University of Kufa	4.4	1.4	29.0	12.8	4.2	1.1	16.4	4.4	1.0

The QS rankings are based on academic reputation (30 %), employers (15 %), student-to-faculty ratio (10 %), citations (20 %), international faculty (5 %), international students (5 %), international research network (5 %), employability (5 %) and sustainability (5 %). Based on the results achieved that showed Iraq in a distinguished ranking, Iraqi higher education and scientific research institutions are proceeding with full confidence in improving the quality of university performance and providing a positive educational environment that meets the requirements of scientific knowledge and technical skills required to serve society and the standards of good education and academic accreditation that are in line with the United Nations Sustainable Development Goals.

The scientific review is presented by a systematic analysis of the problems and perspectives of higher education development in Iraq. Due to the fact that Iraqi higher education system is getting more attractive to foreign students, it is nice to know more about universities in Iraq. Researchers from different countries investigate on the specifics of education, their studies help people choose from plethora of choices. The material for this review was based on articles from English-language journals, as well as publications in Russian. **The purpose** of this article is to analyse the current education system in Iraq and identify the challenges and opportunities for the future development of higher education in this country.

Main Problems in Iraqi Higher Education. It is quite acceptable now to notify that all theories of management are based on implicit metaphors or images that enable us to understand and manage our organizations in distinctive and

partial ways. However, whenever we use the metaphor in order to read or understand organizational life, we have to be careful of the fact that it always produces some kind of one-sided insight. Thus, any theory for studying organization or management, while can create valuable insights, it is also biased and incomplete. Giving this inherently paradoxical aspect in recognizing theory as metaphor, we can simply conclude that no single theory may give us a perfect understanding of such organizational issues. The only way is to explore the implications of different metaphors for situations that we want to organize and manage.

In order to define the major problems that most of Iraqi universities and institutions have been suffering during the last few years and till this moment, we will use three different images to examine these universities: as machines, as organisms, and finally as cultures (Bearman et al., 2023). This would hopefully help us in defining some basic needs for these universities and also the expected barriers that we need to deal with when we try to achieve the required change.

Universities as Machines

This is the classical way of looking to organizations (universities) by imagining them as machines. Despite the fact that this view now is largely criticized to be so misleading especially in modern management, it still has some non-negligible strengths in some situations. Many people now are refusing to imagine universities as machines because this tends to underplay the so human aspects of a university. Universities simply are not rational and they need not to be so. However, the mechanical way of thinking is so ingrained in many people conceptions of universities such that they are not able to organize or manage in any other way.

The strengths this mechanical view can only be appreciated in certain environments stable enough to ensure that university products (the graduates) are always appropriate in a straightforward manner and that the “machine” parts (faculty, staff, and students) are compliant and behave in the same way they have been designed to do. In fact, such environments are so far from being a reality in many places and especially in a country like Iraq though most managers there cannot imagine universities or colleges in any different style. Away from all these limitations, using the metaphor of machine can enable us to define the following problems in Iraqi universities:

- Unity of command principle is violated in a usual manner by higher authorities. For example, many university presidents sometimes try to be involved in doing some dean’s or even department head’s jobs whenever they have any conflict with that dean or department head. This weakens the performance of the whole institution by making people uncertain who they-should obey. Such behaviour also causes a direct violation to the scalar chain principle.

- Some colleges (indeed some universities) might have a large number of diverse departments and units such that they face many coordinating problems. This violates the principle of span of control in the classical management theory.

- Initiative is practically discouraged most of the time at all levels of the higher education system in Iraq. This can be noticed in all levels of the higher education hierarchy. For example, in the core level, it is noticeable that most teachers are lecturing most of the time and spoon-feeding is the dominant teaching methodology where students need to highly depend on memorization. Actually, this one of the most serious pre-college problems where spoon feeding is also dominant in primary and secondary schools.

- It is quite possible to find many situations of unbalance between authority and responsibility. While higher level administrators are trying to decrease the authorities of lower levels, they are at the same time try to push more responsibilities on those.

- There is a big efficiency concern in most public organizations in Iraq. Universities are no exception. There is no accurate design for work tasks especially at the managerial and institutional levels. Yet worst, some significant jobs are not assigned to the best qualified persons. They rather usually assigned to people with good connections to administrators. In the core level, there are concerns related to old and inconsistent curricula, lack of modern lab apparatus, and poor libraries. These represent a deficiency in both task design and offering the required support for (teachers) task success.

- There is a deficiency in training programs in all levels. However, the most sever is the one in the core. Many faculty and staff members especially at some quickly changing disciplines such as ICT need continuous training on newer technologies and techniques. Despite that there are some training centres in Iraqi universities, but there are more than one concern about the quality and completeness of their programs.

Universities as Organisms

Using the image of organizations as organisms has had an enormous impact on the way we become looking and thinking about organization and organizational life during the last several decades. This metaphor brings attention on understanding and dealing with organizational needs and environmental relations. According to this point of view, we can no longer continue to treat our universities as being closed systems. We should understand the outer environments and the possible patterns of their change in order to identify the needs of our universities to stay healthy and to survive. Inspired by this metaphor we can notice the following concerns in Iraqi universities:

- More than thirty years ago, Iraq had a very good higher education system. Unfortunately, that system have been continuously degraded during all these years by Iraq sever circumstances and by not-well studied modifications mainly for political purposes by higher authorities. The system has been declining all these years and it can possibly reach to the death state if we could not fix it again. This obviously needs people with high quality leadership skills to be in the most significant positions. For the time being, it is so hard to claim that this is the case in Iraqi universities.

- There were many dramatic changes in the environment in Iraq during the last several years, so it could be meaningless to keep trying to satisfy some goals that were inspired by the classical machine-look view of universities. The primary orientation should be given to survival in this competing world. Issues like international accreditation and quality assurance, work market, and the globalization of education must be considered in a more serious manner.

- Universities can be seen as interacting processes that have to be balanced internally as well as externally in relation to outer environment. However, here we can find another concern in most Iraqi universities where most of the faculty and students believe that administrators do not give enough attention to their actual needs. For example, the MOHESR (MOHESR Issues List of Accredited Academic Programs (2024). <https://www.moe.gov.ae/En/MediaCenter/archive/mohesr/news/Pages/MOHESR-Issues-List-of-Accredited-Academic-Programs.aspx>) in the last several years has been continuously asking faculty members to publish their research papers in internationally recognized journal and/or present their work at international conferences. Meanwhile, it is still difficult for most faculty members to obtain enough financial support from universities to do that.

- Viewing universities as organisms implies that different types of universities are needed in different types of environments. This also implies that different approaches to management may be necessary to perform different tasks within the same university. Thus, giving the noticeable differences between different Iraqi regions, we can conclude that there two required steps in this direction. The first is to modify the Iraqi highly centralized higher education system to offer more flexibility and decentralization. Secondly, we should concentrate on designing more specialized universities that take into consideration the actual needs and diversity of the close outer environment. It is important to notice that most Iraqi universities now tend to be similar copies of each other with very similar colleges and scientific departments.

- One dangerous effect from outer environment in Iraq that must be buffered in some way is that many political parties and religious groups think that universities should be managed in a way that is beneficial to their ideologies and interests. Thus, they are affecting the selection of people for significant administrative positions (Jawad & Al-Assaf, 2019).

Universities as Cultures

This metaphor brings focus on the values, ideas, beliefs, assumptions, and other patterns of shared meaning that influence organizational life. Every aspect of organizational life embodies social constructions and meanings which are necessary to understand organization operation. The culture metaphor emphasizes the fact that it is possible to create or shape universities by influencing the ideologies, beliefs, values, assumptions, and other social practices that guide and affects people. This is very crucial to our understanding of change in universities. Inspired by this image for universities, we can notice the following in the Iraqi case:

- Despite the fact that we can find some unqualified teachers and a minority of some other corrupted teachers in Iraqi universities, it is important to keep in mind that the Iraqi culture is very sensitive to the issue of reputation and hence most people do not accept to be connected in any way to corrupted people. However, we can notice that the MOHESR instead of identifying such corrupted teachers and take the required legal actions against them, it continuously stress (usually before the final examinations every year) that all faculty members should submit three groups of questions with their sample answers per each class to their department. Then, the department randomly selects one group of them for assessing students and ignores the other two groups. MOHESR thinks that in this way they prevent corruption. However, it is obvious for everyone (Ministry of Higher Education and Scientific Research (MOHESR) (2024). <https://mohesr.gov.ae/en-us/Pages/home.aspx>) that this solution practically has no value. More seriously, this causes implicit negative reactions by many other faculty members. This is just one example of many actions that do not consider the culture issue in an appropriate manner.

- Due to the sever circumstances that Iraq have passed during the last years, many people in universities and other organizations have developed some kind of culture of survival behaviour. This culture is based on reflecting the good picture of everything to higher levels by burying any existent problems. Thus, many reports that are submitted to administrators are showing the picture they want to see even if it is not real. Yet worst, some administrators are even not willing to see the real picture. Thus, and with many years of such behaviour, many people reach to a state of even not seeing system problems. In accordance, they do not believe in the necessity of change. Indeed, many people are afraid for supporting any change because they believe this can be dangerous to their positions and jobs.

- One should arguably assume that there will be a resistant to any change in all the core, managerial, and institutional levels. This basically due to the fact that the required change do not only challenge actions and behaviours, but it also challenges people believes and assumptions. So, it is quite expected that the response to outer environment adaptation requirements such as international accreditation will be minimal as to fulfil reporting requirements. Thus, the cultural and social issue must be considered as significant in any plan for change.

- Considering the culture issue, there has been an important cultural change occurring during the last several years happening especially to students and other young people. They suddenly moved from a situation of semi-isolation from other countries in the world just before 2003 into much open environment with internet, mobile phones, and satellite TVs. They are now capable to compare the facilities and education programs offered by their universities to the facilities and programs offered in other universities around the world (Hiali et al., 2023). Thus, most of them are disappointed in some

way or another as a result of this comparison. Unfortunately, they have very limited freedom to express themselves in a correct way. Therefore, we can notice some aggressive behaviour of some of them against universities and available facilities. Many of them are keeping feel uncomfortable and unsatisfied. This represents an inherent internal resistance to faculty and administration actions and limits success possibilities all the time. This notice can also be inspired by the organism metaphor. However, it is quite possible to make a great benefit from these deep feelings stored by students if we could convince them that we are serious in doing noticeable enhancements in our programs, teaching methods, labs, and other facilities (Anastasiadou & Taraza, 2020).

Discussion

It is also possible to roughly describe all the above-mentioned problems by relating them to every one of the three levels of higher education hierarchy (the core, managerial, and institutional levels) (Егорова и Макарова, 2020). It is obvious that some of these problems can be related to more than one level at the same time. In this case, we need solutions that approach such problems in all related levels. Indeed, considering the general situation in most Iraqi universities in the recent few years, it is not difficult to notice that in most curricula there is an amplified concentration on knowledge aspects upon other issues of skills and attitudes (Макарова и Макарова, 2018). This concern is directly reflected on the instructional side in classrooms so that lectures are usually delivered in a spoon-feeding way with minimal student interaction. However, A. L. Abdulqader and L. N. Yampolskaya, in their research, on the contrary, concluded that the higher education system in Iraq is based not only on the development of society, but also on the development of personality, providing the study of many topics at an “advanced level” (Абдулкадер и Ямпольская, 2022). Of course, a similar remark can be noted for assessment where most of the overall mark percentage depends solely recalling of theoretical aspects (Al-Rubaie, 2024). The concern of insufficient focusing on the development of student skills might be partially justified by the lack of modern laboratory apparatus in most scientific departments and the difficulty of arranging high quality off-campus training due to the general unstable situation in Iraq. However, it seems that there is no acceptable way to justify that so many teachers are giving just a little focus onto the issue of attitudes.

Comprehensive quality education for Iraqi citizens is currently available through migration, including educational migration. R. M. Zinatullin notes that “due to the ongoing deaths of civilians in Iraq, students and teachers have resorted to forced migration as a measure. Many of them continue their studies in neighbouring countries like Jordan and Egypt” (Зинатуллин, 2022, с. 34). A good educational system is essential for revitalizing the Iraqi social, economic and political life, and is the key factor to security and the development of a unified, cohesive community. There is an urgent need for a more comprehensive reconstruction effort than solely compassionate assistance or physical rehabilitation of social facilities which ought to be centred on systems of reform processes.

References

- Al-Rubaie, M. D. S. (2024). Updating Curricula of Iraqi Higher Education Institutions & SDGs Achievement. *Middle East Journal of Educational and Psychological Sciences*, 4(1), 87–78. <https://doi.org/10.56961/mejeps.v4i1.569>
- Abdulqader, A. L., & Yampolskaya, L. N. (2022). The modern system of higher education in Iraq: problems and prospects. In *Orientalism. Actuality and prospects. Materials of the III International Scientific and Methodological Conference* (P. 73–75). HNPU is named after G. S. Skovoroda. (In Russ.)
- Abad-Segura, E., González-Zamar, M.-D., Infante-Moro, J. C., & Ruipérez García, G. (2020). Sustainable management of digital transformation in higher education: Global research trends. *Sustainability*, 12(5), 2107. <https://doi.org/10.3390/su12052107>
- Al Hiali, T. (2023). The role of digitalization and research and development on higher education institutions performance in Iraq with government support. *ArtsEduca*, 35, 224–234.
- Al-Husseini, S., & Elbeltagi, I. (2018). The role of knowledge sharing in enhancing innovation: a comparative study of public and private higher education institutions in Iraq. *Innovations in Education and Teaching International*, 55(1), 23–33. <https://doi.org/10.1080/14703297.2015.1122544>
- Al-Rubaie, M. D., & Majdi, H. S. (2021). *Education for Achieving Sustainable Development*. Al-Zawayafor Publication.
- Anastasiadou, S., & Taraza, E. (2020). Resistance to Change as an Obstacle Regarding Quality in Higher Education Institutions (HEIS). In *14th International Technology, Education and Development Conference* (P. 396–401). IATED. <https://doi.org/10.21125/inted.2020.0168>
- Asiedu, M. A., Anyigba, H., Ofori, K. S., Ampong, G. O. A., & Addae, J. A. (2020). Factors Influencing Innovation Performance in Higher Education Institutions. *The Learning Organization*, 27(4), 365–378. <https://doi.org/10.1108/TLO-12-2018-0205>
- Bearman, M., Ryan, J., & Ajjawi, R. (2023). Discourses of artificial intelligence in higher education: A critical literature review. *Higher Education*, 86(2), 369–385. <https://doi.org/10.1007/s10734-022-00937-2>
- Boldyreva, E. V., Elagina, M. Yu., & Korochentseva, A. V. (2023). Characteristics of women’s careers: international studies review. *Innovative Science: psychology, pedagogy, defectology*, 6(2), 59–69. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2023-6-2-59-69>
- Egorova, I. A., & Makarova, E. L. (2020). Management of international education: a review of basic concepts. *Bulletin of Taganrog Institute of Management and Economics*, 1(31), 102–106. (In Russ.)
- Falvey, M. A. (1995). *Inclusive and Heterogeneous Schooling: Assessment, Curriculum, and Instruction*. Paul H Brookes Publishing.

- Jameel, A. S., & Ahmad, A. R. (2020). The mediating role of job satisfaction between leadership style and performance of academic staff. *International Journal of Psychosocial Rehabilitation*, 24(04), 2399–2414. <https://doi.org/10.37200/IJPR/V24I4/PR201349>
- Jawad, S. N., & Al-Assaf, S. I. (2019). The Higher Education System in Iraq and Its Future. *International Journal of Contemporary Iraqi Studies*, 8(1), 55–72. https://doi.org/10.1386/ijcis.8.1.55_1
- Macháček, V., & Srholec, M. (2022). Predatory publishing in Scopus: Evidence on cross-country differences. *Quantitative Science Studies*, 3(3), 859–887. https://doi.org/10.1162/qss_a_00213
- Makarova, E. A., & Makarova, E. L. (2018). Application of systemic approach in the field of educational technology. “Systemic” model of the educational process. *Informatics, Computer Science and Engineering Education*, 2(33), 23–27. (In Russ.)
- Makarova, E. A., Makarova, E. L., & Egorova, I. A. (2021). International Student Exchange Management as Factor of Educational Services Development. *International Journal of Cognitive Research in Science, Engineering and Education*, 9(1), 75–90. <https://doi.org/10.23947/2334-8496-2021-9-1-75-90>
- Murray, D., Boothby, C., Zhao, H., Minik, V., Bérubé, N., Larivière, V. & Sugimoto, C. R. (2020). Exploring the personal and professional factors associated with student evaluations of tenure-track faculty. *PLoS One* 15(6). <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0233515>
- Zinatullin, R. M. (2022). Problems of realization of the right to education in the Republic of Iraq. *Ocean Management*, 1C(14), 32–37. (In Russ.)

About the Authors:

Duha Taha Ismail Al-Mashhadani, Master of International Business Program, Management and Innovative Technologies Department, Southern Federal University (105/42, Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation), Management and Economics Department, Al-Iraqiya University (Baghdad, Iraq), duhaalmashhdani@gmail.com

Elena Aleksandrovna Makarova, Dr. Sc. (Psychology), Professor of the General and Consultative Psychology Department, Don State Technical University (1, Gagarin Square, Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), [ORCID](https://orcid.org/10.0000-0000-0000-0000-0000), [SPIN-code, makarova.h@gmail.com](mailto:SPIN-code_makarova.h@gmail.com)

Elena Lvovna Makarova, Cand. Sc. (Psychology), associate professor of the Management and Innovative Technologies Department, Southern Federal University (105/42, Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation), [ORCID](https://orcid.org/10.0000-0000-0000-0000-0000), [SPIN-code, elmakarova@sfedu.ru](mailto:SPIN-code_elmakarova@sfedu.ru)

Conflict of interest: The authors do not have any conflict of interest.

The authors have read and approved the final manuscript.

Recieved / Поступила в редакцию 14.06.2024

Revised / Поступила после рецензирования 17.09.2024

Accepted / Принята к публикации 18.09.2024